

P. o. germ. ~~4285^h~~

Schiller

1274

Apr 28

ШЕЛАНЪ

1911

ДЕРЖАВСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ШИЛЛЕРА

ШИЛЛЕРЪ

ИМПЕРИЯ СЕВЕРНОГО

ИМПЕРИЯ

ВЪ ИМПЕРИИ СЕВЕРНОГО

ИМПЕРИИ

ИМПЕРИИ

ИМПЕРИИ

ИМПЕРИИ

ИМПЕРИИ

ИМПЕРИИ

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ШИЛЛЕРА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

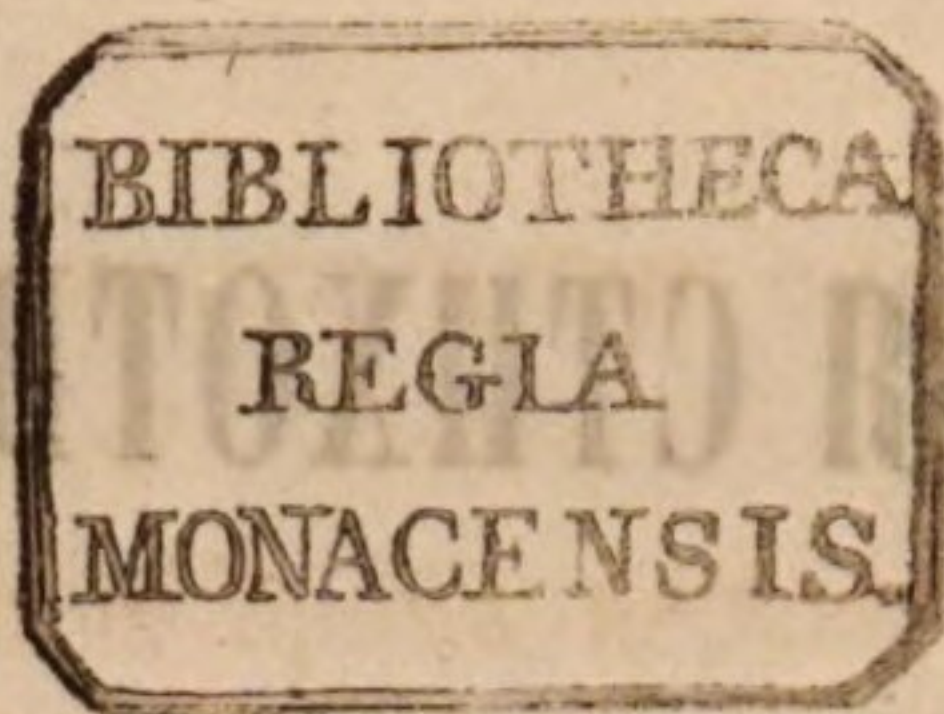
НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЯ

—
II

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1857

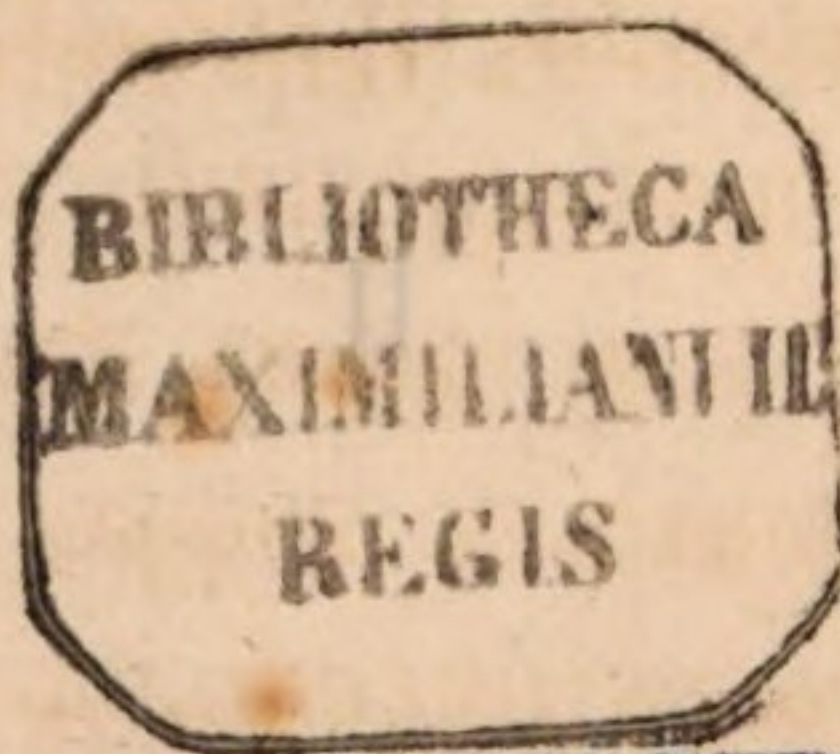

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 26 Апрѣля 1857 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Успѣхъ первой части «Лирическихъ Стихотвореній Шиллера въ Переводахъ Русскихъ Поэтовъ», далеко превзошедшій скромныя ожиданія издателя, утвердилъ его въ намѣреніи преслѣдовать свое предпріятіе до конца, то есть — издать *всего Шиллера въ русскомъ переводѣ.*

Съ этою цѣлью онъ обратился къ нѣкоторымъ современнымъ литераторамъ, снискавшимъ извѣстность своими переводами съ нѣмецкаго, съ предложеніемъ принять дѣятельное участіе въ его изданіи. Отвѣтомъ на вызовъ — было радушное

согласіе содѣйствовать всѣми силами задуманному предпріятію.

Въ настоящее время переводы десяти драмъ Шиллера уже доставлены издателю и приготавливаются къ печатанію. Изъ нихъ *пять* («Разбойники» и «Коварство и Любовь» — М. М. Достоевскаго, «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ» — Н. В. Гербея, «Пикколомини» — В. Н. Лялина и «Мессинская Невѣста» — О. Б. Миллера) — *переведены вновь*, а *два* («Донъ-Карлосъ» — М. М. Достоевскаго и «Вильгельмъ Телль» — О. Б. Миллера) — *исправлены и дополнены переводчиками*. Что же касается остальныхъ *трехъ* переводовъ, такъ хорошо извѣстныхъ русской читающей публикѣ («Марія Стюартъ» и «Смерть Валленштейна» — А. А. Шишкова 2-го и «Дѣва Орлеанская» — В. А. Жуковскаго), то они войдутъ въ предлагаемое изданіе безъ всякаго измѣненія.

Такое накопленіе матеріаловъ побудило меня приступить, скорѣе чѣмъ я думалъ, къ печатанію второй части «Лирическихъ Стихотвореній Шиллера», не дожидаясь присылки переводовъ нѣкоторыхъ мелкихъ піесъ, обѣщанныхъ мнѣ нашими извѣстными поэтами, чтобы тѣмъ не задержать, на неопредѣленное время, всего изданія.

Надѣюсь, что публика не обвинитъ меня за

такую поспѣшность, тѣмъ болѣе, что переводы *немногихъ* остальныхъ (не вошедшихъ въ эту часть) лирическихъ стихотвореній будутъ *непре- мѣнно* помѣщены въ приложеніи къ одной изъ послѣдующихъ частей моего изданія.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ составѣ второй части «Лирическихъ Стихотвореній Шиллера въ Переводахъ Русскихъ Поэтовъ», предлагаемой нынѣ вниманію читающей публики. При самомъ поверхностномъ обзорѣ ея содержанія нельзя не замѣтить значительнаго преобладанія новыхъ и исправленныхъ переводовъ надъ старыми, чего нельзя было сказать о первой части того же изданія. Это показываетъ сочувствіе современныхъ поэтовъ, какъ къ Шиллеру, такъ и къ моему предпріятію, единственная цѣль котораго — дать Русской Литературѣ *всего Шиллера въ возможно-хорошемъ переводѣ*. Не болѣе, не менѣе! Успѣваю ли я въ томъ — предоставляю судить критикѣ и публикѣ. При этомъ удобномъ случаѣ, считаю пріятнымъ для себя долгомъ принести, предъ лицомъ публики, мою искреннюю благодарность В. Г. Бенедиктову, М. А. Дмитріеву, М. М. Достоевскому, К. И. К.....у, В. С. Курочкину, А. Н. Майкову, Н. А. Маркевичу, А. Я. Мейснеру, Л. А. Мею, О. Б. Миллеру, Д. Е. Мину, М. Л. Михайлову, Я. П. Полонскому, А. Н. Струговщи-

кову, Ѳ. И. Тютчеву и А. Н. Яхонтову, которые перевели, исключительно для моего изданія, до *шестидесяти* стихотвореній Шиллера, изъ которыхъ нѣкоторыя можно смѣло назвать образцовыми, — именно: «Пѣснь Радости» и «Боги Греціи» — В. Г. Бенедиктова, «Борьба» — А. Н. Майкова, «Графъ Эбергардъ Грейнеръ» — Л. А. Мея и «Художники» — Д. Е. Мина. Последнее стихотвореніе, исполненное высокой философіи, надъ которою задумывались лучшіе комментаторы Шиллера, представляло, до сихъ поръ, такія неодолимая трудности, что ни одинъ переводчикъ не осмѣливался приняться за него. Наконецъ, Д. Е. Минъ, склонившись на убѣжденія покойнаго К. И. Рабуса, рѣшился на этотъ подвигъ, и, благодаря комментаріямъ Вигофа, окончилъ его съ честью.

Въ составъ второй части «Лирическихъ Стихотвореній Шиллера въ Переводахъ Русскихъ Поэтовъ», предлагаемой нынѣ вниманію публики, вошло *сто - двадцать переводовъ* разныхъ авторовъ (*). Изъ нихъ *пятьдесятъ четыре*

(*) Аксакова—3, Бенедиктова—4, Гербеля—5, Глинки—2, Губера—1, Державина—1, Дмитриева—10, Достоевскаго—4, Жуковскаго—5, К.....а—1, Крешева—1, Курочкина—1, Лихачева—1, Масальскаго—1, Майкова—1, Маркевича—1, Мерзлякова—1, Мейснера—18, Мея—11, Миллера—9,

стихотворенія — переведены вновь и напечатаны здѣсь въ первый разъ (), девятнадцать — исправлены переводчиками (**), два —*

Милонова — 1, Мина — 1, Михайлова — 7, Петерсона — 1, Писарева — 1, Полонскаго — 1, Струговщикова — 18, Тютчева — 3, Фета — 1, Шевырева — 2, Яхонтова — 1, *** — 1 и — *** — 1.

(*) Бенедиктовымъ — 3 (Къ Радости, Лаурѣ и Боги Греціи), Гербелемъ — 4 (Фантазія — Лаурѣ, Порука, Почести и Къ ***), Дмитріевымъ — 8 (Нынѣшнее поколѣніе, Къ Музѣ, Задача, Идеаль, Мистикамъ, Порицатель, Исправителю человѣчества и Внутреннее и внѣшнее), Достоевскимъ — 4 (Дѣвушка, Молодому другу, Нѣмецкой Музѣ и Могущество женщинъ), К.....ъ — 1 (Боги Греціи), Курочкинымъ — 1 (Лаурѣ), Майковымъ — 1 (Борьба), Маркевичемъ — 1 (Лаурѣ), Меемъ — 7 (Пуншевая пѣсня, Къ *, Къ Музѣ, Мистикамъ, Внутреннее и внѣшнее, Свѣтъ и цвѣтъ и Три возраста природы), Мейснеромъ — 10 (I, II, IV, V, VII, VIII, IX, X и XII — Загадки и Лжефриванія), Миллеромъ — 5) Антики — сѣверному страннику, Двѣ дороги жизни, Геній смерти съ опрокинутымъ факеломъ, Нѣмецкій геній и Средство соединенія), Миномъ — 1 (Художники), Михайловымъ — 3 (Истуканъ въ Саисѣ, Долгъ каждаго и Согласіе), Полонскимъ — 1 (Безукоризненность), Струговщиковымъ — 2 (Отрывокъ изъ баллады «Порука», и Ширина и глубина) Тютчевымъ — 1 (Фортуна и Мудрость) и Яхонтовымъ — 1 (Статуя подъ покрываломъ въ Саисѣ).

(**) Дмитріева — 2 (Къ Радости и Поликратовъ перстень), Крешева — 1 (Прогулка), Лихачева — 1 (Вѣкъ баснословія), Мейснера — 7 (Пѣсня, Дѣтоубійца, Іоаннѣ Д'аркъ и III, VI, XI и XIII — Загадки), Мея — 2 (Графъ Эбергардъ Грейнеръ и Идеаль), Миллера — 1 (Порука), Михайлова — 3 (Къ Музѣ, Ученый работникъ и Печать съ головою Гомера), Писарева — 1 (Торжество Грековъ побѣдителей), и Струговщикова — 1 (Пуншевая пѣсня).

переведены нарочно для предлагаемаго изданія, хотя онѣ и были помѣщены первоначально въ «Современникѣ» и «Библіотекѣ для Чтенія» () и сорокъ пять перепечатаны безъ измѣненія (**).*

Льщу себя надеждой, что и вторая часть «Лирическихъ Стихотвореній Шиллера въ Переводахъ Русскихъ Поэтовъ» встрѣтитъ такой же радушный пріемъ, какъ и первая.

Третья часть, куда войдутъ двѣ трагедіи Шиллера: «Разбойники» и «Донъ Карлосъ», обѣ въ пе-

(*) Меемъ — 1 (Пуншевая пѣсня для Сѣвера) и Гербелемъ — 1 (Орлеанской Дѣвѣ).

(**) Аксакова — 3 (Къ Радости, Встрѣча и Тайна), Бенедиктова — 1 (Къ Миннѣ), Глинки — 2 (Пегасъ въ ярмѣ и Рыцари Св. Іоанна), Губера — 1 (Закрытый истуканъ въ Саисѣ), Державина — 1 (Дѣва за арфою), Жуковского — 5 (Торжество побѣдителей, Кассандра, Поликратовъ перстень, Сраженіе съ змѣемъ и Рыцарь Тогенбургъ), Масальскаго — 1 (Почести), Мерзлякова — 1 (Къ Лаурѣ за клавесиномъ), Мейснера — 1 (Пегасъ въ ярмѣ), Мейя — 1 (Согласіе), Миллера — 3 (Нынѣшнее поколѣніе, Ключъ и Другъ и врагъ), Милонова — 1 (Мать-убійца), Михайлова — 1 (Милость музъ), Петерсона — 1 (Печать съ изображеніемъ головы Гомера), Струговщикова — 15 (Къ Радости, Женщину чтите, Поэзія жизни, Пегасъ, Орлеанской Дѣвѣ, Крестonosцы, Вильгельмъ Телль, Задача, Изученіе, Другу, Умъ и мудрость, Встрѣча, Врагъ, Рѣдкое сочетаніе и Тайна), Тютчева — 2 (Пѣснь Радости и Поминки), Фета — 1 (Семела), Шевырева 2 (Торжество любви и Отрывокъ изъ «Художниковъ»), * * * — 1 (Достоинство женщины) и — * * * — 1 (Орлеанской Дѣвѣ).

реводѣ М. М. Достоевскаго, снискавшаго извѣстность своимъ прекраснымъ переводомъ «Рейнеке-Лиса» (Reineke Fuchs) Гёте, уже печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Н. Гербель.

27-го Марта 1857 года.

С. Петербургъ.

перевод М. М. Достоевского, единственного издателя
книжки «Рассказы» (Hainke Buchs) Тито, уже переведен
и издан в виде отдельной брошюры.

Второй перевод «Рассказов» М. М. Достоевского
сделан в 1887 году. Этот перевод сделан М. М. Достоевским
и издан в виде отдельной брошюры. Этот перевод
сделан М. М. Достоевским и издан в виде отдельной
брошюры.

27-го Марта 1887 года
С. Петербург

Второй перевод «Рассказов» М. М. Достоевского
сделан в 1887 году. Этот перевод сделан М. М. Достоевским
и издан в виде отдельной брошюры. Этот перевод
сделан М. М. Достоевским и издан в виде отдельной
брошюры.

ГИМНЫ И ОДЫ.

THOMAS H. O'NEIL

1870-1900

THOMAS H. O'NEIL, 1870-1900

1870-1900

1870-1900

1870-1900

1870-1900

1870-1900

1870-1900

1870-1900

1870-1900

1870-1900

1870-1900

1870-1900

1870-1900

1870-1900

I.

1.

КЪ РАДОСТИ.

Радость, ты искра небесъ! ты божественна,

Дочь Елисейскихъ полей!

Мы, упоенные, входимъ торжественно

Въ область святыни твоей.

Все, что разрознено свѣта дыханіемъ,

Вяжешь ты братства узломъ;

Люди тамъ братья, гдѣ ты надъ созданіемъ

Легкимъ повѣешь крыломъ.

ХОРЪ.

Всѣмъ простертыя объятъя, —

Люди, всѣхъ лобзаемъ васъ!

Тамъ надъ звѣзднымъ сводомъ, братья,

Долженъ быть Отецъ у насъ!

Съ нами пируй, кто подругу желанную,
Дружбы нашель благодать,
Кто хоть единую душу избранную
Можетъ своею назвать,
Знаетъ, какъ бьется отрадою сладкою
Жаркая грудь на груди!...
Если-жь кто благъ сихъ не вѣдалъ — украдкою,
Съ плачемъ, отъ насъ отойди!

ХОРЪ.

Все, надъ чѣмъ ликъ солнца ходитъ,
Пусть обѣтъ любви творить:
Насъ къ звѣздамъ она возводитъ,
Гдѣ Невѣдомый царитъ.

Къ персямъ природы припасть, упивается
Радостью каждая тварь.
Добрый и злой неудержно кидается
Къ свѣтлой богинѣ въ алтарь.
Радость — путь къ дружбѣ, къ сердечному счастью,
Къ чашѣ съ виномъ золотымъ;
Червь съ нею дышитъ животною страстию,
Къ Богу летитъ херувимъ.

ХОРЪ.

Люди — ницъ! во прахъ главами!
Сердце чуетъ: есть Творецъ.

Тамъ Онъ, люди — надъ звѣздами —
Царь вашъ, Богъ вашъ и Отецъ!

Радость — пружина въ часахъ мірозданія, —

Маятникъ этихъ часовъ;

Радость, ты — пульсъ въ организмѣ созданія;

Въ жилахъ вселенной ты кровь.

Долу — ты цвѣтъ вызываешь изъ сѣмени;

Въ небѣ — средь вѣчной игры

Водишь по безднамъ пространства и времени

Солнцы, планеты, міры.

ХОРЪ.

Какъ летятъ небесъ свѣтила,

Такъ по дольному пути

Каждый, братья, въ комъ есть сила

Какъ герой на бой — лети!

Радость, ты путь указуешь искателю

Къ благу — къ вѣнцу бытія;

Въ огненномъ зеркалѣ правды — пыталю

Свѣтитъ улыбка твоя;

Смертному вѣшь ты солнечнымъ знаменемъ,

Вѣры съ крутой высоты

Въ щели гробницъ проникающимъ пламенемъ

Блещешь межъ ангеловъ ты.

ХОРЪ.

Люди, нашъ удѣлъ — терпѣнье.
Всякъ неси свой въ жизни крестъ!
Братья, тамъ вознагражденье —
У Отца, что выше звѣздъ!

Будемъ богамъ подражать! На твореніе
Милость ихъ сходитъ равно.
Скорбный и бѣдный, приди — наслажденье
Съ нами вкусить за одно!
Злоба, останься на вѣки забытою!
Врагъ нашъ да будетъ прощень!
Пусть оботретъ онъ слезу ядовитую, —
Пусть не терзается онъ!

ХОРЪ.

Въ пламя — книгу долговую:
Все прощенье врагамъ!
Богъ за нашу мировую
Примирится съ нами тамъ.
Пѣнится радость и въ чаши вливается,
Золотомъ гроздій горя;
Въ робкаго съ нею духъ бодрый вселяется,
Кротости духъ — въ дикаря.
Встанемъ, о братья, и къ своду небесному
Брызнемъ виномъ золотымъ!

Встанемъ — и доброму Духу безвѣстному
Этотъ бокаль посвятимъ!

ХОРЪ.

Въ хорахъ звѣздныхъ Кто прославленъ,
Серафимами воспѣтъ,
Выше звѣздъ Чей тронъ поставленъ —
Здѣсь да внемлетъ нашъ привѣтъ!

Братья, терпѣнье и твердость въ страданіяхъ!
Помощь невиннымъ въ бѣдѣ!

Строгая вѣрность — въ святыхъ общаніяхъ!
Честность и правда — вездѣ!

Предъ утѣсителемъ — гордость спокойная, —
Душить: умри — не дрожи!

Правому дѣлу — награда достойная!
Гибель исчадіямъ лжи!

ХОРЪ.

Лейся, нектаръ! пѣвьтесь, чаши!
Кругъ тѣснѣе становись!
Каждый вторь обѣты наши,
Божьимъ именемъ клянись!

Братья, пощада — злодѣя раскаянью!
Цѣпи долой на всегда!

Смерти есть мѣсто: нѣтъ мѣста отчаянью! —

Милость — и въ громъ суда!

И да услышимъ изъ устъ Безконечнаго

Гласъ Его: мертвый, живи!

Ада нѣтъ болѣ, — нѣтъ скрежета вѣчнаго!

Вѣчность — есть царство любви!

ХОРЪ.

Буди свѣтель часъ прощанья!

По могиламъ — сладкій сонъ!

Въ день же судный, въ день возстанья

Благость — судъ, любовь — законъ!

В. Бенедиктовъ.

2.

ПѢСНЬ РАДОСТИ.

Радость, первенецъ творенья,

Дщерь великая Отца, —

Мы, какъ жертву прославленья,

Предаешь тебѣ сердца!

Все, что дѣлитъ прихоть свѣта,

Твой алтарь сближаетъ вновь;

И душа, тобой согрѣта,

Пьетъ въ лучахъ твоихъ любовь.

ХОРЪ.

Въ кругъ единый, божьи чада!

Вашъ Отецъ глядитъ на васъ!

Святъ Его призывный гласъ,
И вѣрна Его награда!

Кто небесъ провидѣлъ сладость,
Кто любилъ на сей земли —
Въ миломъ взорѣ черпалъ радость,
Радость нашу раздѣли:
Всѣ, чье сердце сердцу друга
Въ братской вторило груди;
Кто жь не могъ любить — изъ круга
Прочь, съ слезами, отойди!...

ХОРЪ.

Душъ родство! о, лучъ небесный!
Вседержащее звено!
Къ небесамъ ведетъ оно,
Гдѣ витаетъ *Неизвѣстный!*

У груди благой природы,
Все, что дышетъ, радость пьотъ;
Всѣ созданья, всѣ народы
За собой она влечотъ;
Намъ друзей дала въ несчастьѣ,
Гроздїй сокъ, вѣнки харить,
Насѣкомымъ — сладострастье...
Ангель — Богу предстоить.

ХОРЪ.

Что, сердца, благовѣстите?
Иль Творецъ сказался вамъ?

Здѣсь лишь тѣни — солнце тамъ, —
Выше звѣздъ Его ищите!...

Душу божьяго творенья
Радость вѣчная поить,
Тайной силою броженья
Кубокъ жизни пламенить;
Травку выманила къ свѣту,
Въ солнцы хаосъ развила,
И въ пространствахъ, звѣздочету
Неподвластныхъ, разлила.

ХОРЪ.

Какъ міры катятся слѣдомъ
За вседвижущимъ перстомъ,
Къ нашей цѣли потечѣмъ
Бодро, какъ герой къ побѣдамъ!

Въ яркомъ истины зеркалѣ
Образъ Твой очамъ блеситъ;
Въ горькомъ опыта фіалѣ
Твой алмазъ на днѣ горитъ.
Ты, какъ образъ прохлажденья,
Намъ предходишь средь трудовъ;
Свѣтишь утромъ возрожденья
Сквозь разсѣлины гробовъ.

ХОРЪ.

Вѣрьте правящей Десницѣ! —
Наши скорби, слезы, вздохъ —

Въ ней хранятся, какъ зологъ, —
И искупятся сторицей!

Кто постигнетъ Провидѣнье?
Кто явить стези Его?
Въ сердцѣ съищемъ откровенье,
Сердце скажетъ Божество!
Прочь вражда съ земного круга!
Породнись душа съ душой!
Жертвой мести — купимъ друга,
Пуртуръ — вретища цѣной.

ХОРЪ.

Мы врагамъ своимъ простили, —
Въ книгѣ жизни нѣтъ долговъ;
Тамъ, въ святилищѣ міровъ,
Судить Богъ, какъ мы судили!...

Радость грозды наливаетъ,
Радость кубки пламенить,
Сердце дикаго смягчаетъ,
Грудь отчаянья живить!
Въ искрахъ къ небу брызжетъ пѣна,
Сердце чувствуетъ полнѣй:
Други, братья! — на колѣна! —
Всеблагому кубокъ сей!...

ХОРЪ.

Ты, Чья мысль духовъ родила,
Ты, Чей взоръ міры зажогъ, —

Пьомъ — Тебѣ, великій Богъ!
Жизнь міровъ и душъ свѣтило!

Слабымъ — братскую услугу,
Добрымъ — братскую любовь,
Вѣрность клятвъ — врагу и другу,
Долгу въ дань — всю сердца кровь!
Гражданина голосъ смѣлый
На совѣтъ къ земнымъ богамъ;
Торжествуй Святое Дѣло, —
Вѣчный стыдъ Его врагамъ!

ХОРЪ.

Нашу длань къ Твоей, Отецъ,
Простираемъ въ безконечность!
Нашимъ клятвамъ даруй вѣчность,
Наши клятвы — гимнъ сердцецъ!

Ф. Тютчевъ.

3.

КЪ РАДОСТИ.

Дочь Элизіума, радость!
Искра Бога въ долю намъ!
Мы, вкусивъ восторга сладость,
Входимъ въ твой священный храмъ!
Ты завешь любви въ объятъя
Чадъ враждебной суеты;
Тамъ всѣ люди снова братья,
Гдѣ крыломъ приникнешь ты.

ХОРЪ.

Обнимитесь, милліоны!
Міръ, лобзаніе тебѣ!
Тамъ, въ надзвѣздной высотѣ,
Нашъ Отецъ, любви полный!

Чей великій жребій — другу
Удѣлитъ свой тайный рай,
Кто нашелъ въ любви подругу —
Торжествуй и восклицай!
Всѣ, кто звалъ своей душою
Хоть одну, въ блаженствѣ узъ!
Кто не могъ найти — съ слезою
Братскій нашъ оставь союзъ!

ХОРЪ.

Весь творенья кругъ великой
Симпатіи вѣренъ будь!
Путь любви — къ небу путь,
Гдѣ Невѣдомый владыкой!

Радость, радость всѣ творенья
Пьютъ натуры у грудей!
Злымъ и добрымъ — наслажденья:
Всѣ по розамъ въ слѣдъ за ней...
Даръ ея намъ — гроздій сладость,
Другъ до смертнаго вѣнца...
Сладострастье — червю радость,
Херувиму — зрѣть Творца!

ХОРЪ.

Что поникли вы народы?
Міръ! ужели нѣтъ Творца?
Тамъ, горѣ ищи Отца,
Гдѣ Его надзвѣздны своды!

Радость — сильная пружина
Всей натуры, жизнь вѣковъ:
Ею движится машина
Міровыхъ ея часовъ.
Цвѣтъ она въ росткѣ выводитъ,
Солнца движеть въ небесахъ,
Сферы, коихъ не находитъ
Звѣздочетъ небесъ въ кругахъ.

ХОРЪ.

Какъ свѣтила въ путь пространной
По небесной широтѣ, —
Братья, радостно къ метѣ,
Какъ герой ко славѣ бранной!

Радость истины пытливцу
Свѣтитъ сквозь сомнѣній мглу,
Указуетъ терпѣливцу
Путь на доблести скалу;
На горахъ солнце-подобныхъ,
Тамъ, гдѣ вѣры знамена,
Зрима сквозь разщелинъ гробныхъ
Въ хорѣ ангеловъ — она!

ХОРЪ.

Милліоны, здѣсь страданье
Міра лучшаго залогъ! —
Тамъ за все великій Богъ
Вамъ готовитъ воздаянье!

Что равняетъ насъ съ богами?
Благость — духа красота:
Пусть же радуются съ нами
Здѣсь и скорбь и нищета!
Прочь отъ насъ вражда и мщенье!
Смертный врагъ нашъ — будь прощёнъ,
Чтобъ забылъ онъ угрызенье,
Тяжкихъ слёзъ не лилъ бы онъ!

ХОРЪ.

Книги долга — да не будетъ!
Міру миръ въ сей сладкій мигъ!
Какъ судили мы другихъ,
Тѣмъ судомъ и Богъ насъ судить.

Радость пѣнитъ намъ бокалы:
Въ крови гроздій золотой
Кротость пьютъ и каннибалы,
Бодрость — падшій предъ судьбой.
Братья, встаньте! кубокъ полный
Обходи нашъ братскій кругъ!
Онъ кипитъ, какъ жизни волны,
Въ честь Тебѣ, блаженный Духъ!

ХОРЪ.

Ты, кого кругъ звѣздный славить,
Серафимовъ гимнъ поётъ!
Въ честь Тебѣ, кто съ тѣхъ высотъ
Надъ звѣздами — міромъ править!

Твердость духа — въ день терпѣнья,
Помощь скорая — слезамъ,
Клятвамъ — вѣчность, лжѣ — презрѣнье,
Правда — ближнимъ и врагамъ!
Все — противу сильныхъ права,
Достояніе и кровь,
Гибель — злу, заслугѣ — слава,
Къ человѣчеству — любовь!

ХОРЪ.

Стань тѣснѣе, кругъ священный,
И клянись надъ чашей сей
Вѣрнымъ клятвѣ быть своей:
Внемлетъ намъ Онъ неизмѣнный!

Прочь порокъ и злодѣянье!
Прочь бичи! оковы въ прахъ!
Въ часъ предсмертный — упованье!
Милость — правды на вѣсахъ!
Будь и грѣшникамъ пощада!
Мертвымъ жизнь свѣтай опять!
Да не будетъ болѣ ада —
А любовь и благодать!

ХОРЪ.

Свѣтлый, свѣтлый часъ прощанья!

Тихій, сладкій сонъ въ гробахъ!

Слово милости въ устахъ

Судіи — на день возстанья!...

М. Дмитріевъ.

4.

КЪ РАДОСТИ.

Радость, міра украшенье,

Дочь родная небесамъ!

Мы вступаемъ въ упоеньи,

О, чудесная, въ твой храмъ.

Ты опять соединяешь,

Что обычай раздѣлилъ:

Нищаго съ царемъ равняешь

Вѣяньемъ отрадныхъ криль.

ХОРЪ.

Милліоны, къ намъ въ объятя!

Люди — поцалуй сей вамъ!

Надъ небеснымъ сводомъ — тамъ

Долженъ жить Отецъ нашъ, братья!

Тотъ, кому быть другомъ другу

Жребій выпалъ на земли,

Кто нашелъ себѣ подругу,

Съ нами радость тотъ дѣли;

Также тотъ, кто здѣсь своею

Душу хоть одну зоветъ;

Кто жь не можетъ — пусть скорѣе
Прочь, рыдая, отойдетъ.

ХОРЪ.

Все, что міръ сей наполняетъ,
Предъ сочувствіемъ смирись:
Пусть оно покажетъ въ высь,
Гдѣ Незримый обитаетъ.

Всѣ творенія живыя
Радость средь природы пьютъ,
Всѣ, — и добрые и злые,
По стезѣ ея идутъ.
Сонъ, вино, привѣтъ участя,
Друга намъ она даритъ:
Дышетъ червь животной страстью,
Къ Богу херувимъ летитъ.

ХОРЪ.

Милліоны, въ прахъ падите!
Міръ, ты чувствуешь Творца?
Выше звѣзднаго вѣнца
Въ небесахъ его ищите.

Радость — мощная пружина
Всѣхъ безчисленныхъ міровъ;
Радость двигаетъ машины
Вѣчныхъ міровыхъ часовъ,
Изъ сѣменъ цвѣты выводитъ,
Хоры звѣздны изъ небесъ,

Сферы въ отдаленнѣ водить ,
Недоступномъ для очесъ.

ХОРЪ.

Какъ свѣтилъ великихъ строенъ
Въ небѣ неизмѣнный ходъ ,
Братья, такъ всегда впередъ —
Бодро, какъ къ побѣдѣ воинъ!

Улыбается привѣтно
Средь стараній и заботъ ,
И страдальца непримѣтно
Къ цѣли доблестной ведѣтъ.
Вѣры на вершинѣ ясной
Ею вѣютъ знамена ,
И она, сквозь гробъ ужасный,
Въ хорѣ ангеловъ видна.

ХОРЪ.

Милліоны, здѣсь терпѣнье!
Лучшій міръ для васъ готовъ:
Тамъ, за цѣпью облаковъ,
Богъ воздастъ намъ награжденъе.

Надъ богами ль возвышатся?
Хорошо быть равнымъ имъ.
Горе, бѣдность веселятся
Счастьемъ пускай однимъ!

Будь забыта злость и мщенье!
Смертный врагъ нашъ, будь прощёнъ!
Пусть не знаетъ онъ мученья,
Пусть теперь не стонетъ онъ!

ХОРЪ.

Мы долги свои забыли;
Свѣтъ теперь свободенъ весь;
Братья, надъ шатромъ небесъ,
Судить Богъ, какъ мы судили.

Радостью кипятъ бокалы,
И въ крови вина златой
Пьютъ смиренье — каннибалы,
А отчаянье — покой.
Братья, встаньте! драгоценный
Обходить насъ кубокъ сталъ;
Пусть же къ небу брызжетъ пѣна! —
Духу доброму бокаль!

ХОРЪ.

Тотъ, Кому гремѣтъ хвалами
Цѣлый міръ не преставалъ,
Духу доброму бокаль —
Тамъ высоко надъ звѣздами!

Твердость — горю и страданьямъ,
Помощь — бѣдному во всѣмъ,

Вѣчность — даннымъ обѣщаньямъ ,
Правда — съ другомъ и врагомъ !
Мужество — предъ трономъ надо...
Братья, пусть погибнуть намъ ,
Но достоинству — награда,
Наказанье — злымъ дѣламъ !

ХОРЪ.

Въ кругъ священный всѣ стѣснитесь,
И хранить союзъ святой
Этой влагой золотой,
Всемогущимъ поклонитесь !

Н. Аксаковъ.

II.

ФАНТАЗІЯ — ЛАУРЪ.

Милая Лаура! назови ту силу,
Что такъ тѣло къ тѣлу трепетно влечетъ ;
Назови, Лаура, то очарованье,
Что насильно сердце сердцу отдаетъ !

То она вкругъ солнца учить обращаться
Стройныя планеты вѣчной чередой ;
И вкругъ владыки звѣзды тѣ кружатся ,
Словно ребятишки вкругъ своей родной.

И впиваетъ жадно каждая планета
Золотистый дождикъ солнечныхъ лучей;
Пьотъ огонь и силу изъ сосуда свѣта,
Какъ изъ мозга члены жизненный елей.

Солнечную искру съ солнечною искрой
Сочеталъ любовно міровой законъ...
Не любовь ли движетъ сферы міровыя?
Не на ней ли оставъ міра утверждёнъ?

Удали богиню съ колеса природы —
И система міра распадется въ прахъ:
Съ грохотомъ планеты упадутъ въ пространство,
И Ньютонъ заплачетъ о былыхъ мірахъ...

Пусть любовь покинетъ этотъ міръ духовный —
И подъ гнётомъ тѣла духъ его замретъ...
Безъ любви весною май не возвратится;
Безъ любви молитва къ Богу не дойдетъ.

Отчего, Лаура, поцѣлуй милой
Зажигаютъ пламя на щекахъ моихъ,
Заставляютъ сердце биться съ новой силой,
Кровь воспаменяютъ въ жилахъ молодыхъ? —

Жизненные силы расторгаютъ узы,
Кровь наружу рвется выбиться ключёмъ,
Жаркія объятія просятся въ объятія,
И сердца пылаютъ въ пламени одномъ.

Также полновластно, какъ въ твореньѣ мертвомъ,
Въ вѣчномъ тяготѣньѣ атомовъ міровъ —
Также полновластно — въ *ткани Арахнеи* (*)
Всей живой природы царствуетъ любовь!

Посмотри Лаура! — радость обнимаетъ
Страждущее горе, горе усыпивъ;
На груди надежды тихо замираетъ
Скорби нестерпимой бѣшенный порывъ.

Братское лобзанье разгоняетъ тучи —
Безотрадный сумракъ тягостныхъ скорбей...
И глаза, сверкая сладкими слезами,
Отражаютъ прелесть солнечныхъ лучей.

Милая! — не таже ль злая симпатія
Насъ влечетъ упорно въ царство тьмы и зла?...
Наши преступленья съ адомъ сочетались,
И враждуютъ съ небомъ мысли и дѣла!...

Вкругъ грѣха сплелися узловатымъ змѣемъ
Стыдъ и безнадежность — пара Эвменидъ;
Взмахи мощныхъ крылій славы безконечной
Грозная опасность зорко сторожить.

Гордостью играетъ жалкое паденье,
Зависть отравляетъ счастье нашихъ дней,

(*) Паутинная оболочка мозга, по мнѣнію медиковъ, сѣдалище высшихъ духовныхъ отправленій. *Прим. переводч.*

И развратъ безсильно па́даетъ въ объятъя
Неизбѣжной смерти — злой сестры своей.

На крылахъ любви будущее наше
Кинутся въ объятъя прошлаго спѣшить;
И Сатурнъ упорно по волнамъ пространства
Въ слѣдъ своей невѣстѣ-вѣчности летить.

Но наступить время (говорить оракулъ) —
И Сатурнъ невѣсту-вѣчность обрѣтётъ;
Пламень міра будетъ факеломъ ихъ брачнымъ,
И сѣдое время вѣчность обоймётъ.

Свѣтлая Аврора занялась надъ нами:
То любви денница, свѣтлый ангелъ мой!
Какъ ихъ брачной ночи ей конца не будетъ...
Милая Лаура, радуйся со мной!

Н. Гербель.

III.

ТОРЖЕСТВО ЛЮБВИ.

Счастливы любовью
Боги! — не любовью ль
Мы равны богамъ?
Съ нею рай свѣтлѣе;
Съ нею міръ подлунный
Небомъ свѣтитъ намъ!

Древле, слышится преданье,
Изъ недвижныхъ скалъ
Вмигъ возникло мірозданье,
Смертныхъ родъ возсталъ.
Ихъ сердца, какъ хладный камень;
Злоба въ нихъ и страхъ,
И небесъ всесильный пламень
Не пылалъ въ сердцахъ.

Ни Амуровъ рой воздушной
Не манилъ четы послушной
Цѣпью изъ цвѣтовъ;
Хоръ Камень — любви милыхъ —
Не плѣнялъ сердецъ унылыхъ
Звукомъ голосовъ.

Ахъ! любовники не знали
Плестъ вѣнцы порой;
Вѣсны съ грустью отлетали
Въ слѣдъ одна другой.

И Аврора безъ привѣта
Возставала съ водъ;
Безъ привѣта нисходило
Солнце въ лоно водъ.

По лѣсамъ сыны печали
Одинокіе блуждали, —

Бремя въ ихъ сердцахъ.
Ни слеза любви страданья
Не искала упованья
Въ мрачныхъ небесахъ.

Но вдругъ всплыла изъ свѣтлыхъ волнъ
Дщерь неба: взоръ любовью полнъ...

И вотъ плывутъ въ пучинѣ
Наяды въ слѣдъ богинѣ.

Какъ утра юнаго разсвѣтъ, —
Такъ озарилъ Весны привѣтъ
Творенья мракъ бездонный;
Стихи дышутъ, жизнью полны.

Денница съ звѣздной высоты

Богинѣ улыбнулась,
И роза съ трона красоты
Предъ нею развернулась.

Ужъ заунывный соловей

Запѣлъ ей пѣснь любви;

Ужъ волны оживилъ ручей

Дыханіемъ любви.

Твой мраморъ дышетъ красотой,

О, Пигмалъонъ! о, воскреситель!

О, богъ любви! ты — побѣдитель:

Твои созданья предъ тобой.

Счастливы любовью
Боги! — не любовью ль
Мы равны богамъ?
Съ нею рай свѣтлѣе;
Съ нею міръ подлунный
Небомъ свѣтитъ намъ!

Какъ мечта, какъ нектаръ алый
Бьющій искрами въ фіалы,
Средь любви пировъ
Дни летятъ боговъ.

Громовымъ перуномъ блещетъ
Съ трона гордаго Кронидъ,
Гнѣвъ власы его крутитъ
И Олимпъ подъ нимъ трепещетъ.

Зевсъ богамъ оставилъ тронъ:
Богъ міровъ — съ земли сынами, —
Въ мглѣ дубровъ вздыхаетъ онъ.
Смолкли громы подъ стопами;
Леды пламенной устами
Страхъ Титановъ усыплёнъ.

Въ голубыхъ волнахъ ээира —
Конеи бѣлою четой
Правитъ Фебъ въ броне златой:
Въ прахъ предъ нимъ народы міра!

Что ему его порфира?
Что ему народы міра?
Для любви, для звучныхъ лиръ
Онъ забылъ, забылъ про міръ.

Тамъ къ Юнонину престолу
Сонмъ богинь склонился долу;
Гордый взоръ ея скользитъ
Надъ четой младыхъ павлиновъ;
Блескомъ радужнымъ рубиновъ
На власахъ вѣнецъ горитъ.

О, богиня! что намъ въ славѣ?
Нѣтъ любви въ твоей державѣ!
Вянутъ жизни въ ней цвѣты...
Но кому сей гласъ молебный?
Съ гордой трона высоты
Молить — поясъ дать волшебный —
Не богиню ль красоты?

Счастливы любовью
Боги! — не любовью ль
Мы равны богамъ?
Съ нею рай свѣтлѣе;
Съ нею міръ подлунный
Небомъ свѣтитъ намъ.

Свѣтъ любви пронзаетъ адъ!
Тамъ лучи его блестятъ —

Въ темномъ царствѣ злой судьбины;
Предъ улыбкой Прозерпины
Возсіяль Плутона взглядъ :
Свѣтъ любви смиряетъ адъ.

Зазвучали ада своды ,
Церберъ смолкъ : то гласъ свободы ,
Лиры гласъ твоей, Орфей!...
Тамъ Миносъ въ тоскѣ глубокой
Укрощаетъ судъ жестокой ;
На власахъ Мегеры хладной
Змій смирился кровожадной ;
Спитъ тяжелый звукъ цѣпей!...
Тронуть пѣснію Орфея,
Вранъ покинулъ Прометея ,
И Коцитъ, дотолѣ громкой ,
Стихъ — и вотъ струею звонкой
Вторить пѣснь твою, Орфей! —
О любви ты пѣлъ, Орфей!

Счаствливы любовью
Боги! — не любовью ль
Мы равны богамъ ?
Съ нею рай свѣтлѣе ;
Съ нею міръ подлунный
Небомъ свѣтитъ намъ.

Весь природы стройный храмъ
Ей возносить ѳиміамъ ;

Міръ — алтарь любви.
Изъ-за дальнихъ, синихъ горъ
Не Діаны ль вижу взоръ?

Нѣтъ! — то взоръ любви.
Не богиня въ вышинѣ,
Улыбаясь, зрится мнѣ;
Не свѣтила въ небесахъ
Блещутъ въ радужныхъ лучахъ:
Все любовь — и *здесь* и *тамъ*!
И природа свѣтитъ намъ
Взорами любви!...

Про любовь журчитъ ручей, —
Быстрый токъ любовь смиряетъ;
Запоетъ ли соловей, —
Пѣснь любви любовь вдыхаетъ:
Все любовь, любовь одна
Въ звукахъ радости слышна!

Мудрость — въ солнечныхъ лучахъ!
Пусть твой огонь горитъ въ умахъ!
Уступи любви!
Предъ любимцами молвы
Не склоняла ты главы —
Покорись любви!

Кто надъ сонмами свѣтилъ
Въ вѣчность путь тебѣ открылъ

Свѣтлою стезёю ?
Кто, разрушивъ мглы покровъ ,
Сквозь разсѣлины гробовъ
Возсіялъ зарёю ?
Все любви небесной взоръ
Храмъ безсмертья освѣщаетъ,
И духовъ согласный хоръ
Ею къ Вышнему пылаетъ.
Такъ любовь, любовь одна
Намъ вождемъ къ Творцу дана !

Счаствливы любовью
Боги ! — не любовью ль
Мы равны богамъ ?
Съ нею рай свѣтлѣе ;
Съ нею міръ подлунный
Небомъ свѣтитъ намъ !

С. Шевыревъ.

IV.

КЪ ЛАУРЪ.

Клавесинъ, перстамъ твоимъ послушный ,
Зазвучалъ : я слышу гимнъ небесный, —
И стою, какъ истуканъ бездушный ,
И парю, какъ геній безтѣлесный.

Воздухъ — (только бъ не нарушить
Тѣхъ мелодій, что онъ слышитъ ,

Только бѣ слышать, только бѣ слушать) —
Притаился — и не дышитъ.
Мнится — полный кругъ созданья
Таесть въ нѣгѣ обаянья :
Оковала ты его
Струнъ волшебныхъ переборомъ ,
Какъ сковала бѣглымъ взоромъ
Область сердца моего.

Звуки льются въ огненныхъ размѣрахъ :
Кажется, все вновь и вновь творимы
На струнахъ, какъ на небесныхъ сферахъ,
Въ звукахъ тѣхъ родятся херувимы;
Кажется, изъ нѣдръ хаоса блещетъ
Новый міръ, и въ вихрь мірозданья
Восходя, за солнцемъ солнце хлещетъ
Бурными потоками сіянья.

Слышится мнѣ въ сладкихъ
Переливныхъ тонахъ —
Ручеёкъ на гладкихъ
Камешкахъ надонныхъ ;

Слышится мнѣ — то по тучамъ гремѣщій
Божій органъ тотъ, гдѣ, сыпя перуны ,
Рвутся сверкающей молніи струны ;
То по уступамъ съ обрывовъ скользящій
Съ шумомъ глухимъ — изъ раската въ раскатъ —
Прыщущій пѣной широкой каскадъ ;

То ласкательно-игривый
Въ перескокъ черезъ лѣсокъ
Шаловливо листья ивы
Покачнувшій вѣтерокъ ;

То мнѣ въ стенающихъ звукахъ открыта
Адская бездна, гдѣ волны Коцита —
Слѣзные волны — текутъ черезъ край ;
То предо мной разверзается рай...

И готовъ спросить у дѣвы
Я сквозь трепеть въ этотъ мигъ :
То не райскіе ль напѣвы ,
Не предвѣчный ли языкъ ?

В. Бенедиктовъ.

V.

1.

БОГИ ГРЕЦИИ.

Въ таинственномъ туманѣ отдаленья
Когда-то вы, о , боги древнихъ лѣтъ ,
Руководя земныя поколѣнья ,
Лелѣяли младенчественный свѣтъ !
И все не такъ являлось тамъ , какъ нынѣ :
Воздвигнуть былъ тамъ Афродиты храмъ ,
Гдѣ пламенныхъ сердецъ увѣнчанной богинѣ
Курился оиміамъ.

Природа тамъ была сестрой искуству ;
Тамъ истина была сродни мечтамъ ;
И что теперь такъ недоступно чувству ,
До глубины прочувствовано тамъ ;
Природы всей былъ ликъ облагороженъ ,
Уразумленъ былъ образъ естества ;
По всюду и во всемъ былъ явный слѣдъ проложень
Живаго божества.

И гдѣ теперь, взоръ обративъ къ денницѣ ,
Мы только шаръ бездушный видимъ въ ней ,
Тамъ Геліосъ на пышной колесницѣ
Сіялъ, сверкалъ и гналъ своихъ коней ;
Летучихъ нимфъ былъ полонъ сводъ лазурный ,
Дріадами одушевленъ былъ садъ ,
И свѣтлый водный ключъ билъ брызгами изъ урны
Смѣющихся наядъ.

Пѣвица-ли пернатая запѣла ?
Легла-ль роса на чаши юныхъ розъ ? —
Тамъ грустная стенала филомела ,
А тутъ былъ слѣдъ Авроры чистыхъ слёзъ .
Ручей-ли текъ струею свѣтло-синей :
Катился онъ у Нимфы изъ очей ;
Иль это былъ въ тоскѣ рыдающей богиней
Наплаканный ручей.

Безсмертные къ Девкаліона чадамъ
Слетали тамъ для общихъ съ ними дѣлъ ;

Гиперіонъ, взявъ посохъ, нѣжнымъ взглядомъ
На Пирры дочь прекрасную глядѣлъ.
Отъ тайныхъ стрѣлъ Эроса не спасались
И боги тамъ, — и, съ пламенемъ въ крови,
Герои, смертные и боги покорялись
Могуществу любви.

Всечтимая наперсница святыни,
Приставница священнаго огня,
Весталка тамъ, предъ алтаремъ богини
Невинныя колѣни преклоня ,
И чая быть самимъ безсмертнымъ равной,
Санъ дѣвственный умѣла такъ хранить ,
Что поясъ у нея самъ Зевсъ громодержавный
Не смѣлъ-бы разрѣшить.

Божественно сіялъ тамъ вѣчный пламень,
Что въ гимнахъ былъ у Пиндара зажжёнъ ,
У Фидія — вѣдренъ въ безсмертный камень
И данъ твоей былъ лирѣ, Аріонъ.
Даръ творчества на смертныхъ шель отъ Феба,
И небыло тамъ мѣста грустной мглѣ ,
Гдѣ боги, нисходя, себѣ второе небо
Творили на землѣ.

Торжественнѣй была надъ зломъ побѣда
Подъ сѣнію Медузина щита ,
И прелестью цвѣтущей Ганимеда
Тамъ юноши блистала красота.

Гдѣ Гименей вязалъ судьбу съ судьбою ,
Была плотнѣй сердцеъ союзныхъ связь ,
И мягче и нѣжнѣй у Парокъ подъ рукою
Жизнь смертнаго прядлась.

Обычнаго земнаго поклоненья
И тяжкихъ жертвъ не требовалось тамъ ;
Тамъ счастья искали всѣ творенья:
Кто счастливъ былъ, тотъ равенъ былъ богамъ;
Прекрасное одно лишь было свято,
Отъ пиршества не уклонялся богъ,
И свѣтлый храмъ его изъ мрамора и злата
Былъ праздничный чертогъ.

На сборищахъ Истмійскихъ колесницы
Неслись съ огнемъ и громомъ въ перегонъ ;
Привѣтный кликъ былъ слышимъ у границы
И сыпались вѣнки со всѣхъ сторонъ.
Блаженъ — за кѣмъ побѣда оставалась :
Онъ ликовалъ, боговъ благодаря,
Съ нимъ ликовалъ народъ и пляской обвивалась
Святыня алтаря.

Давали знать въ блестящей сбруѣ тигры
И по горамъ «эвое» звучный кликъ ,
Что настаютъ вакхическія игры —
И Бахусъ свой являлъ румяный ликъ ;
Шли впереди и фавны и сатиры,
Кругомъ толпы неистовыхъ менадъ ;

Тамъ полногрудыя вакханки, чаши, лиры

И сочный виноградъ.

Сухой скелетъ — страшилище твореній

Не шель къ одру, гдѣ смертный угасаль:

Надъ смертнымъ тѣмъ безмолвный, тихій геній

Съ улыбкою свой факель опускаль,

И въ сладостномъ, мирительномъ лобзаньѣ,

Склонясь надъ нимъ, лишеннымъ жизни силъ,

Съ поблеклыхъ устъ его послѣднее дыханье

Спокойно уносилъ.

И въ тартарѣ, средь всеразящей бури,

Надъ страждущимъ порою бичъ суда

Смягчаемъ былъ, и жалость сердцу фурій

Небесная давалась иногда;

И грозный судъ бываль небезсердечень:

Поставленъ былъ при орковыхъ вѣсахъ

Внукъ человѣческій, чтобъ взглядъ былъ человѣченъ

И въ самыхъ небесахъ.

Въ Элизіумъ толпой спѣшили тѣни

Для сладкаго свиданія и встрѣчъ;

Тамъ слышались и звуки пѣснопѣній

И лиры звонъ и родственная рѣчь;

Шли группы женъ къ своимъ мужьямъ и чадамъ,

Шли юноши въ объятія невѣстъ,

Шель къ другу вѣрный другъ и встрѣчею съ Пиладомъ

Обрадованъ Орестъ.

На доблестномъ пути своемъ къ наградамъ
Высокую тамъ смертный цѣль имѣлъ:
Какъ полубогъ, порой съ богами рядомъ
Стоялъ герой — свершитель славныхъ дѣлъ.
Онъ мертвыхъ звалъ — и мертвые вставали!
Сбивались-ли въ пути морскомъ пловцы:
Касторъ и Пѣлуксъ ихъ съ Олимпа ободряли —
Герои-близнецы.

Прекрасный міръ! Весна со всей любовью,
Всей прелестью, — исторіи весна!
Мой жадный взоръ стремится къ баснословью,
Гдѣ жизни той хоть тѣнь сохранена.
О, возвратись!... Но временамъ нѣтъ ходу
Обратнаго, — и для меня мертва
Природа нашихъ дней, гдѣ вижу я природу,
Не видя божества.

Отъ сѣвера повѣяло дыханье:
Весна прошла, насталъ конецъ всему.
Ушло боговъ бесчисленныхъ собранье,
Чтобъ мѣсто дать надъ міромъ одному.
Селены я ищу на звѣздномъ сводѣ:
Селена гдѣ? — сводъ звѣздный нѣмъ стоитъ.
Гдѣ божество твое? взываю я къ природѣ:
Бездушная — молчить.

Разумному сознанью непричастна,
Разрознена съ тѣмъ духомъ міровымъ,

Которому безчувственно подвластна,
Она чужда всѣмъ радостямъ моимъ.
Къ художнику, какъ кукла, равнодушна,
Какъ мертвые часы — заведена,
Лишась своихъ боговъ, лишь тяжести послушна
Влеченіямъ она...

Сегодня взрывъ сама себѣ могилу,
Въ ней погребетъ планетъ своихъ шары,
А завтра, тужь возобновляя силу,
Пойдетъ вращать возникшіе міры;
И боги тѣ, что дѣтства въ возрастъ малый
На помочахъ водили міръ земной,
Его оставили — и сталъ онъ, возмужалый,
Держаться самъ собой.

Ваятель тамъ, открывъ себѣ дорогу
Къ безсмертію, могъ равень быть въ вѣкахъ
Изъ мрамора имъ вызванному богу:
Передъ Творцемъ здѣсь каждый смертный — прахъ,
Земной червякъ, немногимъ долговѣчнѣй
Другихъ червей. Святъ Богъ нашъ, — грѣшенъ вѣкъ!
А тамъ, гдѣ божество являлось человѣчнѣй,
Святѣй былъ человекъ.

Создатель мой! Свѣтило новой вѣры!
Ты вѣчный блескъ, а я обхваченъ тьмой;
Ты царь небесъ, Тебѣ нѣтъ вѣса, мѣры,
Тебя обнять не можетъ разумъ мой —

Гдѣ Гименей вязалъ судьбу съ судьбою ,
Была плотнѣй сердцеъ союзныхъ связь ,
И мягче и нѣжнѣй у Парокъ подъ рукою
Жизнь смертнаго прядась.

Обычнаго земнаго поклоненья
И тяжкихъ жертвъ не требовалось тамъ ;
Тамъ счастья искали всѣ творенья :
Кто счастливъ былъ , тотъ равенъ былъ богамъ ;
Прекрасное одно лишь было свято ,
Отъ пиршества не уклонялся богъ ,
И свѣтлый храмъ его изъ мрамора и злата
Былъ праздничный чертогъ.

На сборищахъ Истмійскихъ колесницы
Неслись съ огнемъ и громомъ въ перегонъ ;
Привѣтный кликъ былъ слышимъ у границы
И сыпались вѣнки со всѣхъ сторонъ .
Блаженъ — за кѣмъ побѣда оставалась :
Онъ ликовалъ , боговъ благодаря ,
Съ нимъ ликовалъ народъ и пляской обвивалась
Святыня алтаря .

Давали знать въ блестящей сбруѣ тигры
И по горамъ «эвое» звучный кликъ ,
Что настаютъ вакхическія игры —
И Бахусъ свой являлъ румяный ликъ ;
Шли впереди и фавны и сатиры ,
Кругомъ толпы неистовыхъ менадъ ;

Тамъ полногрудыя вакханки, чаши, лиры

И сочный виноградъ.

Сухой скелетъ — страшилище твореній

Не шель къ одру, гдѣ смертный угасалъ:

Надъ смертнымъ тѣмъ безмолвный, тихій геній

Съ улыбкою свой факель опускалъ,

И въ сладостномъ, мирительномъ лобзаньѣ,

Склонясь надъ нимъ, лишеннымъ жизни силъ,

Съ поблеклыхъ устъ его послѣднее дыханье

Спокойно уносилъ.

И въ тартарѣ, средь всеразящей бури,

Надъ страждущимъ порою бичъ суда

Смягчаемъ былъ, и жалость сердцу фурій

Небесная давалась иногда;

И грозный судъ бывалъ небезсердеченъ:

Поставленъ былъ при орковыхъ вѣсахъ

Внукъ человѣческій, чтобъ взглядъ былъ человѣченъ

И въ самыхъ небесахъ.

Въ Элизіумъ толпой спѣшили тѣни

Для сладкаго свиданія и встрѣчъ;

Тамъ слышались и звуки пѣснопѣній

И лиры звонъ и родственная рѣчь;

Шли группы женъ къ своимъ мужьямъ и чадамъ,

Шли юноши въ объятія невѣстъ,

Шель къ другу вѣрный другъ и встрѣчею съ Пиладомъ

Обрадованъ Орестъ.

На доблестномъ пути своемъ къ наградамъ
Высокую тамъ смертный цѣль имѣлъ:
Какъ полубогъ, порой съ богами рядомъ
Стоялъ герой — свершитель славныхъ дѣлъ.
Онъ мертвыхъ звалъ — и мертвые вставали!
Сбивались-ли въ пути морскомъ пловцы:
Касторъ и Полуксъ ихъ съ Олимпа ободряли —
Герои-близнецы.

Прекрасный міръ! Весна со всей любовью,
Всей прелестью, — исторіи весна!
Мой жадный взоръ стремится къ баснословью,
Гдѣ жизни той хоть тѣнь сохранена.
О, возвратись!... Но временамъ нѣтъ ходу
Обратнаго, — и для меня мертва
Природа нашихъ дней, гдѣ вижу я природу,
Не видя божества.

Отъ сѣвера повѣяло дыханье:
Весна прошла, насталь конецъ всему.
Ушло боговъ бесчисленныхъ собранье,
Чтобъ мѣсто дать надъ міромъ одному.
Селены я ищу на звѣздномъ сводѣ:
Селена гдѣ? — сводъ звѣздный нѣмъ стоитъ.
Гдѣ божество твое? взываю я къ природѣ:
Бездушная — молчить.

Разумному сознанью непричастна,
Разрознена съ тѣмъ духомъ міровымъ,

Которому безчувственно подвластна,
Она чужда всѣмъ радостямъ моимъ.
Къ художнику, какъ кукла, равнодушна,
Какъ мертвые часы — заведена,
Лишась своихъ боговъ, лишь тяжести послушна
Влеченіямъ она...

Сегодня взрывъ сама себѣ могилу,
Въ ней погребетъ планетъ своихъ шары,
А завтра, тужь возобновляя силу,
Пойдетъ вращать возникшіе міры;
И боги тѣ, что дѣтства въ возрастъ малый
На помочахъ водили міръ земной,
Его оставили — и сталъ онъ, возмужалый,
Держаться самъ собой.

Ваятель тамъ, открывъ себѣ дорогу
Къ безсмертію, могъ равень быть въ вѣкахъ
Изъ мрамора имъ вызванному богу:
Передъ Творцемъ здѣсь каждый смертный — прахъ,
Земной червякъ, немногимъ долговѣчнѣй
Другихъ червей. Святъ Богъ нашъ, — грѣшенъ вѣкъ!
А тамъ, гдѣ божество являлось человѣчнѣй,
Святѣй былъ человѣкъ.

Создатель мой! Свѣтило новой вѣры!
Ты вѣчный блескъ, а я обхваченъ тьмой;
Ты царь небесъ, Тебѣ нѣтъ вѣса, мѣры,
Тебя обнять не можетъ разумъ мой —

Къ тебѣ стремлюсь: напрасныя усилья!
Тебя зову — и мнѣ отвѣта нѣтъ...
О, безконечный Духъ! дай силы мнѣ, дай крылья
Взлетѣть въ твой горній свѣтъ!

В. Бенедиктовъ.

2.

БОГИ ГРЕЦІИ.

Когда еще вы міромъ управляли,
О, существа миѳическихъ времёнъ
Когда вездѣ вы радости являли,
Руководя судьбой земныхъ племёнъ;
Когда вашъ блескъ отрадный изливался —
Природа вся была тогда свѣтлѣй:
Венеры храмъ гирляндами вѣнчался..
И сколько жертвъ тамъ приносилось ей!

Поэзіи волшебной пеленою
Ликъ истины задернуть былъ тогда,
Проникнуть міръ былъ чувства полнотою,
Котораго не видно и слѣда,
Все жизнію кипѣло совершенной,
Высокихъ чувствъ свѣтильникъ пламенѣлъ;
Тогда вездѣ, во всёмъ взоръ освященный
Слѣдъ божества плѣнительнаго зрѣлъ.

Гдѣ нынѣ шаръ безжизненный, огнистый
Мы видимъ, вѣря нашимъ мудрецамъ,
Богъ Геліосъ — блистательно-лучистый —
Златою колесницей правилъ тамъ;
На томъ холмѣ рѣзвилась Ореада;
Съ тѣмъ деревомъ Дріада умерла;
Изъ урны той прелестная Наяда
Серебрянный источникъ пролила.

И лавры тѣ вокругъ Дафны увивались;
Изъ тростника того, изъ рощи той
Сириксы скорбь и вопли раздавались,
И стоны филомелы молодой;
Тотъ ручейкъ Церера наполняла
Потокомъ слёзъ о дочери судьбѣ;
Цитера здѣсь напрасно призывала
Прекраснаго Адониса къ себѣ.

Въ тѣ времена былъ близокъ родъ небесный
Къ потомству твоему, Девкаліонъ!
Плѣненный Пирры дочерью прелестной,
Взялъ посохъ пастыря Гиперіонъ.
Между людьми, героями, богами
Скрѣплялъ союзъ прекрасный Купидонъ:
И всѣ они любви подъ знаменами
Сходились тамъ, гдѣ воцарялся онъ.

Предъ алтарёмъ трехъ грацій преклоняла
Колѣна жрица, полная красой,

И къ граціямъ обѣты возсылала ,
Къ Цитерѣ же — своихъ желаній рой.
Сознанье высшей власти проявило
Въ ней доблести верховныхъ силъ небесъ:
Священный поясъ прелести хранило,
Смирился предъ которымъ самъ Зевесъ.

Небесенъ и безсмертенъ былъ тотъ пламень ,
Который лился въ Пиндара стихахъ ,
И Оидія рѣзцомъ бездушный камень
Божественно одушевлялъ. Въ чертахъ
Возвышенныхъ существъ тогда являлись
Происхожденья ихъ слѣды. Съ небесъ
Безсмертные на землю низпускались ,
И небо открывалось для очесъ.

Заманчивѣй намъ юность улыбалась ,
Цвѣтя подъ ганимедовымъ вѣнкомъ ;
Божественнѣй и храбрость тамъ являлась
Тритоніи съ медузинымъ щитомъ ;
Союзъ сердецъ Гимена былъ священнѣй ,
И жизни нить восторженнѣй вилась :
Она была заманчивѣй, блаженнѣй ,
Затѣмъ, что Парками прядлась.

Суровые и тяжкіе обѣты
Въ честь божеству не требовались тамъ ,
И были счастіемъ сердца согрѣты ,
И счастіе доступно было вамъ ;

Тогда святымъ прекрасное считали,
И не стыдились боги пировать,
Гдѣ свой завѣтъ Камены соблюдали,
Гдѣ Граціи могли повелѣвать.

И ваши храмы, какъ дворцы, блистали;
На славныхъ олимпійскихъ празднествахъ
Златая колесницы грохотали,
Стремясь къ желанной цѣли; на главахъ,
Духами умащенныхъ, красовались
Вѣнки изъ свѣжихъ лавровыхъ вѣтвей,
И бѣшенною пляской обвивались
Подножія священныхъ алтарей.

Чу! — по горамъ «эвое» раздается,
Тѣмъ возвѣщая Вакха шумный ходъ:
Толпы менадъ неистовыхъ несется
Восторженный и шумный хороводъ;
А вотъ и Вакхъ; предъ нимъ идутъ, шатаясь,
Сатиръ и Фавнъ; повсюду громкій смѣхъ. —
И все шумить, восторгамъ предаваясь;
И манить Вакхъ къ завѣтной чашѣ всѣхъ.

Не приступалъ тогда скелеть ужасный
Къ одру, на коемъ смертный угасалъ;
Но грустный геній, поцѣлуй свой страстный
Напечатлѣвъ, свой факель опускалъ;
Прекрасный, ясный образъ улыбался,
Склонясь надъ нимъ, изтерзаннымъ судьбой,

И, вмѣстѣ съ нимъ, спокойно удалялся —
Съ послѣднимъ вздохомъ — въ міръ иной.

Тѣней по страшнымъ не судилъ законамъ
Суровый рокъ въ странѣ загробной той, —
Безжалостный къ страданіямъ и стонамъ,
Но существо рожденное женой.
Судилъ тѣней, отшедшихъ вновь отъ міра,
Внукъ смертнаго средь орковыхъ полей,
И звуками своей пѣвучей лиры
Смягчалъ Эриній пламенный Орфей.

Въ Элизіумѣ тѣни обрѣтали
Всѣ радости свои земныя вновь;
Орфея струны снова тамъ звучали
Торжественно; тамъ вѣрная любовь
Встрѣчала вновь любящаго супруга;
Въ объятіяхъ Алцесты тамъ Адметъ;
Тамъ узнаётъ Орестъ, съ восторгомъ, друга,
Свои доспѣхи Филоктетъ.

Надеждой на награду подкрѣплялся
Въ пути къ добру неопытный боецъ;
И до боговъ въ то время возвышался
Великихъ дѣлъ возвышенный творецъ.
Безсмертныя охотно преклонялись
На просьбы смертныхъ; смѣлые пловцы
Волнамъ тогда надежнѣй предавались:
Свѣтили имъ съ Олимпа Близнецы.

Прекрасный міръ! ахъ, гдѣ ты? — возвратися
Прелестный цвѣтъ счастливѣйшихъ тѣхъ лѣтъ!
Но времена твои ужь пронеслися;
Въ странѣ волшебной пѣсень лишь твой слѣдъ!
Скорбятъ загложшія поля; привѣта
Я божества не зрю ни въ чемъ, ни гдѣ,
И остаются лишь одни скелеты
Отъ образовъ плѣнительныхъ вездѣ.

Поблекли тѣ цвѣты отъ дуновенья
Холоднаго, о, Сѣверъ! твоего;
Ушло боговъ собранье, чтобъ владѣнья
Распространить надъ всѣми одною.
На звѣздный сводъ печально я взираю:
Селена! гдѣ волшебный образъ твой?
Къ водамъ и рощамъ громко я взываю, —
Отвѣта мнѣ въ природѣ нѣтъ нѣмой!

Величіемъ своимъ не восхищаясь,
Не чувствуя, не мысля ни чего,
И радостей — даровъ своихъ — чуждаясь,
Безчувственна и къ чести своего
Художника. Въ рукѣ оцѣпенѣнья,
Она, какъ мертвый маятникъ часовъ,
Покорна вѣкъ закону тяготѣнья
Безжизненной природы, безъ баговъ.

Дай крылья мнѣ, чтобъ улетѣть въ предѣлы
Страны, гдѣ ты покажешь свой вѣнецъ,

Ты, чьи меня нивергли въ бездну стрѣлы,
Ты разума творенье и Творецъ!
Дай мнѣ вѣсы, тебя чтобъ взвѣсить, Вѣчный,
Иль отъ меня блескъ правды отклони,
И дымкою фантазіи безпечной
Мнѣ этотъ блескъ несносный замѣни!

К. К.

VI.

ДОСТОИНСТВО ЖЕНЩИНЫ.

Женщинамъ почестъ! подруги, вплетая
Въ тернія жизни сей розоны рая,
Цѣпи любви намъ волшебницы ткуть.
Граціи сами, подъ дымкой покрова,
Въ женской груди, отъ дыханья мірского,
Чувствъ благородныхъ огонь стерегутъ.

Вѣчно изъ предѣловъ рвется
Сила дикая мужчинъ;
Мысль мятежная несется
По волнамъ морскихъ пучинъ;
Алчно будущее ловить, —
Сердце жаждетъ суеты;
Выше звѣздъ далёкихъ гонить
Вѣчныхъ замысловъ мечты.

Женщина вдругъ бѣглеца своимъ взглядомъ
Манить назадъ къ настоящимъ отрадамъ:
Путь ему кажется въ родимый свой быть.
Въ тихой свѣтлицѣ текутъ ея годы;
Вѣрная дочь простодушной природы,
Матери свято преданье хранить.

Гибеленъ порывъ мужчины!
Разрушая жизни пиръ,
Черезъ горы и долины,
Какъ гроза, проходитъ мѣръ.
Вмигъ создастъ и вмигъ разрушитъ;
Гидра внутренность грызетъ;
За мечтой мечту онъ душитъ, —
За главой глава растетъ.

Женская участь — покой наслажденья;
Рвутъ на лету они розу мгновенья,
Бережно холятъ цвѣточекъ небесъ.
Меньше имъ рабства въ подданствѣ ихъ вѣчномъ,
Больше сокровищъ въ познаньи сердечномъ,
Чѣмъ въ повсемірномъ кругу нашихъ грѣзъ.

Самобытна грудь мужская:
Вѣчно гордость въ ней живетъ.
Сердце къ сердцу прижимая,
Всею любви онъ не пойметъ.
Душъ обмѣна онъ не знаетъ;
Не растаетъ онъ въ слезахъ:

Пуще скорбь ожесточаетъ
Закалённый духъ въ борьбахъ.

Вѣтеръ чуть тронетъ крыломъ произвола
Звукъ содроганія въ арфѣ Эола:
Такъ и вліянья надъ женской душой.
Нѣжной тревогой, при видѣ страданья,
Грудь всколыхалась, какъ волнъ колыханье, —
Очи трепещутъ небесной росой.

Тамъ, гдѣ духъ мужчинъ враждуетъ —
Право сильнаго царёмъ:
Скиою мечемъ права межуется,
Персъ влачить всю жизнь рабомъ.
Ярость вихремъ землю роетъ;
Океанъ страстей шумить, —
И вражда пожаромъ воетъ,
Тамъ, гдѣ кроткихъ нѣтъ Харить.

Женщина лаской, мольбой и привѣтомъ
Скиптръ благонравія держитъ надъ свѣтомъ:
Гасить шумящій раздоръ надъ землёй,
Силы враждебныя, алчныя крови,
Учить объятіямъ братской любви,
Сводитъ, поклявшихся вѣчной враждой.

VII.

ПОЭЗІЯ ЖИЗНИ.

Могу-ль тѣмъ призракомъ плѣняться, той мечтой,
Что образъ истины собою застилаетъ,
Надеждой суетной смущаетъ нашъ покой
И достовѣрное невѣрнымъ прикрываетъ?
О, нѣтъ! и будь я въ жертву обречёнъ,
Дѣйствительности ликъ — онъ будь разоблачёнъ!
Мой духъ, что цѣлый міръ возможностей стяжалъ
И всѣмъ земнымъ отрадамъ пріобщился,
Передъ ея лицомъ онъ только-бъ тверже сталъ,
Неколебимѣе-бы долгу покорился!
И внялъ бы голосу суда,
И не отрекся бы стыда:
Кто жизни стать лицомъ къ лицу боится,
Передъ лицомъ нужды, униженъ, смирится.

Такъ, жертва опыта, ты съ пристани глядишь
На всё, что вышею отмѣчено печатью,
И въ охлажденіи сердечномъ говоришь
О томъ, что на тебя не дышетъ благодатью;
Что утомленный духъ отрадой не даритъ,
Но душу свѣжую на ту стезю возводитъ,
Гдѣ вѣчной истинѣ звѣзда любви горитъ,
На все твореніе свой чудный свѣтъ наводитъ.

Поэтъ бѣжитъ отъ страшныхъ словъ твоихъ!
Съ нимъ сонмище боговъ; чудесный хоръ затихъ;

И Пифія молчитъ, и граціи снимають
Гирлянды свѣжія съ домашнихъ алтарей,
Скорбятъ и, скорбныя, служенье оставляють;
Меркурій топчетъ свой волшебный кадуцей,
Богиня рѣзвыхъ игръ и пѣсень удалилась,
И лиру звонкую бросаетъ Аполлонъ...

Вотъ жизнь! — она разоблачилась;
Твой дивный міръ — передъ тобою онъ:
Съ поникшаго чела, смотри, оно упало —
Румяныхъ сновъ твоихъ златое покрывало!

И сердце бѣдное, лишенное огня,
Вотще оставленный свѣтильникъ зажигаетъ;
Твоя дѣйствительность мрачитъ сіянье дня;
Блѣднѣетъ красота и радость отлетаетъ,
И самая любовь въ своемъ дитяти зреть
Простаго смертнаго — хладѣетъ и бѣжитъ...

Стяжавшій всё и всѣмъ осиротѣлый,
Еще ты живъ!... еще волненіе въ крови!...
Но стынетъ поцѣлуй любви:
Въ порывѣ радости душа оцѣпенѣла!

А. Струговицковъ.

VIII.

ХУДОЖНИКИ.

Съ какимъ величьемъ ты, о, геній человека,
Въ гордынѣ мужества стоишь на склонѣ вѣка,

Съ побѣдной пальмою въ рукахъ ,
Съ умомъ развившимся, духовной силы полный,
Сынъ зрѣлый времени, дѣятельно-безмолвный,
Съ привѣтной кротостью въ очахъ!
Свободный разумомъ, закономъ сильный,
Великъ ты благостью, числомъ даровъ обильный,
Молчавшихъ столько лѣтъ въ душѣ твоей, —
Природы царь, которая такъ любить
Тяжелый грузъ твоихъ цѣпей,
Которая, въ борьбѣ съ тобой, твой умъ сугубить
И возстаетъ въ красѣ изъ дикости своей!

Но, упоенъ побѣдою надъ ней,
Не забывай любить ту руку,
Что на пустынныхъ жизненныхъ берегахъ,
Какъ сироту, рожденного на муку,
Въ добычу случая, нашла тебя въ слезахъ, —
Ту длань, что съ первыхъ дней для высшаго призванья
Твой юный умъ направила въ тиши
И всѣ порочныя желанья
Исторгла изъ неопытной души, —
Ту добрую, что въ играхъ и случайно
Въ тебѣ понятія о долгѣ создала
И добродѣтели высокой тайны
Въ загадкахъ легкихъ отгадать дала, —
Ту мать, что, поручивъ любимца чуждой длани,
Вновь зрѣлымъ юношей прижметъ тебя къ груди.
О, человѣкъ! въ чадѣ слѣпыхъ желаній
Къ ногамъ ея рабынь во прахъ не упади!

Въ умѣніи пчела тебя наставитъ
И прилежанію научитъ червь долинъ;
Но знаніе твой умъ съ духами рядомъ ставитъ:
Искусство, человѣкъ, имѣешь ты одинъ.

Лишь свѣтлыми прекраснаго вратами
Въ міръ чудный знанья вступишь ты;
Что бѣ высшій блескъ снести очами,
Постигни прелесть красоты.
Чѣмъ музъ бряцающія струны
Такъ сладко потрясли твой слухъ,
То воспитало умъ твой юный,
Что бѣ онъ позналъ всемірный духъ.

Что нѣкогда, въ теченіи столѣтій,
Умомъ созрѣвшимъ понялъ ты,
То ужъ давно предузнавали дѣти
Въ символѣ вѣчной красоты.
Ея прелестный ликъ гнушаться насъ заставилъ
Порочныхъ чувствъ, любить добро, какъ свѣтъ,
Когда еще Солонъ не написалъ намъ правилъ,
Принесшихъ медленно свой блѣдный цвѣтъ.
Еще идея о пространствахъ бездны
Не создалась въ умѣ людей,
Кто, созерцая своды звѣздны, —
Ужъ не предчувствовалъ о ней?

Въ коронѣ звѣздной Оріона,
Доступная чистѣйшимъ лишь духамъ,

Сіяя съ солнечнаго трона
По безпредѣльнымъ небесамъ,
Вселяя ужасъ блескомъ вѣчной славы,
Уранія низходитъ съ высоты
И, снявъ съ главы вѣнецъ свой величавый,
Намъ предстоить, какъ сѣмволъ красоты;
Здѣсь, поясъ прелести вокругъ стана обвивая,
Становится дитѣй для дѣтскаго ума.
Что здѣсь встрѣчаетъ насъ, какъ *красота* земная,
То встрѣтитъ нѣкогда, какъ *истина* сама.

Когда Творящій Духъ отринулъ человѣка
Отъ лика Своего и въ области утратъ
Опредѣлилъ ему стезею трудной вѣка
Найти ко свѣту поздній свой возвратъ,
Когда отъ узника въ обители печали
Всѣ небожители безжалостно бѣжали:
Великодушная, она
Осталась съ изгнаннымъ одна.
Летая вокругъ него, она надеждой дышетъ
Любимцу своему, въ печальномъ мірѣ семъ,
И на стѣнахъ его темницы пишетъ
Въ прелестныхъ вымыслахъ Эдемъ.

Доколь покоился въ объятяхъ нѣжныхъ этой
Кормилицы невинный родъ людей,
Міръ не дымился кровью жертвъ согрѣтый,
Не возжигала брань священныхъ алтарей;
Ведомъ на помочахъ ея рукой не строгой,

Какъ рабъ не слѣдовалъ за долгомъ человѣкъ,
И нравственности съ солнечной дорогой
Сливался свѣтлый путь его невинныхъ нѣгъ.
Кто цѣломудренно служилъ ея законамъ,
Тотъ, низкихъ чуждъ страстей, былъ самъ себѣ глава,
Тотъ предъ ея священнымъ трономъ
Обратно получилъ въ духовномъ мірѣ ономъ
Свободы сладостной права.

Блаженны вы, кого изъ милліоновъ
Она въ свой храмъ къ служенью призвала,
Чьимъ голосомъ вѣщала смыслъ законовъ,
Въ чьемъ сердцѣ тронъ священный создала,
Вы, чьей рукой предъ алтарями храма
Зажгла огонь святаго вѣіама,
Предъ чьими взорами сняла съ себя покровъ,
Въ одинъ союзъ соединивъ жрецовъ!
Гордитесь славною ступенью,
Гдѣ высшій жребій васъ постановилъ!
Въ духовномъ мірѣ высшихъ силъ
Вы были первою ступенью.

Но прежде, чѣмъ внесли гармонію вы къ намъ,
Ту связь, которой все покорствуется предъ взоромъ,
Для дикаря природы дивный храмъ
Былъ зданьемъ безъ границъ, подъ чернымъ ночи
флѣромъ,
Чуть-освѣщаемымъ затеряннымъ лучемъ,
Толпой враждебною видѣній,

Сгнетавшихъ умъ его невольничьимъ ярмомъ,
Его избравшихъ цѣлью нападеній
И, дикія, какъ онъ, съ нимъ спорившихъ во всѣмъ.
Прикованъ къ нимъ тяжелыми цѣпями,
Коснѣя въ нравственной глуши,
Природу созерцалъ онъ мертвыми очами,
Не видя чудной въ ней души.

Но тѣни сей души, мелькнувшей передъ вами,
Рукою тихой, нѣжнымъ чувствомъ музъ
Вы чудодѣйно уловили
И въ гармоническій союзъ
Сливать ихъ тайну изучили.
Вы съ чувствомъ радостнымъ стремили къ небу взоръ,
Любуясь стройностью роскошной пальмы гибкой;
Предъ вами отражалъ кристалъ потока зыбкій
Дрожащей зелени уборъ.
Могли-ль вы не признать прекраснаго намёка,
Съ которымъ въ помощь вамъ сама природа шла?
Въ изображеніи на зеркалѣ потока
Она искусство вамъ ей подражать дала.
Съ своею тайной разлучаясь,
Она прелестный призракъ свой
Въ потокъ повергнула живой
И вамъ въ добычу отдалася.
И сила творчества тогда проснулась въ васъ.
Но слишкомъ гордые, чтобъ брать одни даянья,
Вы стали подражать тѣнямъ, плѣнявшимъ глазъ,
На глинь, на песокъ творя ихъ начертанья.

Тогда силъ творческихъ въ васъ ожилъ сладкій пиръ
И — первое созданье вышло въ міръ.

Предъ силой вашихъ наблюденій
Отбросивъ тайный свой туманъ,
Вамъ обнаружили довърчевыя тѣни
Васъ чаровавшій талисманъ.
Законы силы чудотворной,
Богатства прелести и думъ
Въ созданьяхъ вашихъ рукъ сліялъ въ союзъ по-
корный
Изобрѣтательный вашъ умъ.
И обелискъ взлетѣлъ, воздвиглись пирамиды,
Всталъ Гермесъ на межѣ, колонна поднялась,
Лѣсовъ мелодія въ свирѣли раздалась
И въ пѣсняхъ стали жить Атриды.

Какъ въ первый разъ въ одинъ пучекъ цвѣтки
Связалъ разумный выборъ чувства,
Такъ первое явилось въ міръ искусство;
Но вотъ ужъ изъ пучковъ свиваются вѣнки, —
И новое является искусство,
Искусство смертнаго въ дѣлахъ его руки.
Оно, дитя красы, довольное собою,
Изшедъ законченнымъ, творцы, изъ вашихъ рукъ,
Вѣнецъ теряетъ надъ главою,
Едва войдетъ въ дѣйствительности кругъ.
Теперь, подчинена закону симметріи,
Колонна встать должна въ ряду сестеръ своихъ,

Герой исчезъ въ толпѣ героевъ и впервые
Пѣвецъ Меоніи намъ воспѣваетъ ихъ.

Но вскорѣ въ міръ созданій новыхъ
Свершился варваровъ набѣгъ.

«Смотрите!» вопіютъ толпы бойцевъ суровыхъ:

«Все это создалъ человѣкъ!»

И весело согласными толпами

Они спѣшатъ за лирою пѣвцовъ,

Имъ пѣвшихъ грозную Титановъ брань съ богами,

Гигантовъ родъ и истребленье львовъ;

И внемля имъ, изъ слушателей сами,

Становятся героями-бойцами.

Тогда впервые духъ вкусилъ

Блаженство радостей игривыхъ,

Питавшихъ издали его восторговъ пыль,

Безъ возбужденья думъ пытливыхъ

Проникнуть въ сущность скрытыхъ силъ.

Теперь отъ нравственной дремоты

Освобожденный духъ воскресъ,

И вы ввели раба заботы

На лоно счастья небесъ.

Теперь онъ свергъ съ себя ярмо животной злости,

Мракъ человѣчностью разсѣявъ на челѣ,

И думы, выпренные гости,

Въ его блеснули головѣ.

Теперь, къ звѣздамъ направивъ очи,

Подъемлетъ царственный онъ ликъ:

Ужь въ даль міровъ къ свѣтиламъ ночи,
Ужь къ солнцамъ взоръ его проникъ.
Разцвѣлъ улыбкой ликъ прекрасный,
Взоръ блещетъ влагою страстей
И голосъ въ пѣснѣ сладкогласной
Развилъ всю страсть души своей,
И шутка съ кротостью, въ одинъ союзъ слитая,
Изъ вдохновенныхъ устъ излилися впервые.

Онъ весь былъ преданъ, червь земли,
Желаньямъ низкимъ въ мглѣ грѣховной;
Но вы зародышъ въ немъ нашли
Любви святой, любви духовной.
И если въ міръ любви духовъ
Широкій путь ему указанъ,
Конечно этимъ былъ обязанъ
Онъ первой пѣснѣ пастуховъ.
Облагорожена мышленьемъ,
Страсть сердца сладкимъ пѣснопѣньемъ
Изъ устъ поэта излилась,
Слеза ланиты оросила
И нѣга страсти возвѣстила
Высокихъ думъ святую связь.

Прекрасныхъ — грацію, могучихъ — крѣпость стали,
И кроткихъ — кротость, и разумныхъ — умъ
Въ одну вы славу сочетали
Въ картинѣ дивной, полной думъ.
И предъ Невѣдомымъ сталъ человекъ смиряться

И отблескъ полюбилъ Его,
И пламенный герой горѣлъ уподобляться
Великой сущности всего.
Всего прекраснато вы первый звукъ въ тѣ годы
Исторгли для него изъ струнъ самой природы.

Порывы дикіе страстей,
Измѣнчивость судьбы отъ самой колыбели,
Уставъ инстинктовъ, должностей —
Все, взвѣсивъ чувствомъ, вы съумѣли
Направить съ выборомъ къ своей высокой цѣли.
Что въ ходѣ медленномъ своёмъ
Развить въ вѣкахъ природѣ надлежало,
То въ пѣснопѣніи, на сценѣ яснымъ стало,
То приняло доступный всѣмъ объёмъ.
Предъ хоромъ фурій уstraшенный,
Злодѣй еще неуличенный
Ужъ въ пѣснѣ приговоръ внималъ;
Еще не смѣлъ мудрецъ рѣшать судьбы вопроса,
А міру юному слѣпой пѣвецъ Хіоса
Ужъ тѣ загадки разрѣшалъ,
И Ѡесписъ въ тишинѣ съ походной колесницы
Ужъ Промыслъ низводилъ въ подлунныя границы.

Но преждевременно вы въ тѣсныя границы
Законъ гармоніи внесли.
Еще судьба въ нѣмой дали
Подъ темной тайной покрывала
Кругъ полной жизни на земли

Отъ вашихъ взоровъ укрывала, —
А васъ уже стремилъ отваги смѣлый духъ
За ночь грядущаго раздвинуть жизни кругъ.
Тогда вы ринулись безъ страха
Чрезъ океанъ Аверна роковой,
И жизнь, бѣжавшую изъ праха,
Вновь обрѣли за урной гробовой.
Тогда явился намъ, на Поллукса склоненный,
Съ поникшимъ факеломъ Кастора ликъ молодой,
Какъ мѣсяцъ, тѣнью омраченный,
Покуда не свершилъ онъ кругъ сребристый свой.

Но выше все, паря все къ высшей грани,
Стремилъ творящій геній васъ.
Уже созданія возстали изъ созданій
И изъ гармоніи гармонія лилась.
Чѣмъ упоенный взоръ плѣнялся *здесь* донынѣ,
То высшей красотѣ смиренно служить *тамъ*:
Всѣ Нимфы прелести, столь милыя очамъ,
Слились съ величіемъ въ божественной Аѳинѣ;
И сила, мускулы напрягшая въ бойцѣ,
Прелестно смолкнула въ чертахъ прекрасныхъ бога,
И Зевсъ смягчилъ гордыню на лицѣ
Средь Олимпійскаго чертога.

Преобразованный трудами міръ вокругъ
И сердце, полное стремленій новыхъ,
Развитое въ борьбахъ съ природою суровыхъ,
Разширили созданій вашихъ кругъ.

Тогда вознесъ съ собой на крыліяхъ свободы
Искусства человѣкъ, какъ лучшіе дары,
Творя изъ щедрыхъ нѣдръ природы
Прекраснаго волшебные міры.
Предѣлы знанія раздвинулись предъ нами
И легкостью побѣдъ, пріобрѣтенныхъ вами,
Духъ приготовленный отыскивать тропы,
Ведущія во храмъ къ искусствамъ и свободѣ, —
Природы дальные возстановилъ столпы
И перегналъ ее въ ея туманномъ ходѣ.
Ее онъ взвѣшивалъ, свой примѣняя вѣсъ,
Онъ мѣрилъ мѣрою, отъ ней же полученной,
И міръ разумнѣе тогда предъ нимъ воскресъ,
Красы законамъ подчиненный.
Теперь гармонію онъ сферамъ возвратилъ
Съ самодовольнымъ юнымъ обаяньемъ,
И если онъ плѣнялся мірозданьемъ,
Онъ симметрію въ немъ любилъ.

Теперь во всемъ, что зрѣтъ онъ предъ собою,
Онъ зрѣтъ ужъ равенства черты;
Свился съ златой его стезею
Прелестный поясъ красоты:
Предъ нимъ съ побѣдой совершенство
Созданій вашихъ предлетитъ!
Гдѣ шумно празднуетъ блаженство,
Гдѣ скорбь безмолвная груститъ,
Гдѣ медлитъ съ думой созерцанье
Гдѣ слезы лить въ жилищѣ бѣдъ,

Гдѣ самъ онъ вѣдаетъ страданье —
Вездѣ онъ видитъ высшій свѣтъ,
Вездѣ играютъ съ нимъ Хариты
И самъ онъ, чувствами развитый,
Подругамъ милымъ мчится вслѣдъ.
И какъ въ прекрасныхъ переливахъ
Явленья, линіи красы
Свиваются предъ нимъ въ видѣніяхъ игривыхъ,
Такъ мчатся дней его часы.
И съ моремъ музыки, такъ сладострастно льющій
Струи для чувствъ его, онъ духъ сливаетъ свой
И предается пламенной мечтой
Въ объятія Цитеры всюду-сущей.
Вступивъ съ судьбой въ возвышенный союзъ,
Любимецъ Грацій и питомецъ Музъ,
Онъ тихую стрѣлу изъ лука всемогущей
Необходимости готовъ принять въ тиши
Въ грудь обнаженную безъ трепета души.
Любимцы кроткіе гармоніи священной,
Благіе спутники по жизненнымъ волнамъ,
Вы, даръ прекраснѣйшій, даръ высшій, данный намъ
Для жизни Тѣмъ, Кто жизнь даетъ вселенной!
Коль нынѣ цѣнить долгъ свободный человѣкъ,
Коль любить цѣпь свою, ей подчинивъ свой вѣкъ,
И случая надъ нимъ безсиленъ скиптръ желѣзный —
За все въ безсмертіи своемъ
Найдете нѣкогда себѣ вѣнецъ возмездный!
Когда вокругъ чаши той, гдѣ мы свободу пьемъ,
Играютъ радостей плѣвительные боги

И создаютъ изъ сновъ волшебные чертоги —
За все мы вамъ любовью воздаемъ!

Вы Духу дивному, увившему цвѣтами
Всѣхъ прелестей самой судьбы чело,
Тому, Кто повелѣлъ, чтобъ пламенѣль свѣтло
Его эфиръ несчетными звѣздами,
Тому Зиждителю, который даже въ часъ,
Когда грозить, во ужасъ облеченный,
Своимъ величіемъ красой плѣняетъ насъ —
Вы подражаете Создателю вселенной.
Какъ въ свѣтломъ зеркалѣ ручей
Вечерній блескъ, цвѣты полей
И зыбкій берегъ отражаетъ,
Такъ въ жизненныхъ волнахъ сіяетъ
Міръ поэтическихъ тѣней.
Вы къ намъ на свѣтъ въ одеждѣ брачной
Ликъ ужасающій и мрачный
Жестокой Парки привели;
Какъ въ ваши урны кости тлѣнья,
Такъ хоръ заботъ и тревоженья
Вы въ блескъ волшебный облекли.
Я пробѣгалъ крылатой думой
Минувшее изъ вѣка въ вѣкъ:
Безъ васъ — какъ все вокругъ угрюмо,
Гдѣ вы — какъ счастливъ человѣкъ!
Искусство, нѣкогда на легкихъ крыльяхъ силы
Изъ вашихъ вышедшее рукъ,
Опять въ объятія къ вамъ сошло въ тотъ вѣкъ унылый,

Когда временъ томительный недугъ ,
Разрушивъ въ членахъ жизни силы ,
Въ щекахъ румянецъ угасилъ ,
И человекъ, какъ старецъ хилый ,
Склонясь на посохъ свой, бродилъ.
Тогда вы жаждущимъ устамъ изъ свѣжей влаги
Вновь чашу поднесли живительной отваги;
Два раза изъ сѣмянъ, посѣянныхъ вокругъ ,
Два раза вызвали вы къ жизни жизни духъ.

Бѣжавъ отъ варварскихъ гоненій,
Вы съ опозоренныхъ Востока алтарей
Огонь послѣднихъ жертвоприношеній
Внесли въ міръ новыхъ дикарей.
И юный день, бѣглець изъ странъ Востока ,
Блеснулъ опять на Западъ зарей —
И на поляхъ Гесперіи далеко
Разцвѣлъ цвѣтокъ Іоніи святой;
И кротко отразясь въ душѣ поэта ,
Природа лучшая прекрасный свѣтъ дала
И дивная богиня свѣта
Въ сердца людей торжественно вошла.
Тогда оковы съ милліоновъ пали
И право за рабовъ свой голосъ подало;
Какъ братья жизнь ведутъ безъ распрей и пе-
чали,
Такъ племя юное крѣпчало и расло.
Тогда съ высокимъ наслажденьемъ
Вы зрѣли счастье земли

И, облеченные смиреньемъ ,
Съ заслугой молча отошли.

И если по полямъ проложеннымъ мышленья
Съ отважнымъ счастьемъ парить теперь мудрецъ ,
И, упоёнъ пеаномъ дерзновенья ,
Рукою смѣлою хватаетъ ужъ вѣнецъ ,
И если мыслить онъ, что платою презрѣнной
Онъ, какъ наемникамъ, воздасть своимъ вождямъ
И у престола истины священной
Художникамъ дать мѣсто, какъ рабамъ —
Простите вы ему! свершенія корона
Надъ вашей головой сіяетъ съ небосклона.
Какъ вами, первымъ вешнихъ дней цвѣткомъ ,
Духъ развивая, начала природа ;
Такъ вами, чуднымъ жатвеннымъ вѣнкомъ ,
Закончила, все совершивъ, природа.
Изъ мрамора, изъ глины вознесясь ,
Духъ творческій искусствъ ужъ побѣдилъ для насъ
Неизмѣримые духовные предѣлы.
Что въ мірѣ знанія открылъ мыслитель смѣлый ,
То завоевано открыто лишь чрезъ васъ.
Всѣ тѣ сокровища, что собралъ умъ прозрѣвшій ,
Изъ вашихъ только рукъ пойметъ мыслитель самъ ,
Когда тѣ знанія, до красоты созрѣвши ,
Какъ *перлъ созданія*, блеснутъ его очамъ ,
Когда на холмъ взойдетъ онъ вмѣстѣ съ вами
И позлащенную вечерними лучами
Долину вдругъ увидитъ тамъ.

Чѣмъ больше прелестей для взора и для слуха,
Чѣмъ съ высшей красотой созданья духа
Въ одинъ союзъ сольете вы,
Въ одно роскошное блаженство для толпы;
Чѣмъ шире помыслы и чувства
Раскроете для творчества искусства,
Для чуднаго потока красоты —
Тѣмъ совершеннѣй въ звѣньяхъ мірозданья,
Теперь разорванныхъ безъ смысла и сознанья,
Узритъ онъ чудныхъ формъ изящныя черты;
Тѣмъ больше выйдетъ тайнъ сквозь ночи мракъ без-
молвный,
Тѣмъ далѣе предъ нимъ раздвинетъ міръ столпы,
Тѣмъ шире жизнь польетъ живыя волны,
Тѣмъ для него слабѣй слѣпая мощь судьбы,
Тѣмъ выше всѣ его стремленья,
Тѣмъ болѣ въ немъ любви, тѣмъ болѣ въ немъ смиренья.
Ведите же его таинственной стезей
Черезъ формы чистыя, черезъ звуковъ міръ чистѣйшій
Все къ высшимъ высотамъ, все къ красотѣ пол-
нѣйшей
По чудной лѣстницѣ поэзіи святой,
Чтобъ на концѣ временъ еще порывъ живой,
Еще одно святое вдохновенье —
И человѣкъ повергся въ упоеньѣ
Въ объятія истины самой.
Въ коронѣ звѣздной, безъ покрова
Тогда для зрѣлаго ума

Предстанетъ ликъ Киприды снова ,
Какъ ты, Уранія, сама.
И чѣмъ упорнѣй отъ богини
Бѣжалъ онъ, къ истинѣ стремясь ,
Тѣмъ онъ скорѣй постигнетъ нынѣ
Межъ двухъ богинь святую связь.
Такъ въ изумленіи чудесномъ
Улиссовъ юный сынъ стоялъ ,
Когда въ вождѣ своемъ небесномъ
Онъ дочь Юпитера узналъ.

Достоинство людей вамъ вручено судьбами,
Храните же его !
Оно и падаетъ и возникаетъ съ вами !
Поэзіи снѣщенной волшебствò
Премудрому въ семъ мірѣ служить плану :
Да льется жь вѣчно къ океану
Святой гармоніи оно !

Гонимый злобой закоснѣлой ,
Суровой истины глаголь
Въ союзѣ Музъ и въ пѣснѣ смѣлой
Себѣ пристанищѣ обрѣлъ ,
И подъ блестящей пеленою
Грозящій прелестью самою ,
Онъ звучно въ пѣснѣ прогремѣлъ
И, внемля гимнъ его побѣдный ,
Смущенный, трепетный и блѣдный ,
Предъ нимъ гонитель онѣмѣлъ.

Сыны свободные природы,
Свободной матери сыны!
Летите на крылахъ свободы
Къ красѣ надзвѣздный стороны.
Другихъ вѣнцовъ себѣ не ждите!
Что потеряли въ жизни сей,
То снова нѣкогда узрите
На лонѣ матери своей.
На крыльяхъ смѣлыхъ мчась высоко,
Временъ перегоните бѣгъ:
Ужъ въ вашемъ зеркалѣ далеко
Горитъ зарей грядущій вѣкъ.
Идя несчетными путями
Многообразности земной,
Сойдитесь всѣ, сплетясь руками,
При тронѣ благи святой.
Какъ въ семь лучей, блестя прелестно,
Дробится бѣлый свѣтъ межъ тучъ,
Какъ семь лучей дуги небесной
Должны сливаться въ бѣлый лучъ:
Такъ упоенный взоръ плѣняйте
Волшебной ясностью своей,
И съ моремъ истины сливайте
Свѣтъ ослѣпительныхъ лучей.

Д. Минъ.

ПѢСНИ И РОМАНСЫ.

I.

БОРЬБА.

Нѣтъ, прочь суровый долгъ! зачѣмъ мнѣ сердце гложешь?

Не требуй жертвъ напрасныхъ отъ меня,
Когда ужь погасить въ груди моей не можешь
Ее палящаго огня!

Я клялся, да, я клялся мощной воли
Признать надъ сордцемъ власть...
Теперь... вотъ твой вѣнокъ — онъ мнѣ не нуженъ болѣ,
Возьми его — и дай мнѣ пасть!

Разорванъ нашъ союзъ... Она, я знаю, любить!
И вдругъ отречься отъ нее!...
О, нѣтъ! — пусть страсти пылъ на вѣкъ меня погубитъ:
Въ моемъ паденіи — блаженство все мое!

Что точитъ червь мнѣ жизнь, что гибну я въ молчаньѣ—
Все поняла душой она;

И на мои безмолвныя страдакья
Глядить, участія полна.

О, Боже! вотъ оно — желанное участие!

Одинъ лишь шагъ остался роковой...

Но нѣтъ, постой дитя! — мнѣ страшно это счастье:
Въ немъ приговоръ конечный мой.

О, страшная судьба! коварное сомнѣнье!

Я здѣсь у цѣли наконецъ:

Въ ней тайныхъ мукъ моихъ награда и вѣнецъ —
И роковой ударъ преступнаго паденья!...

А. Майковъ.

II.

ГРАФЪ ЭБЕРГАРДЪ ГРЕЙНЕРЪ.

Военная пѣсня.

Ну что вы тамъ, въ землѣ своей,

Дерете носъ подь часъ?

Не мало доблестныхъ мужей,

Не мало есть богатырей

И въ Швабіи у насъ.

У васъ и Карлъ, и Эдуардъ,

И Фрицъ... и кто потѣмъ?

И Карлъ, и Фрицъ и Эдуардъ...

У насъ — одинъ: Графъ Эбергардъ,

Въ сраженьи Божій громъ.

И Ульрихъ, сынъ его... и тотъ

Любилъ желѣза звонъ:

Бывало, врагъ громить и жжётъ —

Сынъ Графа Ульрихъ не вздрогнётъ,

И вспать ни-пяди онъ.

Рейтлингцы, съ зависти, не разъ

Ковали тайный ковъ...

И препоясались на насъ

Они мечомъ, въ не добрый часъ, —

А Графъ — не ждётъ враговъ:

Вломился къ нимъ — не побѣдилъ!...

Вернулся недобрѣмъ...

Отецъ свою досаду скрылъ,

А сыну Божій свѣтъ не милъ,

И плачетъ онъ тайкомъ.

Змѣя подъ сердцемъ... «А! постой!»

Задумалъ онъ съ тѣхъ поръ;

И клялся отчей бородой —

Омыть кровавою рѣкой

Свой гнѣвъ и свой позоръ.

И дождался... давно пора!...

И людямъ и конямъ

Пришлось подъ Дёффингенъ, съ утра,

Сойдтись на поле, — и — «ура!» —

Ужъ жарко было тамъ!

Нашъ лозугъ былъ: «врага топчи
За прежній бой!» Потомъ,
Съ утра до поздней до ночи,
Трещали копья и мечи,
И била кровь ключомъ.

А Ульрихъ? . . . лвънка не серди:
Къ врагамъ домчался онъ —
И страхъ и ужасъ впереди,
И крикъ и стоны позади,
И смерть со всѣхъ сторонъ!

Но съ смертію не спорятъ львы:
Сверкнула сабля въ тылъ —
Всѣ разомъ къ Ульриху — увы! —
Не опустилъ онъ головы,
Да жгучій взоръ застылъ.

Какъ будто голову намъ ссѣкъ,
Самъ врагъ заплакалъ . . . Га!
Нашъ Графъ не плакалъ весь свой вѣкъ:
«Мой сынъ такой же человѣкъ! —
«Маршъ, дѣти, на врага!»

И сердце жолчью облилось,
И копья гнѣвъ навѣлъ,
И много труповъ улеглось;
А врагъ бѣжалъ, и вкривъ и вкосъ,
На горы, въ лѣсъ и въ долъ.

И съ трубнымъ звукомъ мы въ свой станъ

Вернулись потомъ, —

И пиръ-горой у поселянъ :

И вальсъ и пѣсни — и стаканъ

Зайскрился виномъ . . .

А гдѣ жъ нашъ старый Графъ? . . . Сидитъ

Въ шатрѣ однимъ-одинъ, —

Слеза въ глазахъ его блеснить :

Предъ-нимъ убитый сынъ лежить ,

Лежить убитый сынъ.

Затѣмъ при Графѣ мы своѣмъ

И тѣломъ и душой :

Въ его рукѣ не мечъ, а громъ,

Онъ — буря въ полѣ боевомъ,

Звѣзда земли родной !

Такъ что жъ вы тамъ, въ землѣ своей,

Дерете носъ подъ часъ?

Не мало доблестныхъ мужей ,

Не мало есть богатырей

И въ Швабіи у насъ !

Л. Мей.

III.

ВСТРѢЧА.

Еще она стоитъ передо-мною ,
Окружена покорною толпой ,
Блистательна, какъ солнце золотое ;
Я былъ вдали, смущенный и нѣмой.
О, что тогда сбылось съ моей душою ,
Какъ яркій блескъ разлился предо-мною !
И вдругъ, какъ бы унесшись въ міръ подлунный,
Ударилъ я нетерпѣливо въ струны.

Что испыталъ я въ этотъ мигъ святова ,
И что я пѣлъ: все скрылось предо-мною ;
Въ себѣ тогда органъ нашелъ я новый :
Онъ высказалъ души порывъ святой !
То былъ мой духъ, разрушившій оковы ;
Оставилъ онъ плѣнъ долготѣнній свой, —
И звуки вдругъ въ груди моей возстали ,
Что въ ней давно, невидимые, спали.

Когда совсѣмъ мои замолкли пѣсни
Душа ко мнѣ тогда слетѣла вновь :
Въ ея чертахъ божественно-прелестныхъ
Я замѣчалъ стыдливую любовь ;
Мнѣ чудилось: раскрылся сводъ небесный ,
Какъ услыхалъ я тихій шопотъ словъ.
О ! только тамъ, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни муки,
Услышу вновь тѣ сладостные звуки :

«Кому. печаль на сердце налегла
«И кто молчать рѣшился, изнывая, —
«О, хорошо того я поняла!
«Съ судьбою въ боѣ я за него вступаю.
«Я-бъ лучшій жребій бѣдному дала....
«Цвѣтокъ любви сорветъ любовь прямая.
«Тому удѣлъ прекрасный и счастливый,
«Въ комъ есть отвѣтъ на темные призывы.»

К. Аксаковъ.

IV.

къ миннѣ.

Странно мнѣ, непостижимо!
Минна ль тò моя идётъ?
Какъ? — она... проходить мимо,
И меня не узнаётъ?
Съ свитой франтовъ выступаетъ, —
И, тщеславія полна,
Гордо вѣеромъ играетъ...
Нѣтъ! да это не она!

Съ лѣтней шляпки перья вѣютъ —
Подарённый мной нарядъ;
Эти ленты, что алѣютъ:
«Минна! — стыдно!» — говорятъ.
И цвѣты на ней... не я ли
Эти выросилъ цвѣты?

Прежде чѣмъ они завяли
Измѣнила, Минна, ты.

Съ этой вѣтренной толпою —
Позабудь меня — иди!
Въ этой бившейся тобою
Я найду еще груди
Благородныхъ силъ довольно
Низкій твой обманъ стерпѣть,
И — хоть тягостно и больно —
Безразсудную презрѣть.

Сердце Минны исказилось
Милымъ личикомъ . . . о стыдъ! —
Но вѣдь прелесть — мигъ — и скрылась;
Ненадеженъ розы видъ.
Гнѣзды ласточками свиты
По веснѣ до первыхъ выюгъ:
Разнесутся волокиты,
И отринетъ вѣрный другъ.

Красоты твоей развалинъ
Представляется мнѣ видъ;
Взоръ твой, сумраченъ, печаленъ,
На минувшее глядитъ:
Тѣ, которые такъ жадно
Поцѣлуй ловили твой, —
Глядь — хохочутъ безпощадно
Надъ отцвѣтшей красотой.

Сердце Минны исказилось
Этимъ личикомъ... о стыдъ! —
Но вѣдь прелесть — мигъ — и скрылась;
Прелесть розы отлетитъ.
Какъ тогда я смѣхомъ гряну
Самъ въ глаза твоей судьбѣ! —
Нѣтъ! о, нѣтъ! — я горько стану,
Минна, плакать о тебѣ.

В. Бенедиктовъ.

V.

ПѢСНЯ.

Всѣхъ въ мірѣ благъ дороже мнѣ
Прекраснымъ другомъ обладанье;
Въ какомъ живительномъ огнѣ
Раскалено его лобзанье!

Теперь понятно мнѣ — о чѣмъ
Воркуютъ голуби весною,
И соловьи, въ лѣсу густомъ,
Поютъ полуночной порою;

Теперь я знаю, почему
Мнѣ иногда такъ грустно было,
И, остывая ко всему,
Тоской невольной сердце ныло:

Зачѣмъ не нравились мнѣ — май,
Цвѣты весны и птичекъ пѣнье;

Зачѣмъ я, будто невзначай,
Всегда рвалась въ уединенье:

Несносенъ былъ мнѣ цѣлый свѣтъ,
Чего-то все недоставало;
Но я люблю — и этихъ бѣдъ
И этихъ мукъ, какъ не бывало!

А. Мейснеръ.

VI.

ТАЙНА.

Она стояла молчаливо
Среди толпы — и я молчалъ;
Лишь взоръ спросилъ я боязливо, —
И понялъ я, что онъ сказалъ.
Я прихожу, пріютъ вѣтвистый,
Къ пустынной тишинѣ твоей:
Подъ зеленою твоей тѣнистой
Сокрой счастливыхъ отъ людей!

Вдали, чуть слышный для вниманья,
День озабоченный шумить,
Сквозь смутный гулъ и восклицанья
Тяжелый молотъ стучить.
Тамъ человекъ такъ постоянно
Съ суровой борется судьбой, —
И вдругъ съ небесъ къ нему неожиданно
Слетаетъ счастье порой!

Пускай-же люди не узнають,
Какъ насъ любовь животворить:
Они блаженству помѣшаютъ —
Досаденъ имъ блаженства видъ.
Да, свѣтъ не позволяетъ счастья:
Какъ за добычею, за нимъ
Бѣги, лови — и отъ участья
Людскаго строго сохрани!

Оно прокралось тихо; любить
Оно и ночь и тишину;
Нечистый взоръ его погубить, —
Какъ смерть, ужасенъ онъ ему.
Обвейся, о, ручей безмолвный,
Вокругъ широкою рѣкой,
И, грозно поднимая волны,
Нашъ охраняй пріютъ святой!

К. Аксаковъ.

VII.

ДѢВУШКЪ.

Какъ мальчикъ розовый и рѣзвый и болтливый,
Мой милый другъ, играетъ свѣтъ съ тобой;
Но въ чистомъ зеркалѣ души твоей правдивой
Онъ отражается фальшивой стороной.
Онъ не таковъ! Ты — дань молитвъ и поклоненій,
Что люди нѣ хотя, среди своихъ сомнѣній,
Несутъ, покорствуя, душѣ твоей, —

Ты — чудеса, созданныя тобою ,
Ты — счастье, данное твоею жь красотою ,
Считаешь счастьемъ, даннымъ жизнью сей;
Но кто жь предъ юностью твоей прекрасной ,
Кто, зная хотѣлъ бы я, предъ этой жизнью ясной
Не приклонился бы, не сталъ бы самъ добрый?

И весело тебѣ порхать по полю свѣта ,
Среди цвѣтовъ, цвѣтущихъ подъ тобой ,
Средь душъ тобой отысканныхъ, пригрѣтыхъ ,
Среди сердецъ твоей счастливыхъ красотой.
Такъ будь же счастлива средь милыхъ заблужденій;
Пусть съ высоты твоихъ невинныхъ сновидѣній
Тебя дѣйствительность не свергнетъ невзначай;
И лучшій цвѣтъ сама въ семьѣ цвѣтовъ душистой
Для взора ихъ лелѣй съ любовью чистой!
Люби ихъ издали, но только не срывай, —
Созданныя для глазъ расчетливой природой ,
Онѣ отъ рукъ твоихъ умрутъ, какъ въ непогоду:
Чѣмъ дальше ты отъ нихъ, тѣмъ ихъ длиннѣе май.

М. Достоевскій.

VIII.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

Внутренней связью
Силь четырёхъ
Держится стройно
Міра чертогъ!

Звѣзды лимона
Въ чашу на дно! —
Горько и жгуче
Жизни зерно.

Но растопите
Сахаръ въ огнѣ:
Гдѣ эта жгучесть
Въ горькомъ зернѣ?

Воду струями
Лейте сюда:
Все обтекаетъ
Мирно вода.

Каплю по каплѣ
Лейте вино:
Жизнь оживляетъ
Только оно!

Выпьемъ, покамѣстъ
Кубокъ нашъ жгучь! —
Только кипучій
Сладостенъ ключъ!

Л. Мей.

IX.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ

для Сѣвера.

На высѣхъ холмовъ открытыхъ,
Въ полдень, солнечнымъ лучёмъ,
Наливаетъ мать-природа
Гроздья золотомъ-виномъ.

Но никто еще не знаетъ,
Какъ *великая* творить:
Неразгадана работа,
Корень силы не отрыть.

Полно искръ, какъ чадо солнца,
Какъ источникъ свѣтовой,
Пёрлясь, бьётъ вино изъ бочки
Ясно-пурпурной струёй;

И горѣ возносить души,
И въ стѣсненные сердца
Щедро льётъ бальзамъ надежды,
Жажду жизни безъ конца.

Только... нашъ холодный Поясъ
Солнце нехотя живить:
Можетъ красить развѣ листья,
А плодовъ не золотить

Но и Сѣверъ просить жизни,
И веселья заодно:
Оттого-то мы безъ гроздій
Создаемъ себѣ вино.

Блѣдно созданное нами
На домашнихъ алтаряхъ,
А творимое природой
Блещетъ въ жизненныхъ лучахъ.

Но смѣлѣе бей изъ чаши
Наша скудная струя:
И искусство — даръ небесный,
И ему земля своя.

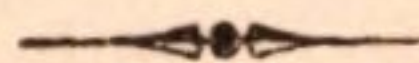
Царство силъ ему подвластно,
И изъ стараго оно
Нѣчто новое слагая,
На землѣ Творцу равно.

Не оно-ль самимъ стихіямъ
Возмогло повелѣвать,
И, въ очагъ сковавши пламя,
Хочетъ Фебѣ подражать?

Къ островамъ благословеннымъ
Не оно-ль шлетъ корабли,
Чтобъ плоды златые Юга
И на Сѣверѣ росли?

Лейся-жь, влага огневая, и он
И свидѣтельствуй вовѣкъ —
До чего достигнуть можетъ
Силой воли человѣкъ!

Л. Мей.

БАЛЛАДЫ И РАЗСКАЗЫ.

Второй раздел посвящен описанию
различных видов растений, встречающихся
в данной местности. В нем приводятся
названия растений на русском и
латинском языках, а также их
описание и способы применения.

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

- 1. Рассказы о жизни в деревне.
- 2. Повесть о любви и дружбе.
- 3. Рассказы о природе.
- 4. Повесть о жизни в городе.
- 5. Рассказы о детстве.
- 6. Повесть о жизни в семье.
- 7. Рассказы о жизни в школе.
- 8. Повесть о жизни в армии.
- 9. Рассказы о жизни в эмиграции.
- 10. Повесть о жизни в изгнании.

I.

1.

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

Палъ Пріамовъ градъ священный;
Грудой пепла сталъ Пергамъ;
И, побѣдой насыщенные,
Къ острогрудымъ кораблямъ
Собрались Эллины — тризну
Въ честь минувшаго свершить,
И въ желанную отчизну —
Къ берегамъ Эллады плыть.

Пойте, пойте гимнъ согласной:

Корабли обращены

Отъ враждебной стороны

Къ нашей Греціи прекрасной.

Брегомъ шла толпа густая

Иліонскихъ дѣвъ и женъ:

Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнь.
И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великой,
Невозвратный Иліонъ:

«Вы, родные холмы, нивы! —
«Намъ васъ болѣ не видать;
«Будемъ въ рабствѣ увядать...
«О, сколь мертвые счастливы!»

И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ,
Жертву самъ Калхасъ заклалъ:
Грады-зиздущей Палладѣ
И губящей (онъ воззвалъ),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ,
И носящему Горгону —
Богу смертныхъ и боговъ!

Судъ оконченъ; споръ рѣшился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила судьба:
Градъ великій сокрушился.

Царь народовъ, сынъ Атрея
Обозрѣлъ полковъ число:
Въ слѣдъ за нимъ на брегъ Сигея

Много, много ихъ пришло....
И незапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали....
Мало съ нимъ поидеть назадъ.

Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!

«И не всякій насладится
«Миромъ, въ свой пришедши домъ:
«Часто злобный ковъ таится
«За домашнимъ алтарёмъ;
«Часто Марсомъ пощаженный
«Погибаетъ отъ друзей»:
Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей:

«Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
«Скромной вѣрностью жены!
«Жены алчутъ новизны:
«Постоянный миръ имъ страшенъ.»

И стоящій близъ Елены
Менелай тогда сказалъ:
«Плодъ губительный измѣны —
«Ею самъ измѣнникъ палъ;

«И погибъ, виной Париды
«Отягченный, Иліонъ
«Неизбѣженъ судъ Кронида,
«Все блюдетъ съ Олимпа онъ.

«Злому злой конецъ бываетъ :

«Гибнетъ жертвой Эвменидъ,

«Кто безумно, какъ Паридъ,

«Право гостя оскверняетъ.»

«Пусть веселый взоръ счастливыхъ» —

Оиллеевъ сынъ сказалъ:

«Зреть въ богахъ боговъ правдивыхъ;

«Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ :

«Сколько бодрыхъ жизнь поблѣкла !

«Сколько низкихъ рокъ щадить ! . . .

«Нѣтъ великаго Патрокла ;

«Живъ презрительный Терситъ.

«Смертный, царь Зевесъ Фортунѣ

«Своей правдой предаль насъ :

«Уловляй же быстрый часъ,

«Не тревожа сердца втуне.

«Лучшихъ бой похитилъ ярый !

«Вѣчно памятенъ намъ будь,

«Ты, мой братъ, ты, подъ удары

«Подставлявшій твердо грудь,

«Ты, который насъ, пожаромъ

«Осажденныхъ, защитилъ....»

«Но коварнѣйшему даромъ»

«Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.

«Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!»

«Жизнь твою не врагъ отнялъ:

«Ты своею силой палъ,

«Жертва гибельнаго гнѣва.»

«О, Ахиллъ! о, мой родитель!»

Возгласилъ Неоптолемъ :

«Быстрый міра посѣтитель,

«Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.

«Жить въ любви племенъ дѣлами —

«Благо первое земли ;

«Будемъ вѣчны именами

«И сокрытые въ пыли !

«Слава дней твоихъ нетлѣнна ;

«Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она :

«Жизнь живущихъ не вѣрна,

«Жизнь отжившихъ неизмѣнна!»

«Смерть велитъ умолкнуть злобѣ!»

Диомедъ провозгласилъ :

«Слава Гектору во гробъ !

«Онъ краса Пергама былъ ;

«Онъ за край, гдѣ жили дѣды ,

«Веледушно пролилъ кровь ;

«Побѣдившимъ — честь побѣды!»

«Охранявшему — любовь!»

«Кто, на судъ явась кровавый ,

«Славно палъ за отчій домъ ,

«Тотъ, почтѣнный и врагомъ ,

«Будеть жить въ преданьяхъ славы!»

Несторъ, жизнью убѣлённый ,

Нацѣдилъ вина фіяль ,

И Гекубѣ сокрушённой

Дружелюбно выпить далъ.

«Пей страданій утolenье!

«Добрый Вакховъ даръ вино :

«И веселость и зобвенье

«Проливаетъ въ насъ оно.

«Пей, страдалица ! печали

«Услаждаются виномъ :

«Боги жалостные въ нёмъ

«Подкрѣпленье сердцу дали.

«Вспомни мать Ніобею :

«Что извѣдала она !

«Сколь ужасная надъ нею

«Казнь была совершена !

«Но и съ нею, безотрадной ,

«Добрый Вакхъ недаромъ былъ :

«Онъ струёю виноградной
«Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

«Если грудь виномъ согрѣта,

«И въ устахъ вино кипить :

«Скорби наши быстро мчитъ

«Ихъ смывающая Лета.»

И вперила взоръ Кассандра ,

Внявъ шепнувшемъ ей богамъ ,

На пустынный брегъ Скамандра ,

На дымящійся Пергамъ :

«Все великое земное

«Разлетается, какъ дымъ :

«Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,

«Завтра выпадетъ другимъ

«Смертный, силѣ, насъ гнѣтущей ,

«Покоряйся и терпи !

«Спящій въ гробѣ, мирно спи !

«Жизнью пользуйся, живущій!»

В. Жуковскій.

2.

ТОРЖЕСТВО ГРЕКОВЪ ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

Тронъ Пріамовъ сокрушённый

Съ Троей палъ развалинъ въ прахъ ,

И побѣдой упоены ,

На высокихъ корабляхъ

Отъ пустыхъ береговъ Троады,
Съ златомъ вражеской земли,
Въ край цвѣтуція Элады
Греки весело текли.

Пѣсни радости, проснитесь!
Къ мирнымъ родины брегамъ
Путь открылся кораблямъ:
Вы къ землѣ родной стремитесь!

Горестно, возсѣвъ рядами,
Блѣдный сонмъ троянскихъ женъ,
Съ распущенными власами,
Воплемъ свой встрѣчаетъ плѣнъ.
Ихъ сливается рыданье
Съ грознымъ пиршенствомъ побѣдъ:
Падшихъ стѣнъ воспоминанье
Съ ужасомъ грядущихъ бѣдъ:

«О, прости, земля родная,
«Сладкій шумъ родимыхъ водъ!
«Рабство насъ въ чужбинѣ ждѣтъ:
«Часть умершихъ — часть золотая!»

И Калхасъ возжегъ съ денницей
Гекатомбъ изъ тучныхъ стадъ —
Въ честь Палладѣ, чьей десницей
Зиждется и гибнетъ градъ;
Посидону, что волнами

Свѣтъ, какъ поясомъ, блюдетъ;
Зевсу, мощными бровями
Неба движущему сводъ.

Ужасъ брани прекратился;
Тяжкій подвигъ совершёнъ;
Кругъ исполненъ времёнъ:
Градъ великій преклонился.

Царь Атридъ, владыка воевъ,
Обозрѣлъ число дружинъ,
Съ кѣмъ дѣлилъ онъ славу боевъ
Средь Смаандровыхъ равнинъ.
И чело царя покрылось
Грусти облакомъ густымъ:
Много съ нимъ на брань стремилось;
Возвратится мало съ нимъ!

Долженъ, долженъ веселиться,
Кто въ родимый край грядётъ;
Жизнь кому еще цвѣтётъ —
Въ домъ не всякой возвратится!

«И не всѣмъ въ свой край возврата
«Должно часъ благословлять:
«Близъ домашняго Пената
«Можетъ ихъ убійство ждать!
«Тотъ падетъ измѣной друга,
«Кто войною пощаженъ!»

Одиссей, въ предчувствѣ духа,
Рекъ, Аѳиной вдохновенъ:

«Счастливъ, кто въ богахъ увѣренъ,
«Непорочнымъ домъ свой зрить!
«Злобныхъ новость веселить:
«Родъ Пандоры лицемѣренъ!»

И супругой, взятой съ бою,
Счастливъ, радостный Атридъ
Обвилъ станъ ея рукою:
Въ ней онъ верхъ блаженства зрить!
«Гибнетъ, гибнетъ преступленье;
«За измѣной — месть во слѣдъ;
«Тамъ, въ превыспреннемъ селенѣ,
«Правый судъ Кронида ждетъ!

«Злое злой конецъ приемлетъ;
«Мщенье сходитъ отъ небесъ;
«Мститъ обидающимъ Зевесъ —
«И одной лишь правдѣ внимлетъ!»

«Пусть безсмертныхъ прославляетъ,
«Съ жизнью счастье кто приялъ;
«Пусть онъ жертвы возжигаетъ!»
Оилеевъ сынъ вѣщалъ:
«Безъ разбора жребій мрачной,
«Жребій свѣтлой удѣленъ:

«Взять Патрокль могилой алчной,
«Робкій Терситъ пощажёнъ!

«Изъ сосуда рокъ двойнаго
«Слѣпо счастье раздаётъ;
«Наслаждайся жизнью тотъ,
«Жребій кто пріять воблаго.

«Лучшихъ бой пожралъ героевъ!
«Вѣчно будь благословенъ,
«Братъ, краса Эллинскихъ воевъ,
«Страхъ враговъ, гроза ихъ стѣнъ!
«Въ часъ пожара, истребленья,
«Смерть — твоя рука несла;
«Но у славы награжденья
«Нагло хитрость отняла.

Миръ костямъ твоимъ во гробѣ!

Врагъ тебя не поражалъ;

Ты своей десницей палъ:

И герой безуменъ въ злобѣ!...»

«Въ честь великому длань Пирра
«Въ честь отцу фіяль внесла:
«Выше всѣхъ удѣловъ міра
«Чту твои, Ахиллъ, дѣла!
«Лучшей въ жизни даръ, безцѣнный,
«Слава доблестныхъ побѣдъ;

*

«Въ прахъ падеть составъ нашъ тлѣнный;
«Имя славное живетъ!

«Славы блескъ твоей правдивый
«Пѣснь безсмертья сохранить;
«Жизнь земная улетитъ,
«Но умершіе вѣкъ живы!»

«Если лиръ похвальнымъ звономъ
«Побѣжденный позабыть,
«Гектора почту я стономъ!»
Рекъ безстрашный Діомидъ:
«Въ злой борьбѣ за градъ державной
«Рокъ могучаго постигъ;
«Тотъ великъ побѣдой славной,
«Славной цѣлью сей великъ!

«За боговъ домашнихъ лики,
«За отчизну палъ герой;
«И своихъ враговъ хвалою
«Будь безсмертенъ мужъ великій!»

Несторъ, другъ пировъ незлобной,
Что три вѣка созерцалъ,
Подаетъ Гекубѣ скорбной
Плющемъ обвитый фіялъ:
«Пей души успокоенье
«И забудь судебъ ударъ!

«Въ скорби сердцу исцѣленье
«Всемогущій Вакха даръ!

«Пей души успокоенье
«И забудь сердце ударъ!
«Всемогущій Вакха даръ
«Въ скорби сердцу исцѣленье!

«Тамъ Ніоба, отягченна
«Отъ безсмертныхъ игомъ зла,
«Испытавъ плода священна,
«Скорбь изъ сердца изгнала.
«И доколѣ предъ устами
«Жизни пѣвится волна,
«Леты тихими струями
«Будь печаль поглощена!

«Такъ, доколѣ предъ устами
«Жизни пѣвится волна,
«Пусть печаль, какъ призракъ сна,
«Леты скроется струями!»

И пророчица воздвиглась,
Бога зрящаго полна;
Быстрымъ взоромъ устремилась
На отчизны дымъ она:
«Все земное — дымъ летучій!
«Вѣтръ столбомъ его умчить:

«Исчезаетъ такъ могучій —

«И безсмертенъ лишь Кронидъ!

«На конѣ ль, въ ладѣ ли мчимся,

«Скорбь слѣдитъ повсюду насъ;

«Намъ грядущій не данъ часъ, —

«Настоящимъ насладимся!»

А. Писаревъ.

3.

ПОМИНКИ.

Пала царственная Троя,

Сокрушенъ пріамовъ градъ,

И Ахеяне, устроя

Свой на родину возвратъ,

На судахъ своихъ сидѣли,

Вдоль эгейскихъ береговъ,

И пѣанъ хвалебный пѣли,

Громко слава всѣхъ боговъ.

Раздавайся гласъ побѣдный!

Вы къ брегамъ родной земли

Окрыляйтесь, корабли,

Въ путь возвратный, въ путь безбѣдный.

И сидѣла въ длинномъ строѣ

Грустно-блѣдная семья:

Жены, дѣвы падшей Трои,

Голося и слезы лья,

Въ горѣ общемъ и великомъ,
Плача о себѣ самихъ;
И съ побѣднымъ, буйнымъ кликомъ
Дико вопль сливался ихъ:

«Ждетъ насъ горькая неволя
«Тамъ, вдали, въ странѣ чужой.
«Ты прости, нашъ край родной!
«Какъ завидна мертвыхъ доля!»

И воздвигся, жертвы ради,
Приноситель жертвъ, Калхасъ,
Грады-зигдущей Палладѣ,
Грады-рушащей молясь,
Посидона силѣ грозной,
Опоясавшаго міръ,
И тебѣ, эгидо-носный
Зевсѣ, сгущающій эфиръ!

Опрокинуть, уничтоженъ
Градъ великій Иліонъ!
Долгій, долгій споръ рѣшенъ —
Судъ безсмертныхъ непреложенъ.

Грозныхъ полчищъ воевода,
Царь царей, атреевъ сынъ,
Обозрѣлъ толпы народа,
Уцѣлѣвшій строй дружинъ.

И внезапною тоскою
Омрачился царскій взглядъ:
Много ихъ пришло подъ Трою,
Мало ихъ поидеть назадъ.

Такъ возвысьте жъ гласъ хвалебный! —
Пой и радуйся стократъ,
У кого златой возвратъ
Не похитилъ рокъ враждебный!

«Но не всѣмъ сужденъ отъ Бога
«Мирный, радостный возвратъ:
«У домашняго порога
«Многихъ кѣры сторожатъ...
«Живъ и цѣль вернулся съ бою —
«Гибнетъ въ храминѣ своей!»
Рекъ, Аѳиною всеблагою
Вдохновенный, Одиссей:

«Тотъ лишь домъ и твердъ и проченъ,
«Гдѣ семейный святъ уставъ;
«Легковѣренъ женскій нравъ
«И измѣнчивъ и пороченъ.»

И супругой, взятой съ бою,
Снова счастливый Атридъ,
Пышный станъ обвивъ рукою,
Страстный взоръ свой веселить:

«Злое злой конецъ пріемлетъ;
«За несчастьемъ казнь слѣдитъ:
«Въ небѣ судъ боговъ не дремлетъ, —
«Право царствуетъ Кронидъ...

«Злой конецъ началу злomu!
«Право правящій Кронидъ
«Вѣроломцу страшно мститъ —
«И семьѣ его и дому.»

«Хорошо любимцамъ счастья» —
(Рекъ Аякса братъ меньшей)
«Олимпійцевъ самовластье
«Величать своей хвалой!...
«Неподвластно высшей силѣ
«Счастье въ прихотяхъ своихъ:
«Другъ Патроклъ давно въ могилѣ,
«А Терситъ еще въ живыхъ!...

«Счастье жеребія сѣетъ
«Своевольною рукой:
«Веселись и пѣсни пой
«Тотъ, кого свѣтило грѣетъ!

«Будь утѣшенъ, братъ любимый!
«Память вѣчная тебѣ!...
«Ты — оплотъ несокрушимый
«Чадъ ахейскихъ въ ихъ борьбѣ!...

«Въ день ужасный, въ день кровавый
«Ты одинъ за всѣхъ стоялъ!
«Но не сильный, а лукавый
«Мзду великую стяжалъ...

«Не врага рукой побѣдной —
«Отъ руки ты палъ своей...
«Ахъ, и лучшихъ изъ людей
«Часто губить гнѣвъ зловерный!»

«И твоей теперь державной
«Тѣни, доблестный Пелидъ,
«Сынъ твой Пирръ, воитель славный,
«Возліяніе творить...
«Какъ тебя, о, мой родитель,
«Никого» (онъ возгласилъ)
«Зевсъ, великій промыслитель,
«На землѣ не возносилъ!

«На землѣ, гдѣ все измѣнно,
«Выше славы блага нѣтъ.
«Нашу персть — земля возьметъ,
«Имя славное — нетлѣнно!»

«Хоть о падшихъ, побѣждѣнныхъ
«И молчитъ побѣдный кликъ,
«Но и въ родахъ отдалѣнныхъ,
«Гекторъ, будешь ты великъ!...

«Вѣчной памяти достоинъ»
(Сынъ тидеевъ провѣщаль),
«Кто, какъ честный, храбрый воинъ,
«Край отцевъ спасая, палъ.

«Честь тому, кто, не робѣя,
«Жизнь за братій положилъ...
«Побѣдитель побѣдилъ, —
«Слава падшаго святѣ!»

Старецъ Неоторъ здѣсь маститый
Брашникъ, кубокъ взявъ, встаётъ,
И сосудъ, плющемъ обвитый,
Онъ Гекубѣ подаётъ:
«Выпей, мать, струи цѣлебной
«И забудь весь свой уронъ!
«Силенъ Вакха сокъ волшебный,
«Дивно насъ врачуетъ онъ.

«Мать, вкуси струи цѣлебной
«И забудь судебъ законъ.
«Дивно насъ врачуетъ онъ —
«Бога Вакха даръ волшебной.

«И Ніобы древней сила,
«Горемъ злымъ удручена,
«Сока дивнаго вкусила,
«И утѣшилась она!

«Лишь сверкнетъ въ застойной чашѣ
«Благодатное вино,
«Въ Лету рухнетъ горе наше
«И пойдетъ, какъ ключъ, на дно.

«Да, пока играетъ въ чашѣ
«Всемогущее вино,
«Горе въ Лету снесено,
«Въ Лету тонетъ горе наше!»

И воздвиглась на прощенье
Провозвѣтница-жена —
И исполнилась вѣщанья
Вдохновеннаго она,
И пожарище родное
Обозрѣвъ въ послѣдній разъ:
«Дымъ и паръ здѣсь все земное,
«Вѣчность, боги, лишь у васъ!...

«Какъ уходятъ клубы дыма,
«Такъ уходятъ наши дни!
«Боги, вѣчны вы одни,
«Все земное идетъ мимо!»

Ф. Тютчевъ.

II.

КАССАНДРА.

Все въ обители Пріама
Возвѣщало брачный часъ —
Запахъ розъ и ѳиміама,
Гимны дѣвъ и лирный гласъ.
Спитъ гроза минувшей брани,
Щитъ и мечъ и конь забыть :
Облеченъ въ пурпурны тками
Съ Поликсеною Пелидъ.

Дѣвы, юноши четами
По узорчатымъ коврамъ,
Украшѣнные вѣнками,
Идутъ веселы во храмъ;
Стогны дышутъ ѳиміамомъ;
Въ злато Царскій домъ одѣтъ;
Снова счастье надъ Пергамомъ...
Для Кассандры счастья нѣтъ.

Уклонясь отъ лирныхъ звоновъ,
Нелюдима и одна,
Дочь Пріама въ Аполлоновъ
Древній лѣсъ удалена.
Сводомъ лавровъ осѣненна,
Сбросивъ жрическій покровъ,
Провозвѣстница священна
Такъ роптала на боговъ :

«Тамъ шумятъ веселыхъ волны;
Всѣмъ душа оживлена;
Мать, отецъ надеждой полны;
Въ храмъ сестра приведена.
Я одна мечты лишѣнна;
Ужасъ мнѣ — что радость тамъ...
Вижу, вижу: окрилѣнна
Мчится гибель на Пергамъ.

«Вижу факель — онъ свѣтлѣетъ
Не въ Гименовыхъ рукахъ;
И не жертвы пламя рдѣетъ
На сгущенныхъ облакахъ;
Зрю пировъ уготовленье...
Но... горѣ, по небесамъ
Слышно бога приближенъе,
Предлетащаго бѣдамъ.

«И вотще мое стenanъе,
И печаль моя мнѣ стыдъ:
Лишь съ пустынями страданъе
Сердце сирое дѣлитъ.
Отъ счастливыхъ отчуждѣнна,
Веселящимся позоръ,
Я тобой всѣхъ благъ лишѣнна,
О, предвѣдѣнiя взоръ!

«Что Кассандрѣ даръ вѣщанъя
Въ семь жилищѣ скромныхъ чадъ

Безмятежнаго незнанья,
И блаженныхъ имъ стократъ?
Ахъ, почто она предвидитъ
То, чего не отвратить?...
Неизбѣжное прійдетъ,
И грозящее сразить.

«И спасу ль ихъ, открывая
Близкій ужасъ ихъ очамъ?
Лишь незнанье — жизнь прямая;
Знанье — смерть прямая намъ.
Фебъ, возьми твой даръ опасной,
Очи мнѣ спѣши затмить;
Тяжко истины ужасной
Смертною скуделью быть.

«Я забыла славить радость,
Ставъ пророчицей твоей.
Слѣпоты погибшей сладость,
Мирный мракъ минувшихъ дней,
Съ вами скрылись наслажденья!
Онъ мнѣ будущее далъ,
Но веселіе мгновенья
Настоящаго отнялъ.

«Никогда покровъ вѣнчальный
Мнѣ главы не оѣнитъ:
Вижу факель погребальный;
Вижу: ранній гробъ открытъ.

Я съ родными скучну младость
Всю утратила въ тоскѣ...

Ахъ, могла ль дѣлить ихъ радость,
Видя скорбь ихъ вдалекѣ?

«Ихъ ласкаетъ ожиданье;
Жизнь, любовь передо-мною;

Все окрестъ очарованье —
Я одна мертва душой.

Для меня весна напрасна;
Миръ цвѣтущій пусть и дикъ...

Ахъ, сколь жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ея проникъ!

«Сладкій жребій Поликсены!
Съ женихомъ рука съ рукой,

Взоръ любовью распаленный,
И гордась сама собой,

Благъ своихъ не постигаетъ:
Въ сновидѣніяхъ златыхъ,

И безсмертья не желаетъ
За одинъ съ Пелидомъ мигъ.

И моей любви открылся
Тотъ, кого мы ждемъ душой:

Милый взоръ ко мнѣ стремился
Полный страстною тоской...

Но — для насъ передъ богами
Брачный гимнъ не возгремитъ;

Вижу : грозно между нами
Тѣнь Стигійская стоитъ.

«Духи, блѣдною толпою
Покидая мрачный адъ,
Вслѣдъ за мной и предо-мною
Неотступные летятъ;
Въ рѣзвы юношески лики
Вносятъ ужасъ за собой;
Внемля радостные клики,
Внемлю ихъ надгробный вой.

«Тамъ сокрытый блескъ кинжала;
Тамъ убійцы взоръ горитъ;
Тамъ невидимаго жала
Ядъ погибелью грозитъ.
Все предчувствуя и зная,
Въ страшный путь сама иду:
Ты падешь, страна родная;
Я въ чужбинѣ гробъ найду...»

И слова еще звучали...
Вдругъ... шумить священный лѣсъ...
И зефиры гласъ примчали:
«Палъ великій Ахиллесъ!»
Машутъ фуріи змѣями,
Боги мчатся къ небесамъ...
И карающій громами
Грозно смотритъ на Пергамъ.

В. Жуковскій.

III.

1.

ИСТУКАНЪ ВЪ САИСЪ.

Палимый жаждою познаній ,
Пришолъ въ Египетъ юноша, и тамъ
Въ Саисѣ началъ изучать
Жрецовъ таинственную мудрость.
Онъ скоро быстрымъ
Умомъ перешагнулъ чрезъ многія ступени ;
Все дальше, дальше увлекала
Его пытливость духа.
Гіерофантъ не успѣвалъ смягчать
Его нетерпѣливое стремленье.
« *Чѣмъ* обладаю я », твердилъ пришелецъ : « если
« *Не вѣмъ* я обладаю ?
« И что такое : *больше* знать иль *меньше* ?
« Иль истина, какъ наслажденье чувствъ ,
« Есть только сумма ,
« Которую мы можемъ въ бѣльшей,
« Иль въ меньшей степени владѣть ,
« И все-таки считать
« Ее своимъ владѣньемъ ?
« Не есть ли истина одна и не раздѣльна ?
« Одинъ лишь звукъ убавъ
« Въ гармоніи, одинъ лишь цвѣтъ убавъ
« Въ небесной радугѣ — и все пропало
« Безъ чудной цѣлости цвѣтовъ и звуковъ. »

Такъ говоря, однажды ученикъ
И жрецъ пришли въ далекую ротонду,
Гдѣ взоръ пришельца
На колосальномъ изваяньѣ,
Завѣшенномъ широкимъ покрываломъ,
Остановился. Съ изумленьемъ
Онъ посмотрѣлъ въ лицо
Вожатаго и спросилъ:

«Скажи,
«Что кроется подъ этимъ полотномъ?»
— То истина! — ему отвѣтилъ жрецъ.
«Какъ? истина?» воскликнулъ ученикъ:
«Ея одной, ея одной ищу я,
«А отъ меня её-то и скрываютъ!»
— То воля божества! — сказалъ
Гіерофантъ: — Изъ смертныхъ ни одинъ
Да не подниметъ этаго покрова
(Такъ говорить оно),
Пока его сама не подниму я.
Кто изъ среды не посвященныхъ
Преступною рукой подниметъ раньше
Священную запретную завѣсу, —
Тотъ (говорить оно) — тотъ истину *увидитъ*. —
«Слова загадочны? Скажи, ты самъ,
«Ты никогда не поднималъ покрова?»
— Я? нѣтъ, и ни когда желанье
Поднять его меня не искушало. —
«Мнѣ не понятно это. Если

«Отъ истины я только этой тонкой
«Завѣсой отдѣленъ...» — О, сынъ мой! —
Прервалъ его Гіерофантъ:
— Ты позабылъ завѣтъ... Повѣрь,
Важнѣе, чѣмъ ты думаешь, важнѣе
Завѣса эта тонкая... Она
Легка рукѣ,
Но совѣсти безмѣрно тяжела. —

Исполненъ думъ, шелъ юноша домой...
Желанье знанья жгучее его
Лишило сна; въ жару
Метался онъ на ложѣ, —
И въ полночь всталъ. Не твердые шаги
Его невольно
Вели ко храму. Безъ труда
Онъ на стѣну взобрался,
И смѣлымъ
Прыжкомъ по срединѣ
Ротонды очутился.

И вотъ стоитъ онъ тутъ, и страшно
Его объяла пустота
И мертвое молчанье,
Которое лишь смутный отголосокъ
Его шаговъ
Изъ сокровенныхъ еклеповъ прерываетъ.
Вверху, сквозь арку свода

Бросаетъ мѣсяцъ серебристо-голубое
Мерцанье, и ужасень,
Какъ Богъ живой,
Изъ мрака сводовъ выступаетъ
Огромный истуканъ въ своемъ широкомъ
И длинномъ бѣломъ одѣяньѣ.

И юноша невѣрнымъ шагомъ
Подходитъ. Дерзкая рука
Уже готова
Къ святынѣ прикоснуться...
Но вдругъ и жаръ и холодъ пробѣжали
По тѣлу юноши,
И будто тайная, не зримая рука
Его отводитъ руку.

«Несчастный!

На что ты хочешь

Рѣшиться!» вѣрный голосъ сердца

Ему твердитъ: «Ты хочешь

Испытывать высокую святыню?

Не говоритъ ли божество: Ни кто

Изъ смертныхъ не подниметъ покрывала,

Пока его самъ не подыму я.»

«Но и не тѣ же ли уста

«Прибавили :

«Кто приподниметъ покрывало —

«Тотъ истину увидитъ!

«И будь за нимъ, что будетъ ,

«Я подыму его »

И громко онъ воскликнулъ :

« Хочу ее увидѣть! »

Увидѣть! — зазвучали

Насмѣшливо глухіе отголоски.

Сказалъ — и поднялъ покрывало!

Вы спросите, что тамъ явилось

Его очамъ? ... Не знаю.

На утро

Жрецы нашли его во храмѣ: онъ лежалъ

Безъ чувствъ и блѣдный у подножья

Изиды. Что онъ видѣлъ

И что узналъ — изъ устъ его

Ни кто и ни когда не слышалъ.

На вѣкъ погибъ свѣтъ жизни для пего,

И въ раннюю могилу

Свела его глубокая тоска.

« О, горе! »

Такъ говорилъ онъ, предостерегая,

Когда къ нему тѣснились

Съ вопросами: « о! горе

« Тому, кто къ истинѣ идетъ

« Стезею преступленья; никогда

« Ему не радоваться ею! »

М. Михайловъ.

2.

ЗАКРЫТЫЙ ИСТУКАНЪ ВЪ САИСЪ.

Юноша, жаждой познаній влекомый, въ древній Еги-
петъ —

Въ храмъ Саискій пришелъ, у жрецовъ научиться
желая

Тайнамъ премудрости. Много онъ степеней быстро и
скоро

Пылкимъ умомъ пролетѣлъ, но всегда испытующимъ
духомъ

Рвался впередъ: Герофанты едва за нимъ успѣвали

Въ нетерпѣливомъ стремленіи. «Что я знаю, скажите,

«Если всего я не знаю?» Такъ восклицалъ въ нетерпѣньи:

«Или и въ мудрости также найду я немного и много?

«Или и мудрость земная, какъ счастье неполно земное,

«Есть собранье познаній, которымъ и больше и меньше

«Можемъ мы обладать, и всегда къ обладанью стре-
миться?

«Развѣ мудрость не есть единое вѣчнаго духа?

«Звукъ одинъ уничтожь—и разрушишь гармонію звуковъ,

«Цвѣтъ единый изъ радуги вынь — и все остальное

«Хаосъ нестройный, если прекрасное все не дополнить

«Вновь, полнотою небесной гармоніи, цвѣта и звука!»

Такъ говорилъ онъ съ жрецомъ, и во храмъ отда-
ленный вступаетъ.

Тихо было во храмѣ, — и жадные юноши взоры

Вдругъ засверкали: предъ ними гигантскій, закрытъ
покрываломъ,

Въ мракѣ стоитъ истуканъ. Въ изумленіи юноша пылкій.
Онъ вопрошаетъ вожатаго: «Что это? Что здѣсь за-
крыто?»

— Истина! — такъ Герофантъ отвѣчаетъ. «Что слышу?
Что внемлю?»

Юноша быстро воскликнулъ: «Истина! Къ ней я
стремлюся —

«Здѣсь предо-мною она, и ее отъ меня закрываютъ!»

— Такъ судьбамъ всевышнимъ угодно! — жрецъ
отвѣчаетъ.

Смертный никто, да не смѣетъ, изрекъ оракула голосъ,
Вскрыть покрывало, доколѣ я самъ его не открою.
Кто жь святотатственной, дерзкой рукою посмѣетъ,
дотолѣ

Тайное, вскрыть покрывало, безумною волей ведомый,
Тотъ... — «Окончи скорѣе!» — Увидить истины образъ. —
«Станный оракуль! Но ты мнѣ повѣдай: ужели, до-
нынѣ,

«Ты никогда не дерзнулъ поднять, открыть покрывало?»
— Я? — никогда не дерзнулъ и помыслить; и смѣю ль
помыслить! —

«Буду смѣлѣе тебя; и могуль удержаться: предъ мною
«Истина съ легкой завѣсой.» — Но вспомни прещеніе
Бога! —

Такъ возразилъ ему жрецъ: — и помысли, о, сынъ
мой, помысли:

Если бременемъ легкимъ рукъ твоей будетъ завѣса —

Тяжко на совѣсть падеть преступленье божественной
воли. —

Полный думы тяжелой, юноша въ домъ возвратился.
Жажда палящая знанія сонъ похищаетъ спокойный.
Онъ на одрѣ не находитъ покоя, горитъ нетерпѣньемъ...
Въ часъ полуночи оставилъ онъ одрѣ свой. Къ храму

влечется
Робкимъ и косвеннымъ шагомъ, невольно робѣя во
мракѣ,

Безъ затрудненія онъ переходитъ ограду храма,
И — въ средину храма заноситъ дерзкую ногу...

Свершилось!
Вотъ онъ одинъ посреди, окруженный мертвымъ мол-
чаньемъ,

Въ сумракѣ храма; все тихо вокругъ, только въ сво-
дахъ высокихъ

Шорохъ шаговъ его вторится въ звукахъ глухихъ и
неясныхъ:

Храма безмолвіе онъ нарушаетъ, и тихнетъ мгновенно.
Сверху сводовъ, въ окно, свѣтитъ мѣсяцъ туманный,
неясно

Блѣднымъ лучемъ серебрится помость обширнаго храма,
Ужасъ вселяя, какъ богъ, преступленія мститель, во
мракѣ,

Длиннымъ закрытъ покрываломъ, стоитъ истуканъ
исполинскій.

Робкой стопой подошелъ къ нему юноша тихо... онъ хочетъ
Дерзкой рукой спросить неиспытнаго страшную тайну;
Холодъ и жаръ протекли по костямъ его. Будто безвѣстной

Онъ отодвинуть десницей, — и съ трепетомъ вспять
отступаетъ. .

«Что ты дерзаешь? Куда, несчастный безумецъ?» Такъ
громко

Тайный въ душѣ его голосъ ему вопіеть: «Не трепещешь
Ты испытать непостижную тайну? Но вспомни глаголы!
Рекъ ихъ оракуль священный: смертный никто да не
смѣетъ

Вскрыть покрывала, пока я самъ покрывала не вскрою!»
«Но не тотъ ли оракуль прибавилъ глаголь вдохно-
венный:

«Если осмѣлится смертный — онъ Истину ўзритъ?
Довольно! —

«О, что ни будетъ за сею завѣсой — я вскрою, увижу!»
Громкимъ воскликнулъ онъ голосомъ: «Видѣть хочу
я!» И — «видѣть!»

Глухо отгрянуло въ сводахъ, и долго гулъ не утихнулъ...
Рекъ, приблизился смѣло, и — вскрылъ покрывало
завѣта...

Что онъ увидѣлъ? вы спросите: — Что онъ нашелъ? —
Я не знаю.

Слабый, безъ чувствъ, онъ найденъ былъ жрецами
заутра во храмѣ,

Близъ истукана Изиды, повергнутъ во прахъ на помостѣ.
Что онъ видѣлъ? Что онъ нашелъ? Никому не повѣдалъ
Косный языкъ его. Онъ навсегда погубилъ свою младость.
Мрачный, погасшій, онъ скорбью увлекся къ раннему
гробу.

«Горе!» такъ онъ изрекъ въ минуту кончины правдиво:

«Горе тому, кто мудрость купилъ преступленьемъ закона:
«Онъ не радостной — страшной, погибельной тайной
владѣть!...»

Э. Губеръ.

3.

СТАТУЯ ПОДЪ ПОКРЫВАЛОМЪ ВЪ САИСЪ.

Былъ юноша, котораго влекла
Потребность знанья пылкая въ Египетъ;
Тамъ, въ Саисъ, хотѣлъ онъ изучить
Его жрецовъ таинственную мудрость.
Ужъ многое постигнулъ быстро онъ,
Но жажда изысканій и науки
Влекла его все дальше, все впередъ:
Пытливаго едва смиралъ вожатый.

«Что я *своимъ* назвать могу, когда

«*Не все — мое?*» такъ говорилъ онъ: «Развѣ

«Есть въ знаніи середина иль ступень?

«Довольно ль мнѣ знать больше или меньше?

«А истина! — ужели и она,

«Какъ грубыхъ чувствъ земное наслажденье,

«Лишь сумма благъ, то мелкихъ, то большихъ,

«Которою мы всё же обладаемъ?

«Не есть ли истина всегда, вездѣ —

«Одна и нераздѣльна? Изъ созвучья

«Попробуй взять хотя единый звукъ,

«Изъ радуги возьми хоть цвѣтъ единый —

«И ты ни съ чѣмъ останешься, пока

*

«Всѣ краски, всѣ разрозненные звуки

«Въ прекрасномъ цѣломъ не сольются вновь!»

Такъ говоря, въ ротондѣ одинокой

Они остановились, и тамъ

Взглядъ юноши внезапно поражаетъ

Размѣровъ исполинскихъ изваянье,

Подъ длиннымъ покрываломъ. Изумлень,

Глядитъ онъ на вожатаго: «Скажи,

«Что кроется подъ этимъ покрываломъ?»

— То истина! — сказалъ вожатый. «Какъ!

«Я къ ней одной стремлюся, — и её-то,

«Одну ее скрываютъ отъ меня!»

— Такъ Божество рѣшило! — отвѣчаетъ

Гіерофантъ: — изъ смертныхъ ни одинъ

Покрова не сорветъ, — оно сказало, —

Пока его само я не сниму;

А если кто преступною рукою

Священную завѣсу приподнять

Дедзнулъ бы, тотъ, сказало божество... —

«Что жь? говори!» — тотъ истину увидитъ! —

«Неслыханный оракулъ! Но скажи,

«Ужель ты самъ поднять ее не вздумалъ?»

— Я? право нѣтъ? и даже никогда

Не покушался. — «Это непонятно!

«Когда бъ меня отъ истины одна

«Ничтожная преграда отдѣляла...»

— А страхъ закона! — перебилъ его

Вожатый: — О, повѣрь мнѣ, тяжелѣе,

Чѣмъ ты воображаешь, эта ткань;
Хоть для руки легка она, не спорю,
Но бременемъ на совѣсть упадетъ! —

Раздумья полный, въ домъ свой возвратился
Смущенный юноша. Покоя, сна
Его потребность знанія лишаетъ;
Онъ мечется на ложѣ, весь въ огнѣ,
И, въ полночь, всталъ: къ оставленному храму
Его ведутъ невѣрные шаги.
На верхъ ограды взлѣзъ онъ безъ усиля,
Скачекъ отважный дѣло довершилъ,
И онъ — среди таинственной ротонды.

И мертвая, глухая тишина
Отвсюду одинокаго объемлетъ;
Лишь гулъ его прерывистыхъ шаговъ
Средь пустоты безмолвной раздается;
А чрезъ отверстие купола глядитъ,
Сребристо-блѣдный свѣтъ бросая, мѣсяць,
И страшно, какъ присущій вѣкій богъ,
Весь озаренъ, сквозь мракъ нависшихъ сводовъ,
Недвижимый подъ покрываломъ ликъ.
Вотъ — подошелъ онъ ребкою стопой...
Ужъ дезркая рука покой святыни
Нарушить хочетъ... холодъ пробѣжалъ
Съ огнемъ въ крови у юноши, — и что-то
Его рукой незримой оттолкнуло.
«Несчастный! что ты дѣлаешь?» — ему

Таинственный какой-то голосъ шепчетъ:

«Испытывать святыню хочешь ты?

Никто изъ смертныхъ — (такъ вѣщаль оракуль) —

Да не дерзнетъ завѣсу ту сорвать,

Пока предъ нимъ ее не подниму я!»

«Но вслѣдъ за тѣмъ, не тѣ же ли уста

«Сказали: кто подниметъ покрывало,

«Тотъ истину увидитъ? Будь потомъ

«Что будетъ! — я поднять ее рѣшился!»

И громогласно юноша вскричалъ:

«Я истину хочу увидѣть!»

«Видѣть!...»

Протяжный отголосокъ повторилъ...

И съ этимъ словомъ снялъ онъ покрывало.

Что жъ, спросите, увидѣлъ онъ подъ нимъ?

Незнаю. Но безчувственнымъ и блѣднымъ

На утро тамъ нашли его жрецы,

Простертымъ у подножія Изиды.

О томъ, что онъ увидѣлъ и узналъ,

Его языкъ доселѣ неповѣдалъ;

Но съ той поры простился навсегда

Онъ съ ясною безпечностію жизни.

Глубокая тоска свела его

Въ могилу раннюю.

«О, горе, горе!»

Онъ говорилъ, когда кругомъ его

О страшной тайнѣ спрашивали: «горе

«Тому, кто къ вѣчной истинѣ идетъ

«Тежелыми путями преступленья!

«Нѣтъ, никогда она душѣ его
«Не принесетъ отрады и покоя!»

А. Яхонтовъ.

IV.

1.

ПОЛИКРАТОВЪ ПЕРСТЕНЬ.

На кровлѣ онъ стоялъ высоко,
И на Самось богатый око
Съ весельемъ гордымъ преклонялъ:
«Сколь щедро взыскалъ я богами!
«Сколь счастливъ я между царями!»
Царю Египта онъ сказалъ.

— Тебѣ благопріятны боги;
Они къ твоимъ врагамъ лишь строги,
И всѣхъ ихъ предали тебѣ;
Но живъ одинъ, опасный мститель;
Пока онъ дышетъ... побѣдитель,
Недовѣрай своей судьбѣ. —

Еще не кончилъ онъ отвѣта,
Какъ изъ союзнаго Милета
Явился присланный гонецъ:
«Побѣдой ты украшенъ новой!
Да обовѣтъ опять лавровой
Главу властителя вѣнецъ!

«Твой врагъ постигнуть строгой местию;
Меня послалъ къ вамъ съ этой вѣстью

Нашъ полководецъ Полидоръ.»
Рука гонца сосудъ держала:
Въ сосудѣ голова лежала;
Врага узналъ въ ней царскій взоръ.

И гость воскликнулъ съ содроганьемъ:
— Страшись! Судьба очарованьемъ
Тебя къ гибели влечётъ.
Невѣрныя морскія волны
Обломковъ корабельныхъ полны:
Еще не въ пристани твой флотъ. —

Еще слова его звучали, —
А клики брегъ ужь оглашали;
Народъ на пристани кипѣлъ;
И въ пристань царь морей крылатый,
Дарами дальнихъ странъ богатый,
Флотъ торжествующій влетѣлъ.

И гость, увидя то, блѣднѣетъ:
— Тебѣ Фортуна благодѣетъ...
Но ты не вѣрь, — здѣсь хитрый ковь,
Здѣсь тайная гибель скрыта:
Разбойники морскіе Крита
Отъ здѣшнихъ близко береговъ. —

И только выронилъ онъ слово,
Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой:

«Побѣда, царь! Судьбѣ хвала!
Мы торжествуемъ надъ врагами:
Флотъ критскій истребленъ богами;
Его ихъ буря пожрала.»

Испуганъ гость неожиданой вѣстью...
— Ты счастливъ; но судьбины лестью
Такое счастье мнится мнѣ:
Здѣсь вѣчны блага не бывали,
И никогда намъ безъ печали.
Не доставалися онѣ.

— И мнѣ все въ жизни улыбалось;
Неизмѣняемо, казалось,
Я Силой вышней былъ хранимъ;
Всѣ блага прочилъ я для сына...
Его, его взяла судьбина;
Я долгъ мой сыномъ заплатилъ.

— Чтобъ вѣрной избѣжать напасти,
Моли невидимыя Власти
Подлить печали въ твой фіаль.
Судьба и въ милостяхъ мздоимецъ:
Какой, какой ея любимецъ
Свой вѣкъ не бѣдственно кончалъ?

— Когда жъ въ несчастьѣ Рокъ откажетъ,
Исполни то, что другъ твой скажетъ:
Ты призови несчастье самъ.

Твои сокровища несмѣтны:
Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ завѣтный,
Отдай любимое богамъ. —

Онъ гостю внемлетъ съ содроганьемъ:
«Моимъ избраннымъ обладаньемъ
«Донынѣ этотъ перстень былъ;
«Но я готовъ Властямъ незримымъ
«Добромъ пожертвовать любимымъ!...»
И перстень въ море онъ пустилъ.

На утро, только лучъ денницы
Озолотилъ верхи столицы,
Къ царю является рыбарь:
«Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебѣ принесъ въ подарокъ, царь!»

Царь изъявилъ благоволенье...
Вдругъ царскій поваръ въ изступленьѣ
Съ нежданной вѣстію бѣжить:
«Найденъ твой перстень драгоценный;
Огромной рыбой поглощенный,
Онъ въ ней ножемъ моимъ открытъ.»

Тутъ гость, какъ пораженный громомъ,
Сказалъ: — Бѣда надъ этимъ домомъ!
Нельзя мнѣ другомъ быть твоимъ;
На смерть ты обреченъ судьбою:

Бѣгу, чтобъ здѣсь не пасть съ тобою... —
Сказалъ и разлучился съ нимъ.

В. Жуковскій.

2.

ПОЛИКРАТОВЪ ПЕРСТЕНЬ.

Зубчатой кровли съ возвышенья
Онъ взоромъ, полнымъ восхищенья,
Подвластный Самосъ обтекалъ.
«Все это власть мою признало!
«Такихъ счастливецъ въ мірѣ мало!»
Царю Египта онъ сказалъ.

— Ты, Поликратъ, любимъ богами!
Тебѣ покорены судьбами
И тѣ, которымъ равенъ былъ!
Но есть одинъ: его страшился,
И счастьемъ полнымъ не хвалился,
Пока онъ взоровъ не смежилъ!»

Еще не кончилъ гость отвѣта,
Какъ вдругъ прибывшій изъ Милета
Гонецъ тирану предстаётъ:
«Возжги, властитель, жертвъ куренья!
Побѣдный лавръ въ сіи мгновенья
Твое чело да обовѣтъ.»

«Сраженъ твой врагъ копья ударомъ!
Меня съ сей вѣстію и съ даромъ

Шлетъ вѣрный вождь твой Полидоръ.»
И подалъ онъ съ послѣднимъ словомъ
На черномъ блюдѣ подъ покровомъ
Главу врага, потупя взоръ.

Смутился духомъ посѣтитель:
— Дивлюсь, сказалъ онъ, о властитель!
Но не гордись! въ сей самый мигъ,
Какъ здѣсь мы радостію полны,
Твой флотъ разсѣять могутъ волны:
Не оковать фортуны ихъ!»

Едва онъ выговорилъ слово,
Какъ всюду клики съ вѣстью новой:
Народъ у берега шумить...
И флотъ, вѣтрила распущенны,
Богатствомъ чуждымъ отягченный,
Нежданный къ пристани летитъ!

Гость изумился: — Что за счастье!
Завидный день судьбы пристрастья!
Но бойся: ненадежны дни!
Толпы Критянъ, привычныхъ къ бою,
Грозятъ странѣ твоей войною!
Ужъ близки къ берегу они.—

И онъ еще не кончилъ слова,
Какъ вѣсть отъ кораблей готова:
«Побѣда!» загремѣлъ народъ:

«Сердца свободны отъ боязни!
Критянъ постигли неба казни:
Ихъ флотъ погибъ въ пучинѣ водъ!»

Гость ужаснулся предъ молвою:
— Нѣтъ! слишкомъ ты любимъ судьбою!
Страшусь я зависти боговъ!
Для нихъ однихъ вся жизни сладость;
Невозмущаемая радость
Не есть удѣлъ земли сыновъ!

— Я также прежде вѣрилъ счастью!
Куда ни простирался властью,
Успѣхъ спутникомъ мнѣ былъ;
Но я испытанъ ужъ бѣдою:
Мой сынъ взятъ Орковой волною;
Судьбѣ я долгъ мой заплатилъ!

— Чтобъ быть спокойну въ дняхъ грядущихъ,
Моли усердно всемогущихъ,
Да испытаешь и бѣды!
Никто еще благополучно
Не кончилъ жизнь, съ кѣмъ неразлучно
Казались всѣ дары судьбы!

— Когда жъ въ мольбѣ откажутъ боги,
Пусть добровольно выборъ строгій
Твою потерю обречётъ!

Владѣешь ты сокровищъ тьмою:
Что больше цѣнится тобою, —
Возьми и брось въ пучину водъ! —

И тотъ со страхомъ отвѣчаетъ:
«Что островъ мой ни заключаетъ,
«Всего безцѣннѣй сей клейнодъ!
«Да искуплюсь отъ ихъ гоненья:
«Будь жертвой онъ богинямъ мщенья!»
Сказалъ — и бросилъ въ бездну водъ!

Восходитъ утро надъ Самосомъ.
Съ лицомъ веселымъ и съ приносомъ
Къ счастливцу входитъ рыболовъ.
«Закинувъ сѣти въ глубь морскую,
Въ нихъ рыбу я поймалъ такую,
Что лишь тебя достоинъ ловъ!»

Вотъ подъ ножомъ она трепещетъ;
И видитъ поваръ — что-то блещетъ!
Узналъ ... бѣжить... «Властитель мой!
О, счастливъ ты необычайно!
Смотри: въ той рыбѣ я случайно
Нашелъ любимый перстень твой!»

Тутъ гость въ послѣднѣи молвилъ ясно:
— Нѣтъ! другомъ быть твоимъ опасно,
Чтобъ не былъ равенъ нашъ удѣлъ!

Погибель надъ твоей главою!

Бѣгу, чтобы не пасть съ тобою! —

Сказалъ — и парусъ возшумѣлъ!

М. Дмитріевъ.

V.

1.

ПОРУКА.

Діонисія Мёросъ убить замышлялъ,
Подкравшись, ударомъ кинжала,
Но стража его удержала.

— Кому, говори, ты готовилъ кинжалъ? —

Такъ плѣннику грозный властитель сказалъ.

«Тирану отчизны священной...»

— Умри-жь на крестѣ, дерзновенный! —

«Готовъ я на смерть; я отъ страха далѣкъ;

«Молить о пощадѣ не стану!»

Отвѣтилъ онъ смѣло тирану:

«Но дай, ради Неба, трехдневный мнѣ срокъ,

«Чтобъ за мужъ я выдать сестру свою могъ;

«Я друга оставляю въ поруки,

«Что къ смертной предстану я мукъ.»

Съ усмѣшкою, злобу на сердцѣ храня,

Царь молвилъ, по краткомъ молчаньѣ:

— Исполню твое я желанье;

Ступай, я даю тебѣ сроку три дня;
Но знай: не предстанешь тогда предъ меня, —
Его я предамъ на мученье,
Тебѣ же прощу преступленье.

И къ другу пришелъ онъ: «Властитель изрёкъ,
«Чтобъ смерти мнѣ крестной мученье
«Принять за мое покушенье;
«Но только даетъ онъ трехдневный мнѣ срокъ,
«Чтобъ замужъ я выдать сестру свою могъ.
«Останься при немъ въ заключеньѣ,
«Въ залогъ моего возвращенья.»

Другъ вѣрный къ груди его молча прижалъ,
И далъ заковать себя въ узы;
А Мёросъ спѣшитъ Сиракузы
Оставить, и только день третій насталъ,
Поспѣшно онъ бракомъ сестру сочеталъ,
И къ другу съ заботою нѣжной
Онъ къ смерти идетъ неизбѣжной.

Вдругъ буря завывала, и шумно съ высотъ
Потоки низверглись въ долины;
Повсюду бушуютъ стремнины.

Рѣка на до дорогъ, — онъ къ мосту идѣтъ,
А волны изъ берега хлещутъ, — и вотъ —
Обрушили съ грохотомъ воды
Его потрясенные своды.

Напрасно по берегу взадъ и впередъ
Онъ ходить и даль озираетъ,
Напрасно свой зовъ посылаетъ:

Нигдѣ челнока невидать среди волъ;
Ни парусъ привѣтный нигдѣ не мелькнетъ.
И сталъ онъ, подавленный горемъ...
Рѣка же становится моремъ.

Тогда на колѣна съ мольбою онъ палъ,
Тревоги томительной полный:
«О Зевсъ! усмири эти волны!

«Часы улетаютъ — ужь полдень насталь...

«Священный обѣтъ я властителю далъ...

«Ахъ, если возвратъ запоздаетъ,

«Мой другъ за меня пострадаетъ!»

Но тщетно! пучина сильнѣе реветъ,
Волна на волну набѣгаетъ,
За часомъ другой улетаетъ...

Тогда онъ съ отчаянья смѣло впередъ:

Кидается въ лоно клубящихся водъ,

И бьётъ ихъ рукою могучей

Въ борьбѣ со стремниной кипучей.

И вотъ онъ до брега достигъ и съ мольбой

Принесъ благодарность Зевесу.

Но вдругъ изъ сосѣдняго лѣсу

Выходятъ разбойники буйной толпой,

Убийства алкая суровой душой,

Дубинами грозно махають,
И страннику путь заграждають.

«Что нужно вамъ? нѣтъ у меня ничего!»

Сказалъ онъ, отъ страха блѣднѣя:

«Я жизнию только владѣю,

«И ту я храни для царя моего!»

И, вырвавъ дубиню изъ рукъ одного,

Взмахнулъ онъ, — и трое упали;

Другіе же въ лѣсъ убѣжали.

Но солнце, сіяя въ лучахъ огневыхъ,

На путника зной изливаетъ, —

И сила его оставляетъ.

«Ты вынесъ меня изъ пучинъ водяныхъ,

«Ты спасъ отъ ватаги злодѣевъ лѣсныхъ, —

«Пошли мнѣ, о Зевсѣ, укрѣпленье,

«Чтобъ другъ мой не принялъ мученье!»

И вотъ, близъ него, подъ сосѣдней скалой,

Послышалось будто журчанье...

Дрожа, притаилъ онъ дыханье...

И видитъ — потокъ серебристый, живой,

Бѣжитъ и шумитъ говорливой струей,

И Мѣросъ къ нему наклонился,

И влагой его оживился.

И солнце бросаетъ на лугъ золотой,

Блестя сквозь зеленые сѣни,

Деревьевъ гигантскія тѣни.
Два путника идутъ дорогой большой;
Онъ ихъ обгоняетъ поспѣшной стопой,
И звуки къ нему долетаютъ:
«Теперь ужъ его распинаютъ!»

Тоска въ его сердцѣ, въ душѣ его адъ,
И страхъ его бѣгъ окриляетъ;
А солнце вдали догараетъ.
Предъ нимъ Сиракузскія башни блестятъ.
Идетъ ему встрѣчу съдой Филостратъ;
Онъ, вѣрный слуга господина,
Узналъ своего властелина.

— Назадъ! ты ужъ къ другу теперь опоздалъ;
О собственномъ думай спасеньѣ;
Царь предалъ его на мученье.
Твой другъ до послѣдней минуты питалъ
Надежду въ душѣ, и тебя поджидалъ,
И тщетно врага посмѣянье
Смущало его упованье. —

«И если ужъ поздно, и если ужъ мой
«Возвратъ для него — не спасенье, —
«Такъ я раздѣлю съ нимъ мученье!
«Пусть гордый тиранъ не смѣется, что мной
«Нарушенъ долгъ чести и дружбы прямой;
«Пусть жертву казнить и другую,
«Но дружбу признаетъ святую.»

И солнце ужь сѣло; и вотъ онъ у вратъ,
И видитъ тамъ крестъ водруженный,
Народной толпою окруженный, —
И вотъ его друга ужь тащить канать...
Тогда раздвигаетъ онъ зрителей рядъ:
«Палачъ! для меня эта мука, —
«Я тотъ, за кого онъ порука!»

Толпа на друзей въ изумленьѣ глядитъ:
Какъ нѣжны ихъ ласки, лобзанья, —
Въ нихъ радость и горе свиданья...
И слезы у всѣхъ исторгаетъ ихъ видъ.
Объ этомъ извѣстье къ тирану летитъ,
И грозное сердце смягчаетъ,
И къ трону онъ ихъ призываетъ.

На нихъ съ умиленной взирая душой,
Сказалъ онъ имъ: — Вы побѣдили!
Вы сердце мое услادили...
Нѣтъ, дружба не вымыселъ ложный, пустой!
Примите-жь меня въ свой союзъ вы святой:
Пусть буду я третьимъ межъ вами,
И станемъ отнынѣ друзьями! —

Ф. Миллеръ.

ПОРУКА.

Однажды, съ ножомъ подъ полою, тайкомъ
Въ чертогъ къ Діонисію Мёросъ пробрался;
Но былъ уличёнъ и подъ стражу попался.
— Скажи мнѣ — чего ты искалъ здѣсь съ ножомъ? —
Спросилъ Діонисій его съ торжествомъ.
«Свободы отчизны . . . я связанъ обѣтомъ! . . .»
— Злодѣй! на крестѣ ты раскаешься въ этомъ! —

«Давно ужъ себя я на гибель обрѣкъ,
«И — вѣрь мнѣ — не стану молить о прощеньѣ.
«Но, если доступно тебѣ сожалѣнье, —
«Назначь, передъ смертью, трехдневный мнѣ срокъ
«Чтобъ свадьбу сестры я отпраздновать могъ,
«И друга тебѣ я оставляю порукой,
«А если укроюсь — отвѣтитъ онъ мукой.»

Тиранъ усмѣхнулся, и, бросивши взглядъ
На Мёроса, молвилъ, прервавъ размышленье:
— На срокъ я согласенъ, — узнай снисхожденъе,
Но помни, что только три дня пролетятъ
И ты не придешь въ Сиракузы назадъ,
Я *вѣрнаго друга* предамъ на мученье,
А ты его казною заслужишь прощенье. —

И вотъ онъ у друга: «Властитель обрѣкъ
«Меня на позорную казнь — на распятье,
«За умыселъ мой, за мое предпріятъе,

«Но дать согласился трехдневный мнѣ срокъ

«Чтобъ свадьбу сестры я отпраздновать могъ:

«Побудь-же ты здѣсь у него въ заключеньѣ

«Надежной порукой въ моемъ возвращеньѣ.»

И другъ обнимаетъ его — и идетъ

Въ темницу, подъ крѣпкую стражу тирана.

А Мёросъ уходитъ оттуда. Но рано,

На третіе утро, онъ съ ложа встаетъ,

Спѣшитъ совершеньемъ обряда, — и вотъ

Онъ снова въ дорогъ, смираясь предъ рокомъ, —

Боится промедлить назначеннымъ срокомъ.

Вдругъ буря: и вѣтеръ, и ливень съ грозой,

Потоки въ долины съ высотъ устремились,

Ручьи разлились, взволновались, озлились...

А Мёросъ всё дальше... вотъ мостъ надъ рѣкой,

Но волны срываютъ его, и съ собой

Уносятъ и топятъ въ глубокія воды,

Дробя и ломая послѣдніе своды.

Напрасно, блуждая надъ бурной рѣкой,

Онъ взоры въ туманную даль устремляетъ

И зовъ иступленный имъ въ слѣдъ посылаетъ;

Челнокъ не рѣшается выйти на бой

Съ холодною бездной, съ ревущей волной,

Затѣмъ, что боится гибели въ спорѣ...

И дикій потокъ превращается въ море.

И Мёросъ заплакалъ, и руки его
Невольно поднялись къ небесъ Властелину:

«Зевесъ! усмири роковую пучину!

«Часы убѣгаютъ, и солнце давно

«Достигло полудня, и если оно

«Зайдетъ, а меня въ Сиракузахъ не будетъ —

«Тиранъ на распятіе друга осудить!»

А рѣчка всё злится, всё роетъ песокъ;

И волны уходятъ, волна за волною,

И время проходить своей чередою...

Тогда, проклиная обманчивый рокъ,

Онъ смѣло кидается въ бурный потокъ,

И бьётъ его волны могучей рукою,

И къ берегу править, хранимый судьбою.

И, спасшись, онъ дальше... и каплять съ рѣсницъ

Невольныя слёзы — молитвой Зевесу...

На встрѣчу ему изъ сосѣдняго лѣсу

Выходитъ толпа кровожадныхъ убійцъ;

Враждой и жестокостью вѣетъ съ ихъ лицъ;

Они надъ собой кистенями махаютъ,

И дерзко дорогу ему заступаютъ.

«Чего вы хотите?» скрывая испугъ,

Спросилъ онъ: «я всё потерялъ, кромѣ жизни,

«И тою пожертвовалъ милой отчизнѣ!»

И, вырвавъ дубину изъ вражескихъ рукъ,

Вскричалъ: «ты не долженъ погибнуть, мой другъ!»

Вскричалъ онъ — и трое на мѣстѣ остались,
А всѣ остальные ушли, разбѣжались.

А солнце всё катитъ свой огненный кругъ...
И путникъ, лишенный живительной тѣни,
Совсѣмъ обезсилелъ, упалъ на колѣни:
«Не Ты-ль меня спасъ изъ разбойничьихъ рукъ,
«Извлекъ изъ пучины — избавилъ отъ мукъ, —
«Ужè-ли-жъ теперь я, убитый недугомъ,
«Здѣсь долженъ погибнуть, пожертвовать другомъ?»

И — что-же! — гремя серебристой волной,
Какъ будто, ручей прожурчалъ не далёко:
Онъ внемлетъ, вокругъ обращается око, —
И видитъ — изъ впадинъ подъ ближней скалой,
Журча, выбѣгаетъ источникъ живой;
И радостно Мёросъ къ нему припадаетъ, —
Усталые члены водой освѣжаетъ.

Но вотъ ужъ и солнце на злакахъ полей,
Кидая лучи сквозь зелёныя сѣни,
Рисуетъ деревьевъ гигантскія тѣни.
Два путника идутъ дорогой своей;
Онъ ихъ обгоняетъ, какъ вдругъ ихъ рѣчей
Ужасные звуки къ нему долетаютъ:
«Теперь ужъ конечно его распинаютъ!»

Тревога и страхъ его ноги крылятъ;
Въ душѣ его — муки; онъ самъ себѣ страшенъ...

Но вотъ Сиракузы! вершины ихъ башенъ
Слегка позлащаетъ румяный закатъ.
Выходить на встрѣчу ему Филостратъ,
Отпущенникъ, дома его управитель.
Узналъ его издали вѣрный служитель.

— Назадъ! совершилось! — онъ тихо сказалъ:

— Бѣги же отсюда! не медли спасеньемъ!

Твой другъ умираетъ — онъ преданъ мученьямъ;

Онъ съ часу на часъ всё надѣялся, ждалъ,

Всё ждалъ и не вѣрилъ, чтобъ ты опоздалъ:

Ни чьи нареканья, ни чьи увѣренья

Смутить не съумѣли его убѣжденья. —

— «О! если ужъ поздно, и я не поспѣлъ

«Явиться предъ другомъ спасителемъ жданнымъ,

«Распятъ мнѣ будетъ удѣломъ желаннымъ,

«Чтобъ послѣ тиранъ говорить не посмѣлъ,

«Что я обѣщанья сдержать не умѣлъ:

«Пускай Діонисій двѣ жертвы погубить,

«Но знаетъ, что люди и вѣрятъ и любятъ.»

Ужъ подъ вечеръ Мёросъ достигнулъ воротъ,

И видитъ: на площади крестъ возвышался;

Вокругъ беззаботно народъ волновался,

И друга на крестъ подымали... но вотъ

Вдругъ Мёросъ воскликнулъ, раздвинувъ народъ:

«Палачъ! распинай меня — вотъ мои руки!

«Я тотъ, за кого онъ сталъ жертвой поруки.»

И вздрогнулъ и стихъ изумленный народъ.
Друзья обмѣнялись словами участя;
И плачутъ отъ горя, и плачутъ отъ счастья, —
И всѣ прослезилися съ ними... но вотъ
Самъ грозный тиранъ обо всѣмъ узнаётъ, —
Дивится друзьямъ, и, познавъ умиленье,
Привести ихъ къ себѣ отдаетъ повелѣнье.

Пришли. Діонисій на нихъ посмотрѣлъ
И молвилъ: — Вы сердце мое побѣдили!
Есть дружба! — я вѣрю святой ея силѣ!...
И что раздѣлить бы я съ вами хотѣлъ,
Такъ это въ союзѣ межъ вами удѣлъ;
Когда вы согласны съ желаніемъ этимъ —
Пусть буду въ союзѣ межъ вами я третьимъ. —

Н. Гербель.

V.

СРАЖЕНІЕ СЪ ЗМѢЕМЪ.

Что за тревога въ Родоссѣ? Всѣ улицы полны народомъ.
Мчатся толпами, вопять, шумятъ. На конѣ величавомъ
Бдетъ по улицѣ рыцарь красивый; за рыцаремъ та-
щутъ
Мертваго змѣя съ кровавой, разинутой пастью; всѣ
смотрятъ
Съ радостнымъ чувствомъ на рыцаря, съ страхомъ не
вольнымъ на змѣя
«Вотъ!» говорятъ: «посмотрите, тотъ врагъ, отъ ко-
торого столько

Времени не было здѣсь ни стадамъ, ни людямъ проходу.
Много рыцарей храбрыхъ пыталось съ чудовищемъ
выйдти

Въ бой... всѣ погибли. Но Богъ насъ помиловалъ;
вотъ нашъ спаситель;

Слава ему!» И вслѣдъ за младымъ побѣдителемъ
идутъ

Всѣ въ монастырь Іоанна Крестителя, гдѣ Іоаннитовъ
Былъ знаменитый Капитулъ собранъ въ то время.

Смирено

Рыцарь подходитъ къ престолу Магистера; шумной
толпою

Ломится слѣдомъ за нимъ въ палату народъ. Пре-
клонивши

Голову, юноша такъ говорить начинаетъ: «Владыка!
«Рыцарскій долгъ я исполнилъ: змѣй, разоритель Ро-
досса,

«Мною убитъ; безопасны дороги для путниковъ; смѣло

«Могутъ стада выгонять пастухи; на молитву

«Можетъ безъ страха теперь пилигримъ къ чудотвор-
ному лику

«Дѣвы Пречистой ходить.» Но съ суровымъ отвѣт-
ствовалъ взглядомъ

Строгій Магистеръ: — Сынъ мой, подвигъ отважный
съ успѣхомъ

Ты совершилъ: отважность рыцарю честь. Но отвѣт-
ствуй:

Въ чемъ обязанность главная рыцарей, вѣрныхъ Хри-
стовыхъ

Слугъ, христіанства защитниковъ, въ знакъ смиренья
носящихъ

Крестъ Исуса Христа на плечахъ? — То зрители
внемля,

Всѣ оробѣли. Но рыцарь, краснѣя, отвѣтствовалъ:

«Первый

«Рыцарскій долгъ есть покорность.» — И рыцарскій
долгъ сей

Нынѣ ты, сынъ мой, нарушилъ: ты мной запрещенный

Подвигъ дерзнулъ совершить. — «Владыка, сперва
благосклонно

«Выслушай слово мое, потомъ осуди. Не съ слѣпою

«Дерзостью я на опасное дѣло рѣшился; но вѣрно

«Волю закона исполнить хотѣлъ: одной осторожной

«Хитростью мнилъ одержать я побѣду. Пять благо-
родныхъ

«Рыцарей нашего Ордена, честь христіанства, погибли

«Въ битвѣ съ чудовищемъ. Ты запретилъ намъ сей
подвигъ ;

«Мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали

«Бѣдствія гибнущихъ братій; стремленьемъ спасти ихъ
томимый ,

«Днемъ я покоя не зналъ, и сны ужасные ночью

«Мучили душу мою, представляя мнѣ призракъ сра-
женья

«Съ змѣемъ; и все какъ будто бы чудилось мнѣ, что
небесный

«Голосъ меня возбуждалъ и твердилъ мнѣ: дерзай! и —
дерзнулъ я.

«Вотъ что я мыслилъ: ты рыцарь; однихъ ли враговъ
христіанства

«Долженъ твой мечъ поражать? Твое назначенье святое:

«Быть защитникомъ слабыхъ, спасать отъ гоненья го-
нимыхъ,

«Грозныхъ чудовищъ разить; но дерзкою силой —
искусство,

«Мужествомъ — мудрость должны управлять. И въ
такомъ убѣжденьѣ

«Долго себя я готовилъ къ опасному бою, и часто

«Къ мѣсту, гдѣ змѣй обиталъ, я тайкомъ подходилъ,
чтобъ заранѣ

«Съ сильнымъ врагомъ ознакомиться; долго обдумывалъ
средства,

«Какъ мнѣ врага побѣдить; наконецъ вдохновеніе свыше

«Душу мою просвѣтило: найдено средство! сказалъ я

«Въ радости сердца. Тогда у тебя позволенья, владыка,

«Я испросилъ посѣтить отеческій домъ мой; угодно

«Было тебѣ меня отпустить. Переплывъ безопасно

«Море и на берегъ вышедъ, въ отеческомъ домѣ не медля

«Все къ предпринятому подвигу сталъ я готовить.

Искусствомъ

«Сдѣланъ былъ змѣй, подобный тому, котораго образъ

«Врѣзался въ память мою: на короткихъ лапахъ громадой

«Тяжкое чрево лежало; хребетъ, чешуею покрытый,

«Круто вздымался; на длинной, гривистой шеѣ торчала,

«Пастью зіяя, зубами грозя, голова; изъ отверстыхъ

«Челюстей острымъ копьемъ выставлялся языкъ, и

змѣиный

«Хвостъ сгибался въ огромныя кольца, какъ будто
готовый,

«Вдругъ обхвативъ ѣздока и коня, задушить ихъ обѣихъ.

«Все учредивши, двухъ собакъ, могучихъ и къ бою

«Съ дикимъ быкомъ приученныхъ, я выбралъ, и мни-
мага змѣя

«Ими травилъ, чтобъ привыкли онѣ по единому клику

«Зубы вонзать въ непокрытое броней чешуйчатой чрево.

«Самъ же, сидя на конѣ благородной арабской породы,

«Я устремлялся на змѣя, и руку мою безпрестанно

«Въ вѣрномъ метаньѣ копья упражнялъ. Сначала отъ
страха

«Конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли собаки;

«Но наконецъ побѣдило мое постоянство ихъ робость.

«Такъ совершилось три мѣсяца. Я возвращаюсь. Вотъ
третій

«День, какъ присталъ я къ Родосу. О новыхъ бѣд-
ствіяхъ вѣсти

«Душу мою возмутили. Гора нетерпѣніемъ кончить

«Дѣло начатое, слугъ собираю моихъ, и ученыхъ

«Взявши собакъ, на вѣрномъ конѣ, никому не сказавшись,

«Бду отыскивать змѣя. Ты знаешь, владыка, часовню,

«Гдѣ богомольствовать сходится здѣшній народъ: на
утесѣ

«Въ дикомъ мѣстѣ она возвышается; образъ Пречистой

«Матери Божіей, видимый тамъ, знаменить чудесами;

«Трудио всходить на утесъ, и доселѣ сей путь былъ
опасенъ.

«Тамъ, у подошвы утеса, въ норѣ, недоступной сіянью

«Дня, гнѣздилися чудовищный змѣй, сторожа прохо-
дящихъ ;

«Горе тому, кто дорогу терялъ! изъ темной пещеры

«Врагъ исторгался, добычу ловилъ, и ее въ свой глубокий

«Логъ увлекалъ на пожранье. Въ ту часовню Пречистой

«Дѣвы пошелъ я, тамъ палъ на колѣна, усердной мольбою

«Въ помощь призывалъ Богоматерь, въ грѣхахъ принесъ
покаянье ,

«Таинъ Святыхъ причастился; потомъ, сошедши съ
утеса,

«Латы надѣлъ, взялъ мечъ и копье, и, раздавъ при-
казанья

«Спутникамъ (имъ же велѣлъ дожидаться меня близъ
часовни) ,

«Сѣлъ на коня, поручилъ Вездѣсущему Господу Богу

«Душу мою, и поѣхалъ. Едва я увидѣлъ на ровномъ

«Мѣстѣ себя, какъ собаки мои, почуявши змѣя,

«Подняли ноздри, а конь захрапѣлъ и пятиться началъ:

«Блещущимъ свившимся клубомъ, вблизи онъ грѣлся на
солнцѣ.

«Дружно и смѣло помчались въ бой съ нимъ собаки;
но съ воємъ

«Кинулись сбѣ назадъ, когда, развернувшись быстро,

«Вдругъ онъ разинулъ огромную пасть, и ихъ ядовитымъ

«Обдалъ дыханьемъ, и съ страшнымъ шипѣньемъ под-
нялся на лапы.

«Крикъ мой собакъ ободрилъ: онѣ вцѣпились въ змѣя.

«Сильной рукой я бросаю копье; но, ударясь въ че-
шуйный,

«Крѣпкій хребетъ, оно, какъ тонкая трость, отлетѣло;

«Новый ударъ я спѣшу нанести; но испуганный конь мой

«Бѣшено сталъ на дыбы; раскаленные очи, зіянье

«Пасти зубастой, и свистъ и дыханье палящее змѣя

«Въ ужасъ его привели, и онъ опрокинулся. Видя

«Близкую гибель, проворно прыгнувъ я съ сѣдла и
въ сраженъе

«Пѣшій вступилъ съ обнаженнымъ мечемъ; но мечъ
мой напрасно

«Колеть и рубить: какъ сталь, чешуя. Вдругъ змѣй,
разъярившись,

«Сильнымъ ударомъ хвоста меня повалилъ и поднялся

«Дыбомъ, какъ столбъ, надо мной и уже растворилъ
онъ огромный

«Зѣвъ, чтобъ зубами стиснуть меня; но въ это мгновенье

«Въ чрево его, чешуей непокрытое, вгрызлись собаки;

«Взвылъ онъ отъ боли, и бѣшено началъ кидаться . . .
напрасно !

«Стиснувши зубы, собаки повисли на немъ; я поспѣшно

«На ноги сталъ, и бросился къ нимъ, и мечъ мой
вонзился

«Весь во чрево чудовища: хлынула чернымъ потокомъ

«Кровь; согнувшись въ дугу, онъ грянулся о земь, и,
тяжкимъ

«Тѣломъ меня заваливши, издохъ надо мною. Не помню,

«Долго-ль безчувственъ подъ нимъ я лежалъ; глаза
открываю:

«Слуги мои предо мною, а змѣй въ крови неподвиженъ.»

Рыцарь, докончивши повѣсть свою, замолчалъ. Раздались

Громкіе клики; дрогнули своды палаты отъ гула
Рукоплесканій, и самые рыцари Ордена вмѣстѣ
Съ шумной толпой возгласили: «хвала!» Но Магистеръ,
Строго нахмуривъ чело, повелѣлъ, чтобъ всѣ за-
молчали —

Всѣ замолчали. Тогда онъ сказалъ побѣдителю: —
«Змѣя,

Долго Родосъ ужасавшаго, ты поразилъ, благородный
Рыцарь; но, Богомъ являяся народу, врагомъ ты явился
Нашему Ордену: въ сердцѣ твоємъ поселился отнынѣ
Змѣй, ужаснѣй тобою сраженнаго, змѣй, отравитель
Воли, сѣятель смутъ и раздоровъ, презритель смиренья,
Недругъ порядка, древній губитель земли. Быть от-
важнымъ

Можетъ и врагъ ненавистный Христа, Мамелюкъ; но
покорность

Есть однихъ христіанъ достоянье. Гдѣ Самъ Искупитель,
Богъ всемогущій, смиренно стерпѣлъ поношенье и муку,
Тамъ встарину основали отцы нашъ Орденъ священный;
Тамъ, облачая Крестомъ, на себя возложили
Долгъ, труднѣйшій изъ всѣхъ: *свою обуздывать волю.*
Суетной славой ты былъ обольщенъ: удались; ты
отнынѣ

Нашему братству чужой: кто Господнее иго отринулъ,
Тотъ и Господнимъ Крестомъ себя украшать не до-
стоинъ.»

Такъ Магистеръ сказалъ, и въ толпѣ предстоявшихъ
поднялся

Громкій ропотъ, и рыцари Ордена сами владыку

Стали молить о прощеньи ; но юноша , молча , поту-
пивъ

Очи , снялъ епанчу , у Магистера строгую руку
Поцѣловалъ и пошелъ . Его проводивши глазами ,
Гнѣвный смягчился судья , и , назадъ осужденнаго
кроткимъ

Голосомъ кликнувъ , сказалъ : — обними меня , мой
достойный

Сынъ : ты побѣду теперь одержалъ , труднѣйшую первой .
Снова сей Крестъ возложи : онъ твой , — онъ награда
смиренью .

В. Жуковский.

VII.

ПЕГАСЪ ВЪ ЯРМѢ.

На конный торгъ , однажды въ Неймаркетъ ,
Товарами другими торгъ богатый ,
Проголодавшійся поэтъ
Привелъ продать коня — и былъ то конь крылатый .

Пегасъ , конь музъ , такъ громко ржалъ ,
Взвиваясь пышно и парадно ,
Что всякъ дивился и кричалъ :

« Чудесный , царскій конь ! Одно досадно :
Картина весь , — по крыльямъ-же уродъ !
Какъ въ цугъ-бъ онъ пошелъ прекрасно !
Быть долженъ рѣдкій это родъ ;

Но въ воздухѣ летать опасно;
А деньги весело-ль терять напрасно!»
И вотъ одинъ рѣшился откупщикъ:
«Тутъ крылья ни къ чему!» сказалъ онъ: «то не ложно,
Да ихъ связать, или обрѣзать можно:
Все будетъ конь хоть добрый возовикъ;
Ну, двадцать фунтовъ дамъ, не буду-жь я бѣднѣе!»
То слыша, продавецъ, чтобъ сбыть товаръ скорѣе,
Ударилъ по рукамъ, сказавъ: «конь этотъ твой!»
И Гансъ съ добычею скорѣй домой.

Вотъ гордый Гиппогрифъ былъ запряжёнъ;
Но вольный, никогда подъ ношей небывалый,
Вдругъ, гнѣвомъ ярымъ воспалёнъ,
Помчалъ неистово повозку, одичалый,
И въ бездну съ ней едва не спрыгнулъ онъ.
«Ну!» Гансъ сказалъ, «быть такъ; но ужь скотинѣ этой,
Изъ опыта узнавъ, возъ ввѣрить не могу;
На завтра ѣдущихъ отправлю я съ каретой
И друга на уносъ въ четверку запрягу.
Ретивъ, такъ пусть коней замѣнитъ пару,
А съ лѣтами и поубавитъ жару.»

Сначала и пошло. Шагъ клеперовъ живилъ
Конь легкостью своей. Карету мчалъ стрѣлою.
Но что-жь? Лишь къ облакамъ онъ взоры обратилъ,
Не свыкнувшись съ земной, тяжелою ѣздою,
Вдругъ битый путь покинулъ онъ
И, вспомнивъ сильный естества законъ,

По рвамъ и по горамъ пустился,
И, бѣшенный, смѣшалъ, взбѣсилъ другихъ коней.
Они не слушаютъ ни крика, ни возжей;
А экипажъ чуть-чуть въ щепу не раздробился,
И, къ страху ѣдущихъ, едва остановился,
Когда, на верхъ скалы, летунъ нашъ, весь въ огнѣ,
Взмахнулъ и, зацѣпясь, повисъ на крутизнѣ...

«Нѣтъ, вижу, дѣло не годится!»
Гансъ говоритъ съ задумчивымъ лицомъ:
«И никогда оно такъ не склейтса!»
Посмотримъ, голодомъ, или трудомъ —
Авось змѣй лютый укротится.»
И къ дѣлу приступилъ. Хоть конь неукротимъ,
Но протекло три дня едва ли,
Конь исхудалъ, какъ тѣнь. «Ну, мы теперь попали!»
Гансъ вскрикнулъ и велитъ работникамъ своимъ
Въ одно ярмо запрячь коня съ быкомъ большимъ.

И сдѣлано. Глядятъ: вотъ — упряжь пресмѣшная,
Тащили плугъ крылатый конь съ быкомъ!
Пегасъ упрямо шель, едва ступая,
И силы напрягалъ, лишь думая о томъ, —
Чтобы въ полѣтъ свой прежній устремиться,
Напрасно всё — сосѣдъ едва тащится,
И Феба гордый конь былъ принуждѣнъ
Къ быку приноровиться!...
И наконецъ, упорствомъ истощѣнъ,
Конь благородный надорвался,

И, силы растерявъ свои,
Онъ о земь — и съ тоски валялся,
Вертясь, катаясь въ пыли.

«Проклятый звѣрь!» Гансъ съ гнѣвомъ закричалъ;
Бранилъ и подчивалъ кнутомъ его исправно.

«И къ пашнѣ ты негоденъ сталъ!

Ну, плутомъ продавцемъ обмануть же я славно!»

Пока, сердясь, Гансъ кнутомъ махалъ и билъ,

По улицѣ, въ то время, проходилъ

Проворный юноша, прекрасный, бѣлокурый;

По цитрѣ ударялъ онъ легкою рукой;

Кудрявились власы его прелестно,

Блестя подъ лентой золотой...

«Куда, дружокъ! ты съ парюю чудесной?»

Откупщику онъ издали кричалъ:

«Какъ въ упряжѣ одной быкъ съ птицею сошлись;

Такое диво кто видалъ?

Для опыта, пожалуй согласися,

Коня мнѣ ввѣрь хоть на четверть часа —

И посмотри — увидишь чудеса!»

И отпряженъ нашъ конь съ крылами;

Съ улыбкой на него молодой ѣздокъ взлетѣлъ;

Почуявъ ѣздока, конь вспрыгнулъ, захрапѣлъ

И удила грызеть, скрыпя зубами,

И прежними глаза зажглись огнями...

Ужъ онъ не то, что былъ:

Какъ царь, какъ духъ, онъ воспарилъ
И растилаяся, какъ тучи грозной бури,
Шумя простёръ полетъ свой къ небесамъ,
Не давши за собой послѣдовать очамъ,
И скрылся въ области лазури...

А. Глинка.

2.

ПЕГАСЪ ВЪ ЯРМѢ.

На ярмарку, незнаю гдѣ,
Но, помнится мнѣ, въ Праздникъ Спаса,
Поэтъ, въ отчаянной бѣдѣ,
Привелъ продать Пегаса.
И ржалъ и топалъ Гиппогрифъ,
И на дыбы красиво становился;
Вокругъ него народъ на перерывъ,
Со всѣхъ сторонъ, дивясь, толпился.
«Чудесный конь! кричали всѣ,
Невольно думаешь, показный!
Жаль, крылья не подъ стать красѣ,
Онъ на стройномъ — безобразны.
Пускай чрезъ нихъ легокъ онъ, какъ орёлъ,
Пусть и орла онъ оперѣдитъ,
Да кто съ ума сошёлъ,
И кто по воздуху поѣдетъ?
А даромъ деньги отдавать
Кому придетъ безумная охота?
Не всякой можетъ ихъ достать,
И то съ трудомъ и не безъ пота.»

Но наконецъ какой-то покупатель
Сталъ прицѣняться очень смѣло:
«Что-жь! крылья не бѣда; связаль или подстригъ,
Такъ лошадь и годится въ дѣло.»
Такъ разсудивъ, ни-какъ, ста два рублей
Онъ предложилъ поэту площадному,
А тотъ и по рукамъ скорѣй.
И Климъ съ конемъ поплелся къ дому.

Вотъ запрягли Пегаса въ возъ;
Но лишь почуялъ онъ позорную запряжку,
Какъ сталъ хлестать крылами на размахку,
Потомъ зартачился, зафыркалъ, вдругъ понесъ —
И съ быстрого разбѣга,
Въ глубокой ровъ обрушилась телѣга.
«Ну ладно-же!» подумалъ Климъ:
Постой, крылатая скотина!
Ужь выучу! не тѣмъ, такъ чѣмъ-нибудь другимъ.
Я завтра отвожу въ каретѣ господина,
Впрягу въ уносъ, а тамъ — тани хотя весь цугъ!
По мнѣ работай съ жару
Весь вѣкъ одна за пару;
А мало этого, такъ попадешь и въ плугъ, —
Проходятъ норовы съ годами, а не вдругъ.»

Сперва пошло на ладъ; рысь лошади крылатой
И клячамъ ходу придала;
Большой дорогою, вдоль гладкаго раската,
Летитъ карета, какъ стрѣла.

Но что-жь? — безъ навыка, уставъ стучать копытомъ
О камни на пути пробитомъ,
Свернулъ Пегасъ упорно съ колеи
И въ бѣшеной свободѣ,
Послушно выпрenneй породѣ
Взведя на верхъ глаза свои,
Онъ поскакалъ чрезъ горы и болота,
Чрезъ мхи, кусты, овраги и ручьи...
Смутила и другихъ ретивая охота —
За нимъ помчались буйно вскачь
Лѣнивыя досель и тощія семь клячь.
Теперь ни что имъ не помѣха,
Все путь — вода и косогоръ и лѣсъ;
Климъ держитъ и кричитъ, но нѣтъ ни въ чемъ
успѣха —
Такъ разбѣсилъ коней какой-то бѣсъ!
Пока натѣша колеръ вволю,
Побѣгавъ до-сыта по вспаханному полю,
Чрезъ всѣ препятствія вразрѣзъ,
Они взвезли разбитыя колеса
И, въ смятомъ кузовѣ, испуганныхъ господъ
Почти подъ самый небосводъ,
И стали на краю ужаснаго утеса.
«Нѣтъ, это не спроста!» наморща важно лобъ,
Вновь разсуждаетъ Климъ: «съ такой лихой собакой
Недолго угодить и въ гробъ.
Попробуемъ однако;
Быть можетъ, голодъ и соха
Немного прыти поубавятъ,

И присмирѣть тебя, проклятая, заставить, —
И будешь ты послушна и тиха.»

Испытано — и дня въ четыре
Помину даже нѣтъ о жирѣ,
Весь олимпійскій гость,
Какъ въ мѣхъ завернутая кость.
«Ага! теперь я сталъ умнѣе,
Ума попытка придала!
Давайте мнѣ живѣе
Дюжого, лучшаго вола!»
Такъ восклицаетъ Климъ съ улыбкой,
И, въ довершенъе мукъ,
Приготавливается конь Музъ живой и гибкой
Съ воломъ въ тяжелый плугъ.
Вотъ сдѣлано. Смѣшной четою
И подъ однимъ ярмомъ,
Идетъ крылатый конь съ воломъ,
Взрывая землю бороздою.
Но съ гордостью, собравъ остатокъ силъ,
Онъ вдругъ рванулъ, чтобъ улетѣть за тучи...
Не тутъ-то было! воля остановилъ —
И палъ на землю конь, доселѣ столь могучій.
Онъ бьется бѣшено, онъ стонетъ и храпитъ,
Надъ мордой паръ, глаза сверкаютъ;
Но гдѣ ярмо безсилъе тяготитъ,
Тамъ гнѣвъ и злость не помогаютъ.
«Отродье адское! негодно ты и тутъ!»
Взываетъ Климъ, Пегасомъ разъяренной:

«Знать обманулъ меня тобою плуть!»
И надъ спиною окрыленной
Взвился позорный кнутъ.

Еще не стихла ярость Клима,
Онъ все хлесталъ еще бичемъ,
Какъ вдругъ случайно шедшій мимо,
Веселый, съ радостнымъ лицомъ,
Сталъ юноша предъ нимъ. Въ рукахъ звучить гитара;
Въ очахъ небесный блескъ; шелкъ локоновъ до плечъ;
Онъ издали еще заводитъ съ Климомъ рѣчь:
«Что-за невиданная пара?
Крылатый конь и волъ!
Одинъ съ размаха,
Безъ робости и страха,
Способенъ взлетать на небо, какъ орелъ;
Другой опредѣленъ шагами мѣрять долъ,
Медлительно влачась, какъ черепаха!
Послушай, другъ,
Пахать на этой парѣ худо;
Оставь-же на минуту плугъ
И мнѣ довѣрь коня, такъ ты увидишь чудо.»

Вотъ, выпряженъ изъ плуга Гиппогрифъ,
Въ мигъ отряхнулся онъ отъ пыли,
И легкій юноша, проворно подскочивъ,
Сѣлъ на хребтѣ у самыхъ крылій.
Разумный конь, слыша сѣдока,
И ржетъ и буйно водить мордой,

И смѣло смотреть въ облака ,
И землю попираетъ гордо.
Огонь въ глазахъ, огонь въ движеньяхъ ногъ;
Не такъ, какъ прежде, нѣтъ, надмѣнно ,
Какъ нѣкой царь, какъ духъ, какъ полубогъ ,
Онъ выступаетъ ободренный;
И вотъ, роскошныя онъ крылья развернулъ ,
Повѣялъ вѣтеръ съ нихъ, какъ въ мигъ внезапной бури,
И Климъ — едва еще взглянулъ,
Какъ лошадь съ сѣдокомъ исчезнули въ лазури...

А. Мейснеръ.

VIII.

ПРОГУЛКА.

Здравствуй, гора моя, съ лучезарною алой вершиной!
Здравствуй, солнце , по ней теплый разлившее
свѣтъ!

Здравствуй, веселое поле, шелестящая липа,
Неумолкающій хоръ въ зелени гибкихъ вѣтвей!
Здравствуй и ты, синева, захватившая въ мирный свой
куполь

Темную сторону горъ, зеленѣющій лѣсъ,
И меня, который, бѣжавъ изъ комнаты душной
И отъ пошлыхъ рѣчей, ищетъ спасенья въ тебѣ...
Свѣжій твой воздухъ меня проникаетъ цѣлебной струею,
И мой жаждущій взоръ крѣпнетъ отъ сильныхъ
лучей.

На цвѣтущемъ лугу играютъ, переливаясь,

Краски, но пестротой не оскорбляется вкусъ.
Вольно лугъ разстилаеть ко мнѣ коверъ свой широкій,
Въ зелени яркой по немъ змѣйкой тропинка бѣжить;
Неусыпная пчелка жужжитъ за работой; качаясь
На дятлинѣ, повисъ слабымъ крыломъ мотылекъ.
Стрѣлы солнца пронзаютъ меня, не шелохнется вѣтеръ,
Только жавронка дробь въ воздухъ ясномъ кру-
жить...
Вотъ зашумѣло въ ближайшемъ кустѣ, нагнулись вер-
хушки
Ольхъ, и подъ вѣтромъ волной заходила трава.
Ароматная ночь объемлетъ меня, и въ прохладу
Подъ роскошный навѣсъ темные буки зовутъ.
Въ тайнѣ лѣса ландшафтъ на-минуту изъ глазъ
исчезаетъ,
А тропинка меня выше и выше ведетъ.
Лишь украдкою, сквозь густыя кружева листвы,
Пробивается свѣтъ и глядитъ синева...
Но внезапно распался покровъ, и прогалина лѣса
Возвращаетъ глазамъ ослѣпительный блескъ.
Безконечная даль открывается взору, и, въ дымкѣ
Испареній, горой замыкается міръ.
Глубокò, у подошвы горы, повисшей вершиной,
Катитъ зеленый ручей зыбкое зеркало водъ.
Безпредѣленъ вокругъ меня воздухъ: взглянешь на
небо —
Помутится въ глазахъ, взглянешь на бездну —
дрогнешь.
Но межъ вѣчною высотой и пропастью вѣчной

Путникъ спокойно идетъ безопасной стезей.

Улыбаясь бѣгутъ ко мнѣ берега, и долина

Въ пышномъ убранствѣ своемъ славить живи-
тельный трудъ.

Видишь тѣ полосы? Это межи земли селянина:

Что за дивный коверъ постланъ Церерой на нихъ!

Дружелюбный законъ, начертанный людямъ въ то
время,

Какъ на крыльяхъ любовь мѣднѣй покинула вѣкъ.

Но въ измѣренномъ полѣ, какъ прежде, змѣится до-
рожка,

То скрывается въ лѣсъ, то мелькая бѣжитъ

Въ гору, извилистый путь, связуя разъединенныхъ.

Внизъ по гладкой рѣкѣ тихо спустились плоты,
Колокольчики стада раздаются на тысячу тоновъ

И пастушій напѣвъ будить эхо вдали.

Сѣла вѣнчаютъ потокъ, то прячутся въ темный ку-
старникъ,

То съ откоса горы прямо надъ бездною глядятъ.

Здѣсь человѣкъ еще неразлучный сосѣдъ своей нивы,

Сельскую кровлю его окружаютъ поля,

Цѣпкой лозой виноградъ бѣжитъ по низкимъ окошкамъ

И древесная вѣтвь бѣдный шатеръ обняла.

Сельскій, счастливый народъ! Безъ лишнихъ заботъ и
стремленій,

Весело съ нивой своей дѣлишь ты скромный удѣлъ,

Всѣ желанья твои ограничены мирною жатвой,

И, какъ твой дневной трудъ, льется ровная
жизнь...

Кто-же вдругъ отъ глазъ моихъ отнимаетъ прелестный
Видъ?.. Невѣдомый духъ вѣетъ средь чуждыхъ
полей.

Все, что прежде мѣшалось любя, — распалось на
классы.

Тополей гордыхъ ряды въ стройномъ порядкѣ
идутъ.

Всюду правильность, всюду выборъ, всюду значенье:
Это служителей рядъ, далѣе — самъ властелинъ.

Издалёка вѣщаютъ о немъ купола золотые,
Изъ зародка-скалы башнями городъ растеть.

Въ глушь пустыни изгнаны изъ лѣсу бѣдные фавны;

Но рѣзецъ даровалъ камню лучшую жизнь.

Ближе сходится здѣсь человѣкъ съ человѣкомъ, тѣснѣе
Окружающій міръ, полнѣе міръ внутренний въ немъ.

Видишь, какъ въ огненной битвѣ калятся желѣзныя
силы,

Но чѣмъ больше ихъ споръ, тѣмъ крѣпче ихъ
будетъ союзъ.

Тысячу рукъ оживляетъ единый духъ, и высоко

Въ тысячѣ грудей кипитъ, бьется сердце одно, —
Бьется оно за отчизну, за обычаи предковъ,

Кости коихъ лежатъ въ этой безцѣнной землѣ.

Вотъ и боги сходятъ съ небесъ, водвориться въ жи-
лищахъ,

Приготовленныхъ имъ за священной чертой.

И съ какими дарами являются боги! Церера,

Первая, смертнымъ даритъ обвитый колосьями
плугъ,

Бахусъ — кисть винограда, Минерва — отростокъ
оливы,

Гермесъ якорь несетъ, Посидонъ коня осѣдлалъ,
И въ колесницѣ, на львахъ, гражданкой въѣзжаетъ
Цибелла,

Мать безсмертныхъ, въ черту гостепріимныхъ
воротъ.

О, благодатные камни, разсадникъ познаній! Отсюда
Послано сѣмя искусствъ дальнимъ морскимъ
островамъ;

Здѣсь, у этихъ воротъ, мудрецы возвѣщали законы,
Храбрые въ битву рвались за пенатовъ своихъ,
А толпы матерей, на персяхъ лелѣя младенцевъ,
Взоромъ слѣдили со стѣнъ за уходившимъ пол-
комъ,

И съ молитвой потомъ поверглись предъ алтарями;
Славы просили онѣ, побѣды, возврата мужьямъ...

Да! они побѣдили, но воротилась лишь слава;
Вѣщій камень хранитъ память о славныхъ дѣлахъ:
«Путникъ, если будешь ты въ Спартѣ, скажи, что
насъ видѣлъ:

Всѣ мы костями легли, какъ повелѣлъ намъ
законъ».

Почивайте, друзья! Напоенные вашею кровью,

Въ листьяхъ олива стоитъ, корни пускаетъ посѣвъ.
Радуюсь благамъ своимъ, цвѣтетъ ремесло на просторѣ;
Изъ ручья, въ камышѣ, синій киваетъ мнѣ богъ.
Свищетъ сѣкира, впиваяся въ дерево, стонетъ дріада,
И лѣсной великанъ громомъ валится съ горы.

Рычагомъ окрыленный, камень висить изъ утеса;
Въ темныя щели земли смѣлый нырнулъ рудокопъ;
Въ мѣрномъ паденьи стучить въ наковальню молотъ
циклоповъ,

И подъ сильной рукой сыплеть искрами сталь.
Пляшетъ веретено, тучнѣя льномъ золотистымъ,
Между нитей шумить быстрый челнокъ у ткача.
Лоцмана крикъ раздается на рейдѣ; суда то отходятъ
Къ чуждымъ предѣламъ, неся бремя туземныхъ
трудовъ;

То веселыя въ гавань стремятся съ дарами чужбины
И нарядный вѣнокъ вѣетъ на мачтѣ у нихъ.
Что за полная жизнь кипитъ на ликующихъ рынкахъ!
Что за смѣсь языковъ, изумляющихъ слухъ!
На подмости купецъ высыпаетъ земныя богатства:
Все, что почва родитъ подъ африканскимъ лучемъ,
Что вскипаетъ въ Аравіи, что Оуле производитъ —
Сыплеть все черезъ-край Амальея въ свой рогъ.
Здѣсь прелестныхъ дѣтей талантъ зараждаетъ отъ
счастья,

И любимцы боговъ, скоро искусства растутъ.
Подражательной жизнью радуется взоры художникъ:
Оживленный рѣзцомъ, камень сталъ говорить;
Рукотворное небо легло на стройныхъ колоннахъ,
Пантеонъ заключилъ въ стѣны свои весь Олимпъ.
Легкая, какъ Ирисы полетъ въ воздушномъ про-
странствѣ,

Какъ изъ лука стрѣла, арка летитъ надъ рѣкой.
А въ безмолвномъ пріютѣ, погружаясь въ размышленіе,

Чертить фигуры мудрецъ: онъ изслѣдуетъ духъ,
Силу матеріи, ненависть и любовь магнита,

Ловить въ воздухѣ звукъ, разлагаетъ лучи,

Въ ужасающемъ чудѣ случаевъ ищетъ закона,

И явленій хаосъ къ полюсу хочетъ привести.

Тѣломъ и словомъ письмо облакаетъ безгласныя мысли,

Говорящій листокъ ихъ относитъ вѣкамъ,

Изумленному взору срываетъ туманы съ неправды

И картины ночей вызываетъ на свѣтъ.

Рветъ оковы свои человѣкъ, счастливецъ! Но только

Съ узами страха, чтобъ онъ поводъ стыда не
порвалъ.

Воли, простора жаждетъ разсудокъ. Желанія дико,

Буйно рвутся, бѣгутъ отъ природы святой.

Ахъ! и въ бурѣ погибъ хранительный якорь, державшій

У побережья; пловца бѣшено волны несутъ

Въ безконечную даль; исчезнулъ изъ виду берегъ —

И безъ мачтъ на горахъ влаги качается челнъ.

За покровами тучъ погасли Медвѣдицы звѣзды,

Ни чего не осталось, всюду какой-то хаосъ...

Правда сбѣжала изъ разговора, вѣра и вѣрность

Скрылись изъ жизни, и ложь клятвой въ устахъ
говорить.

Въ тѣсныя связи сердецъ, въ любовныя тайны впу-
скаетъ

Жало свое Сикофонтъ, разрываетъ друзей.

Пожирающій взглядъ измѣна вперила въ невинность

И преступника зубъ укушеньемъ мертвить.

Въ груди растлѣнной продажныя мысли, и благородство

Не разыгранныхъ чувствъ бросила наша любовь.
Хитрый обманъ усвоилъ себѣ черты твои, правда!
У природы схватилъ лучшіе всѣ голоса.
На трибунѣ славится право, въ хатѣ согласье,
Возлѣ трона стоитъ привидѣнье-законъ.
Много лѣтъ и много столѣтій мумія длилась,
Ложнымъ ликомъ своимъ замѣнявшая жизнь...
Но проснулась природа, тяжелой, мѣдяной рукою
Двинула въ оставъ пустой нужду и время...
Тогда,
Дикой тигрицѣ подобно, которая клѣтку разрушивъ,
Вспоминаетъ просторъ нумидійскихъ лѣсовъ, —
Въ гнѣвѣ на скопище золъ встаетъ человѣкъ, и подъ
пепломъ
Города ищетъ опять онъ природы своей...
О, разамкнитесь же, стѣны, дайте плѣннику выходъ!
Онъ спасенъ и бѣжитъ въ лоно покинутыхъ
нивъ...
Нò гдѣ же я?... Невидно тропинки; ущелья, сдвигаясь
Предо мной и за мной, заслоняютъ мнѣ путь.
Сзади меня остались сады, кустовъ вереницы,
Скрылися всѣ слѣды человѣческихъ рукъ.
Лишь громады базальта, въ которыхъ почіетъ зародышъ
Жизни, дикія ждуть животворной руки.
Шумно стремится потокъ по ребрамъ утесовъ, и послѣ
Подъ корнями деревъ пробиваетъ свой путь.
Страшно, дико въ этой пустынѣ! Лишь одинокій,
Крылья раскинувъ, орелъ подъ облаками повисъ.
Ни одинъ вѣтерокъ не доноситъ ко мнѣ отголоска

Радостей или скорбей, наполняющихъ жизнь...
Но неужели одинъ я?... Нѣтъ, я съ тобою, природа,
Я на сердцѣ твоємъ: это былъ одинъ сонъ,
Страхомъ объявшій меня; съ мрачною жизни картиной;
Гдѣ въ долину обрывъ, рухнула греза моя.
На престолѣ твоємъ очищаются всѣ мои чувства,
И молодѣетъ мой духъ, полный веселыхъ надеждъ.
Воля вѣчно мѣняетъ проэкты и цѣли, дѣла же —
Повторенье одно: ходятъ вокругъ оси своей.
Но всегда молода, во всѣхъ красоты измѣненяхъ,
Цѣломудренно ты чтишь свой древній законъ.
Что довѣряетъ тебѣ младенецъ и отрокъ, всецѣло
Въ чистыхъ и вѣрныхъ рукахъ ты для мужа
хранишь,
Разные возрасты жизни кормишь ты грудью од-
ною...
Подъ одной синевою, все по той же травѣ
Бродятъ вмѣстѣ и близкіе намъ и дальніе роды:
Видишь, свѣтитъ и намъ солнце Гомеровыхъ дней.

И. Крешевъ.

IX.

ДѢТОУБІЙЦА.

Глухо звонъ завылъ у стѣнъ острога;
Ходъ оконченъ стрѣлкой часовой.
Все погибло, все... Во имя Бога,
Къ мѣсту казни, спутники, за мной!

*

Свѣтъ, прими мой даръ тебѣ кровавый ,
Жизнь мою, покрытую стыдомъ!
Сладки были мнѣ твои отравы,
Но и долгъ мой красенъ платежѣмъ.

Васъ не стало, радости земныя! —
Адской мукой вы замѣнены;
Васъ не стало, нѣги молодая
Свѣтлыхъ дней дѣвической весны.
Райскій сонъ на грѣшномъ этомъ свѣтѣ,
Неба дочь, мечта моя, прости!
Рано ты увяла въ первомъ цвѣтѣ,
Чтобы вѣчно снова не цвѣсти.

Году нѣтъ, какъ весь нарядъ мой бѣлый
Былъ обвить гирляндой изъ розъ,
Какъ бывало, съ утра, на день цѣлый,
Мнѣ вплетались розы въ пряди косъ.
Нынѣче вновь на скорбной жертвѣ ада
Тотъ же самый дѣвственный нарядъ;
Но на мѣстѣ розъ живого ряда,
Черныхъ лентъ нашить могильный рядъ.

Плачьте, плачьте о моемъ паденьѣ,
Вы, кто даръ невинности хранить ,
Вы, чья грудь, и въ пламенномъ волненьѣ,
Пыломъ страсти не до дна горить.
Я въ страстяхъ не помнила середины;
Въ нихъ за то и казнь мнѣ быть должна:

Ложью клятвъ коварнаго мужчины
Честь моя усыплена.

Можетъ быть, обманывая снова,
Близъ другой забылъ меня злодѣй;
Въ часъ, когда я умереть готова,
Можетъ быть, онъ льстиво шутить съ ней;
Можетъ быть, съ восторгомъ непритворнымъ,
Пить онъ будетъ нѣгу и любовь
Въ мигъ, когда подъ топоромъ позорнымъ
Я пролью страдальческую кровь.

Рѣбертъ! Рѣбертъ! не найдешь ты края,
Гдѣ бъ мой вопль тебя не провожалъ,
Гдѣ бы глухо колоколъ, стоная,
Злой души въ тебѣ не потрясалъ!
Если жъ ты, склонясь къ щекѣ румяной,
Будешь таять въ счастіи любви, —
О, тогда укоровъ адской раной
Это счастье самъ ты умертви!

Какъ, измѣнникъ! — ни боязнь проклятій,
Ни мой плачь, ни муки, ни мольбы,
Ни зачатъе бѣднаго дитяти,
Ни позоръ готовой намъ судьбы?...
Все презрѣлъ онъ съ гордостью жестокой;
Я за нимъ рвалась безумно въ слѣдъ:
Юнымъ жѣнамъ Франціи далѣкой
Онъ твердитъ лукавый свой обѣтъ.

Вотъ, дитя, въ святомъ его покоѣ,
Я, дрожа, держала на рукахъ;
Чистъ, какъ небо въ утро золотое,
Быль привѣтъ во всѣхъ его чертахъ.
Слаще ласкъ, но съ ядомъ угрызенья,
Мать плѣнялъ младенца кроткій ликъ;
Вдругъ свирѣпый пламень иступленья
Въ грудь, любовью полную, проникъ.

Гдѣ отецъ мой? спрашивалъ безгласно
Дѣтскихъ взоровъ громовой упрѣкъ;
Гдѣ супругъ твой? тяжело и ужасно
Вторилъ въ сердцѣ каждый уголокъ.
Чуждъ отцу, его ты тщетно станешь
Вѣкъ искать, безродный сирота;
Наша связь, когда ее вспомняешь,
Будетъ, сынъ, тобою проклята.

Мать тебѣ, клейменная порокомъ,
Въ цѣломъ свѣтѣ я теперь одна;
Жажду благъ въ томленьи одинокомъ, —
Что-жь?... вся жизнь тобой отравлена.
Да, дитя, твой голосъ колыбельныхъ
Скорбно будить чувства лѣтъ святыхъ;
Прямо въ грудь мнѣ бьётъ, какъ ножъ смертельный,
Блескъ улыбки дѣтскихъ глазъ твоихъ.

Смерть и адъ — съ тобою разставанье;
Смерть и адъ — и вмѣстѣ быть съ тобой;

Жжетъ меня сыновнихъ устъ лобзанье, —
Съ устъ отца мнѣ вѣяль рай земной.
Снова клятвы возстаютъ изъ гроба;
Вѣчно ихъ мнѣ слышать суждено, —
Вѣчно!... Тутъ мой умъ затмила злоба ...
И — убійство свершено.

Робертъ! Робертъ, всюду въ дольной жизни
Пусть твой сынъ преслѣдуетъ тебя,
Льдомъ объятій, громомъ укоризны
Всюду миръ души твоей губя;
Въ блескъ звѣздъ, въ ихъ трепетномъ мерцаньи
Ты встрѣчай предсмертный сына взглядъ;
Пусть тебя, въ кровавомъ одѣяньи,
Онъ отъ рая оттолкнетъ назадъ.

И дитя бездушное лежало;
Позднихъ слёзъ надъ нимъ я не лила;
Мнѣ казалось съ дѣтской кровью алой
Тихо въ вѣчность жизнь моя текла.
Страшно въ дверь стучится вѣстникъ казни,
Но въ груди моей страшнѣе стукъ;
Въ домъ подземный рвусь я безъ боязни —
Тамъ угаснетъ пламенный недугъ.

Робертъ! Богъ на небесахъ прощаетъ;
Дочь грѣха, я здѣсь тебя прощу;
Пусть огонь земной раздоръ кончаетъ..
Злу же я — молитвой отомщу...

Слава Богу! письма перетлѣли;
Клятвы въ пепель пламень превратилъ;
Ласки въ воздухъ съ дымомъ улетѣли —
Все прошло, чѣмъ свѣтъ былъ прежде милъ.

Нѣтъ не вѣрьте, ни мужчинъ обѣту,
Ни любви мечтательному сну;
Жертва ихъ, ложась на плаху эту,
Сестры, здѣсь я снова ихъ клянупу.
Слезы! — какъ? и ты роняешь слёзы?
Гдѣ повязка? — страшенъ этотъ плачъ!
Что-жь? — зачѣмъ не срѣзать смятой розы? —
Не дрожи! смѣлѣй палачъ!

А. Мейснеръ.

Х.

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГЪ.

«Сладко мнѣ твоей сестрою,

«Милый рыцарь, быть;

«Но любовію иною

«Не могу любить:

«При разлукѣ, при свиданьѣ

«Сердце въ тишинѣ —

«И любви твоей страданье

«Непонятно мнѣ.»

Онъ глядитъ съ нѣмой печалью —

Участь рѣшена;

Руку сжалъ ей; крѣпкой сталью
Грудь обложена;
Звонкій рогъ созвалъ дружину;
Всѣ ужъ на коняхъ;
И помчались въ Палестину,
Крестъ на раменахъ.

Ужъ въ толпѣ враговъ сверкаютъ
Грозно шлемы ихъ;
Ужъ отвагой изумляютъ
Чуждыхъ и своихъ.
Тогенбургъ лишь выйдетъ къ бою:
Сарацинъ бѣжитъ...
Но душа въ немъ все тоскою
Прежнюю болить.

Годъ прошелъ безъ утolenья...
Нѣтъ ужъ силъ страдать;
Не найти ему забвенья —
И покинулъ рать.
Зритъ корабль — шумятъ вѣтрилы,
Бьетъ въ корму волна —
Сѣлъ и поплылъ въ край тотъ милый,
Гдѣ цвѣтетъ она.

Но стучится къ ней напрасно
Въ двери пилигримъ;
Ахъ, онъ съ молвой ужасной
Отперлись предъ нимъ:

«Узы вѣчнаго обѣта
«Приняла она;
«И, погибшая для свѣта,
«Богу отдана.»

Пышны праотцовъ палаты
Бросить онъ спѣшитъ;
На всегда покинулъ латы;
Конь навѣкъ забыть;
Власяной покрыть одеждой,
Инокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Неукрашенный надеждой,
Онъ оставилъ свѣтъ.

И въ убогой кельѣ скрылся
Близъ долины той,
Гдѣ межъ темныхъ липъ свѣтился
Монастырь святой:
Тамъ — сіяло ль утро ясно,
Вечеръ ли темнѣлъ —
Въ ожиданьи, съ мукой страстной,
Онъ одинъ сидѣлъ.

И душѣ его унылой
Счастье тамъ одно:
Дождаться, чтобъ у милой
Стукнуло окно;
Чтобъ прекрасная явилась,
Чтобъ отъ вышины

Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангелъ тишины.

И дождавшись, на ложе
Простирался онъ;
И надежда: завтра тоже!
Услаждала сонъ.

Время годы уводило...
Для него-жь одно:
Ждать, какъ ждалъ онъ, чтобъ у милой
Стукнуло окно;

Чтобъ прекрасная явилась;
Чтобъ отъ вышины
Въ тихій долъ лицомъ склонилась,
Ангелъ тишины.

Разъ — туманно утро было —
Мертвъ онъ тамъ сидѣлъ,
Блѣденъ ликомъ, и уныло
На окно глядѣлъ.

В. Жуковскій.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОБЩАЯ СБОРКА

Старою, искаженною, твоей обреченной,
Твоей плечу, на котором ты сидишь,
Вреду, и боль, и тоску, и печаль, и слезы,
Но я люблю, и я люблю, и я люблю,
И я люблю, и я люблю, и я люблю,
И я люблю, и я люблю, и я люблю.

Но бѣда, что — я не знаю,
Ты же, я, и ты, и ты, и ты,
Самая, самая, самая, самая,
И ты, и ты, и ты, и ты,
Ты, и ты, и ты, и ты,
Нераскрытый, твой, твой, твой.

АНТОЛОГИЯ РЕЗЕРВНОГО

ОБЪЕМА

Старая книга — это книга, которая
уже не читается, а только
хранится. Она не имеет
никакой ценности, кроме
той, которую она имеет
как памятник. Она не
может быть использована
для чего-либо, кроме
того, чтобы показать, что
она была.

Но это не так. Это книга, которая
уже не читается, а только
хранится. Она не имеет
никакой ценности, кроме
той, которую она имеет
как памятник. Она не
может быть использована
для чего-либо, кроме
того, чтобы показать, что
она была.

I.

1.

ОРЛЕАНСКОЙ ДѢВЫ.

Стараясь исказить твой образъ благородный,
Тебя насмѣшка въ грязь хотѣла затоптать;
Враждуя цѣлый вѣкъ съ прекраснымъ, умъ холодный
Не вѣрить ни въ добро, ни въ Божью благодать,
Ни въ ангеловъ святыхъ, и, полный святотатства,
Стремится у души украсть ея богатства.

Но бѣдное дитя — поэзія святая,
Такая-жъ скромная пастушка, какъ и ты,
Священные права заслугъ возвращая,
Взнесла тебя къ звѣздамъ на крыліяхъ мечты.
Ты сѣдана душой — и, окруженный славой,
Переживетъ вѣка твой образъ величавой.

Міръ любить помрачать невѣріемъ холоднымъ
Все то, что высоко, что блещетъ и горитъ;
Но есть еще сердца съ стремленьемъ благороднымъ
И съ вѣрою во всё, что сердцу говоритъ.
Пускай клеветаетъ Момъ и тѣшитъ вкусъ народный:
Лишь благородный умъ чтить образъ благородный!

Н. Гербель.

2.

ОРЛЕАНСКОЙ ДѢВѢ.

Ругаясь роду смертныхъ, умъ лукавый
Тебя по праху съ хохотомъ влачилъ;
Со всѣмъ возвышеннымъ въ войнѣ кровавой,
Онъ не постигнетъ вѣкъ незримыхъ силъ;
Отвергнувъ Бога, полный святотатства,
Онъ душу-бы лишилъ ея богатства!

Но нѣтъ! — поэзія, дитя смиренья
(Какъ ты, она подруга пастуховъ),
Тебя исхитила изъ посрамленья,
Съ тобой взлетѣла выше облаковъ;
Вновь сердцемъ создана, въ вѣнцѣ нетлѣнномъ,
Блистай, живи въ потомствѣ отдаленномъ!

Міръ посрамляетъ всякое сіянье,
Смѣется нагло всякой высотѣ;
Но не исчезнуть вѣра, упованье,
Любовь къ безсмертной, чистой красотѣ!

Пусть Момъ безстыдный тѣшитъ сонмъ народный:
Ихъ буйство презритъ разумъ благородный!

— *** —

II.

1.

РЫЦАРИ СВ. ІОАННА.

Славны вы были въ своихъ грозныхъ, крестовыхъ до-
спѣхахъ.

Акру спасая, Родось, въ битвахъ дрались вы,
какъ львы,

Въ знойныхъ сирійскихъ степяхъ странниковъ робкихъ
водили,

И съ херувимскимъ мечемъ гробъ сторожили
святой.

Но сердобольный хитонъ васъ изукрасилъ пышнѣе:

Родъ знаменитый забывъ, лвиную храбрость въ
бояхъ,

Рабски служили больнымъ, сосудъ подавали цѣлебный;

Ради Христовой любви — славенъ и низкій былъ
долгъ.

Вѣра Христа! ты одна духомъ своимъ съединяешь

Силу съ смиреньемъ души въ пальмѣ священной
одной.

А. Глинка.

2.

КРЕСТОНОСЦЫ.

О, какъ вы были прекрасны, воины рати Христовой,
Во всеоружьи креста, въ битвахъ немейскіе львы.
Вы, проходившіе нѣкогда Сиріи знойныя степи,
И на божественный Гробъ свой опускавшіе мечъ.
Трижды честь вамъ и слава, воины Гроба Господня,
Иноки въ рясѣ простой, съ чашей цѣлебной въ
рукѣ!
Вы, подававшіе нѣкогда помощь болящему брату,
Свято свершая надъ нимъ кровнаго братства
завѣтъ:

Ты только, вѣра Христова, въ единомъ вѣнцѣ сочетала
Силы, добра и любви трижды прекрасный союзъ!

А. Струговщиковъ.

III.

АНТИКИ — СЪВЕРНОМУ СТРАННИКУ.

Много ты рѣкъ перешёлъ и морей переплылъ отдаленныхъ;
Ты чрезъ альпійскіе льды смѣло свой путь
проложилъ,
Чтобъ на меня посмотрѣть и моей красотѣ подивиться,
Той, о которой гремитъ славой всемірной молва;
Вотъ — ты стоишь предо мною и можешь коснуться
святини:

Ближе ли ты мнѣ теперь? ближели сталъ я тебѣ?

Ф. Миллеръ.

IV.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЪ.

Вотъ та часовня, гдѣ ежегодно свершаютъ поминки,
Гдѣ панихиду поютъ Теллевой грѣшной душѣ;
Но долговѣчнѣй часовни живое преданье воздвигло
Памятникъ вѣчный ему. Видишь ли — правой
 ногой

Онъ ужъ коснулся утеса; лѣвой упругая сила
Вспять обратила ладью. Вотъ онъ, во всей кра-
сотѣ ,

Мужъ , совершившій въ ночи подвигъ спасительной
мести!

Что же его воплотило? мраморъ, гранить иль
металль?

Нѣтъ, не рука челоуѣка образъ его изваяла,
Призракъ безплотный героя созданъ безплотной
рукой:

Чѣмъ громоноснѣе тучи, чѣмъ свирѣпѣй непогода,
Тѣмъ лучезарнѣе онъ блещетъ во мракѣ ночномъ!

А. Струговщиковъ.

V.

ПРИТЧИ И ЗАГАДКИ.

I.

Надъ сѣрой бездною, высоко
Устроень мостъ изъ жемчуга;
Взвилась до тучъ, въ мгновенье ока,
Его красивая дуга.

Подъ нею, съ мачтами, свободно
Вездѣ проходятъ корабли;
Но верхъ дуги безпереходной
Не носить тяжестей земли.

Тотъ мостъ, являясь вдругъ съ потокомъ,
Стоитъ пока потокъ не слилъ:
Гдѣ-жъ онъ? въ какомъ краю далёкомъ?
И кто его соорудилъ?

II.

Она ведетъ тебя далёко,
Сама-же съ мѣста никуда;
Для ней и небо не высоко,
Ей путь и воздухъ и вода.
Она какой-то челнъ летучій,
Хотя ей крыльевъ не дано;
Нести чрезъ море, мчатъ за тучи,
Мчатъ по землѣ — ей все-равно.
Пространства нѣтъ во всей вселенной,
Куда-бъ ты съ нею не достигъ,
И всюду путь свой вдохновенной
Она въ одинъ свершаетъ мигъ.

III.

Гуляютъ овцы по пустынѣ
Руномъ все, бѣлая, какъ снѣгъ;
И тамъ же, гдѣ ихъ видятъ нынѣ,
Всегда ихъ видѣлъ человѣкъ.

Онъ съ годами не старѣютъ,
Все будто въ возрастѣ одномъ;
И пастуха онъ имѣютъ —
Красавецъ-писанный съ рожкомъ.

Онъ отъ востока ихъ гоняетъ,
Онъ ихъ обходитъ по ночамъ,
И ни одной онъ, не теряетъ
Хоть счета нѣтъ его овцамъ.

К чему имъ счетъ? считать не надо,
И счесть нельзя, какъ ходить слухъ ..
Скажи, какое это стадо?
И назови мнѣ, кто пастухъ?

IV.

Стоитъ величественный домъ
На скрытомъ основаньи;
Но навсегда остаться въ немъ
Нельзя, при всемъ желаньи.
По непостижнымъ чертежамъ
Исполнено строенье;
Въ немъ свѣточъ вспыхиваетъ самъ —
И ярко освѣщенье;
Покрѣтитъ весь домъ тотъ бирюзой,
Опалами и прочимъ;
Но незнакомъ никто земной
Съ его великимъ зодчимъ.

V.

Есть колодець; ходять дивно
Въ томъ колодцѣ два ведра;
Ихъ движеніе непрерывно,
Нынѣче, такъ-же, какъ вчера.
Ни мгновенія въ покоѣ
Не пробудеть ни одно;
Это вверхъ идетъ, — другое
Опускается на дно.
Оба разомъ влагой чудной
Насъ не могутъ услаждать:
Неужель еще вамъ трудно
Эти ведра мнѣ назвать?

VI.

Скажи, знакомъ ли ты съ картиною прекрасной? —
Даетъ сама себѣ и свѣтъ и блескъ она;
Перемѣняется въ тревогѣ повсечасной,
Но все свѣжа, цѣла и прелести полна.
Пространство тѣсное въ себѣ ее вмѣщаетъ
И рамка малая живую обняла;
Но все великое, что духъ твой восхищаетъ,
Твоимъ понятіямъ она передала.

Извѣстенъ ли тебѣ кристалль красы чудесной? —
Свѣтлѣй алмаза онъ, и нѣтъ ему цѣны;
Онъ блещетъ, но не жжетъ, и съ ясностью небесной
Земля и цѣлый міръ на немъ отражены!

На зеркалахъ его разсыпчато сверкаетъ
Янтарный солнца лучъ трепещущимъ огнемъ;
Но то, что самъ собой кристалль тотъ выражаетъ —
Прекраснѣе всего, что отразилось въ немъ.

VII.

Издrevле выстроено зданье;
Оно не храмъ, оно не домъ;
Въ сто дней его, гласить сказанье,
Ты не объѣхалъ бы кругомъ.

Прошли столѣтья, годъ за годомъ,
А перемѣны все въ немъ нѣтъ;
Оно стоитъ подъ небосводомъ,
Смѣясь презрительно имъ въ слѣдъ.

Вершиной — тучъ, подошвой — моря
Почти касается оно,
И такъ покоится; нѣтъ горя, —
Хоть въ зной, хоть въ стужу — все равно.

Оно не прихоти надменной
И не тщеславья праздный плодъ;
Въ немъ польза есть: въ грозѣ военной
Имъ охраняется народъ.

Ищи подобнаго по свѣту —
Нигдѣ не сыщешь въ цѣлый вѣкъ;

А между тѣмъ громаду эту
Воздвигнулъ бранный челоуѣкъ.

VIII.

Змѣй никто нигдѣ не хвалить;
Но на свѣтѣ есть одна —
Всѣхъ лютѣй, всѣхъ пуще жалить,
Всѣхъ опаснѣе она.

Не земля отчизна этой —
Съ трескомъ жалящей змѣи;
Дальше гдѣ-то, выше гдѣ-то
Есть у ней страны свои.

Ядъ она всегда сливается
Съ токомъ яраго огня;
Бдетъ всадникъ — поражаетъ
Вдругъ со всадникомъ коня.

Нѣтъ вамъ въ панцырѣ защиты;
Тщетны своды и замокъ:
Всѣ препоны вмигъ разбиты,
Все пронзаетъ жгучій токъ.

Вашъ металлъ змѣѣ не страшенъ;
Башня въ сводахъ — не страшна;
Любить сталь и шпицы башенъ
Больше прочаго она.

Мнетъ деревья, какъ соломѣ;
Рветъ чугуны и плавить мѣдь;
Чуть коснулася, хотъ къ дому —
Надо рухнуть иль горѣть.

Но, какъ скоро, въ гнѣвѣ злобномъ,
Жертва ея сражена —
Въ мигъ, въ огнѣ своеутробномъ,
Жизнь кончаетъ и она.

IX.

Семь братьевъ насъ; мы всѣ на свѣтѣ
Отъ удивительной четы,
И по особенной примѣтѣ
Легко ее узнаешь ты.

Отецъ нашъ бѣлъ и съ блескомъ даже,
А мать безъ лоску и черна;
Онъ вѣчно радостенъ, она-же
Всегда уныла и томна.

Они насъ щедро надѣлили
Изъ достоянья своего:
Отъ ней мы нѣжность получили,
А блескъ веселый отъ него.

Богаты этими дарами
И въ мѣру ихъ употреба,

Различныхъ видовъ красотами
Увеселяемъ мы тебя.

Не любимъ мы ни мглы, ни мрака;
Вездѣ намъ нужны день и свѣтъ;
Хотя бездушны мы, однако
Ни въ чемъ безъ насъ и жизни нѣтъ.

Безъ насъ печально было-бъ лѣто
И вовсе не было-бъ весны;
Земля, весь міръ — не только это —
Черезъ насъ однихъ оживлены.

Х.

Я не въ большомъ теперь почётѣ,
Хотя въ почётѣ былъ я встарь,
Хотя со мною на работѣ
Бывалъ великій государь.

По многимъ свойствамъ, я, конечно,
Уподобляюся мечу;
Но такъ, какъ онъ, безчеловѣчно
Земли я кровью не мочу.

Я рѣжу сплошь, не убивая;
Гдѣ раню я — не станетъ ныть;
И, никого не разоряя,
Могу я всѣхъ обогатить.

Державы древле жили мною,
И строилъ я въ нихъ города;
Но войнъ, съ кровавой ихъ враждою,
Не возжигалъ я никогда.

Въ мое владычество надъ краемъ
Онъ хорошѣетъ каждый годъ;
Гдѣ я народомъ уважаемъ,
Тамъ благоденствуетъ народъ.

XI.

Я въ каменномъ домѣ незримо живу
И сплю въ бззмятежномъ покоѣ;
Но я не могу не предстать на яву,
Заслыша орудье стальное.
Сперва я чуть видимъ, безсиленъ и малъ,
Дыханье твое мнѣ опасно;
Довольно дожинки — я въ мигъ и пропалъ,
Но въ сушѣ расту я ужасно:
Когда же со мною мой братъ заодно —
Весь міръ мнѣ тогда устрашать суждено.

XII.

Всегда впередъ и безъ оглядки,
Вдвоемъ, мы ходимъ вкругъ площадки,
И мѣряемъ; но какъ повѣрить,
Что безъ конца должны мы мѣрить.
Когда-бы крылья мы имѣли
И вѣчно, какъ стрѣла, летѣли,

Не отдыхая ни мгновенья —
Намъ все-бъ не кончить измѣренья.

XIII.

Я птица, и полѣтъ мой полный
Поспорить въ скорости съ орломъ;
Я рыба, но, круша и волны,
Стыжусь ровнять себя съ китомъ.
Я слонъ, и мой хребетъ могучій
Подобный башнямъ носить вьюкъ;
Расправлю члены — и ползучій
Со мною сходствуетъ паукъ.
Когда жъ зубами я вопьюся
Въ твою подошву, океанъ,
Я влаги бѣшенству смѣюся
И презираю ураганъ.

А. Мейснеръ.

VI.

ДВѢ ДОРОГИ ЖИЗНИ.

Есть два пути, по которымъ идетъ къ добродѣтели
смертный, —
Скрылся внезапно одинъ — тотчасъ другой предъ
тобой:
Дѣломъ ея достигаетъ счастливый, несчастный —
терпѣньемъ.
Благо тому, кого рокъ къ ней по обоимъ ведетъ!

Ф. Миллеръ.

VII.

МОЛОДОМУ ДРУГУ, ПРИСТУПАЮЩЕМУ КЪ ФИЛОСОФІИ.

Многимъ и труднымъ искусамъ юноша-грекъ подвергался,

И, ужь испытанный въ нихъ, въ домъ елевзинскій входилъ.

Ты же готовъ ли, скажи, войти въ тотъ храмъ заповѣднѣй,

Гдѣ подозрительный кладъ строго Аѳина хранить.

Или ты знаешь что ждетъ тебя тамъ? за что ты такъ платишь?

Что неизвѣстное благо ты купишь извѣстнымъ добромъ?

Въ силахъ ли въ бой ты вступить, въ бой изъ трудныхъ труднѣйшій,

Гдѣ враждуетъ мысль съ чувствомъ, враждуетъ сердце съ умомъ?

Будешь ли смѣло душить сомнѣнья безсмертную гидру,

И со врагомъ въ тебѣ сущимъ вступишь ли въ битву, какъ мужъ?

Съ окомъ бодрымъ и здравымъ, съ сердцемъ небесно-невинымъ

Маску сорвешь ли съ обмана, коль правдой прикинется онъ?

Прочь же, пока не обрѣлъ ты вожатая въ собственномъ сердцѣ.

Прочь отъ манящаго брега, иль бездна поглотитъ тебя!

Многіе къ свѣту стремились и въ горшую ночь лишь
упали;

Только дѣтство туда твердо идѣтъ на зарѣ.

М. Достоевскій.

VIII.

1.

ПОЧЕСТИ.

Солнца лучи полосою когда озарятся въ потокѣ,
Ярко, какъ будто огонь, блещетъ, катясь, волна.
Скоро уносить её изъ-подъ свѣтлыхъ лучей быстриною;
Слѣдомъ другая за ней мчится въ сіяньи протечъ.
Смертные почестей въ блескѣ не такъ-ли, какъ волны
сіяютъ?

Блещетъ не самъ человѣкъ — мѣсто лишь, гдѣ
протекалъ.

К. Масальскій.

2.

ПОЧЕСТИ.

Солнечный лучъ полосой отразился въ прозрачномъ
потокѣ,
Ярко подъ нимъ, будто собственнымъ блескомъ, волна
загорѣлась;
Но — вотъ теченье уносить волну — а подъ полосу
свѣта,
Слѣдомъ за нею, на смѣну, ужь быстро стремится
другая.

Такъ озаряють и почести блескомъ своимъ человека:
Блещетъ не самъ онъ — а имъ проходимое мѣсто.

Н. Гербель.

IX.

НѢМЕЦКОЙ МУЗѢ.

Не Августъ щедрою рукою,
Не Медичи своею казною
Тебя взростили съ юныхъ дней;
Ни чьихъ переднихъ ты не знала,
И своего цвѣтка не распускала
Подъ солнцемъ милости князей.
И даже первый сынъ отчизны,
Великій Фридрихъ съ укоризной
Тебя отъ трона удалилъ.
Вотъ потому-то гордо, громко
Укажетъ нѣмецъ своему потомку
На то, что самъ онъ совершилъ;
Вотъ потому-то такъ высоко,
Такъ смѣло, твердо и широко
Нѣмецкихъ бардовъ льется рѣчь,
И полнясь собственнымъ напоромъ,
Звуча насилью праведнымъ укоромъ,
Безъ тѣсныхъ правилъ можетъ течь!

М. Достоевскій.

X.

ШИРИНА И ГЛУБИНА.

Все видѣлъ, извѣдалъ, все знаетъ иной,
На все отвѣчаетъ онъ смѣло;
Идетъ онъ открытой, широкой стезёй,
И нѣтъ его ходу предѣла;
Послушаешь — всѣ онъ задачи рѣшилъ;
Будто отъ древа познанья вкусилъ.

Оглянется онъ, отживая свой вѣкъ, —
За нимъ не остаётся и слѣду...
Посѣять-ли доброе мнить человѣкъ,
Надъ зломъ одержать ли побѣду —
Глашатай невѣдомый, вмаля большой,
Святель движется къ цѣли святой.

Роскошно нагнулася пихта къ рѣкѣ,
Высоко серебряный тополь встаетъ,
Красуется стройная ель вдалекѣ, —
Но въ чѣмъ же ихъ сила и гдѣ же ихъ плодъ?
Въ скорлупку кедровую скрыла любовь
Будущій образъ любимца лѣсовъ.

А. Струговщиковъ.

XI.

МОГУЩЕСТВО ЖЕНЩИНЪ.

Женщина, ты всемогуща присутствія тихою властью:
Гдѣ тишина не сильна, громы безсильны всегда.

Силы я жду отъ мужчины — да твердость закона
блюдетъ онъ;

Прелестью только одной женщина въ жизни сильна.

Многія, правда, блистали могуществомъ мысли и дѣла;

Но тогда лучшій вѣнокъ не украшалъ ихъ чела.

Вѣчно будетъ царицей лишь женщины женская прелесть:

Гдѣ появилась — царить, а царить отъ того, что
явилась!

М. Достоевскій.

XII.

ЗАМѢТКИ.

I.

КЪ *

Знанья свои сообщи мнѣ: я буду тебѣ благодаренъ.

Но предлагаешь ты мнѣ самаго себя... нѣтъ, другъ
уволь!

Л. Мей.

II

КЪ ***

Будь мнѣ учителемъ, другъ мой! ученость твоя животворна;

Слово твое, научая, живительно трогаетъ сердце.

Н. Гербель.

III.

НЫНѢШНЕЕ ПОКОЛѢНІЕ.

1.

Такъ ли бывало всегда, какъ теперь? — Родъ людей непонятный!

Только лишь старость юна; юность же, ахъ, какъ стара

М. Дмитріевъ.

2.

Было ль всегда, какъ теперь? — Люди! я васъ не постигну:

Вижу, что старость юна; нò, ахъ, — и юность стара!

Ф. Миллеръ.

IV.

КЪ МУЗѢ.

1.

Чѣмъ бы я былъ безъ тебя — я не знаю, но грустно мнѣ видѣть,

Чѣмъ безъ тебя столько сотенъ и тысячъ бываетъ.

Л. Мей.

2.

Что бы я былъ безъ тебя — я не знаю; но только мнѣ страшно

Видѣть, что безъ тебя — сотни и сотни людей.

М. Дмитріевъ.

3.

Что бы я былъ безъ тебя — я не знаю; но страшно,
какъ взглянешь,

Что безъ тебя этотъ рой сотенъ и тысячъ людей.

М. Михайловъ.

V.

УЧЕНЫЙ РАБОТНИКЪ.

Не усладить ни когда его плодъ имъ взрощённыхъ
деревьевъ.

Вкусъ наслаждается тѣмъ, что насадила ученость.

М. Михайловъ.

VI.

ДОЛГЪ КАЖДАГО.

Къ цѣлому вѣчно стремясь, ты не можешь быть цѣ-
лымъ;

Но въ безконечной цѣпи будь хоть малѣйшимъ
звеномъ.

М. Михайловъ.

VII.

ЗАДАЧА.

1.

Каждый будь равенъ другому; но высшему каждый по-
добенъ!

Какъ же достигнуть того? — Всякъ будь въ
себѣ совершенъ.

М. Дмитріевъ.

2.

Каждый будь тѣмъ, что онъ есть, и каждый Творцу
будь подобенъ :

Онъ себѣ вѣренъ, и ты только будь вѣренъ себѣ.

А. Струговщиковъ.

VIII.

ИДЕАЛЪ.

1.

Общее всѣмъ, что ты мыслишь; твое лишь, что чув-
ствуешь въ сердцѣ!

Дабы и Богъ былъ твоимъ, чувствуй, чѣмъ мы-
слить о Немъ.

М. Дмитриевъ.

2.

Мысль твоя *всѣхъ* достоянье; *твое* достояніе —
чувство:

Чувствуй же въ сердцѣ Того, о которомъ ты мыслишь.

Л. Мей.

IX.

МИСТИКАМЪ.

1.

Есть одна вѣчная тайна: у всѣхъ насъ она предъ
глазами;

Все наполняетъ она, но ни кто не видалъ этой тайны.

Л. Мей.

2.

Тайна поистинѣ то, — что у всѣхъ предъ глазами,
Что окружаетъ всѣхъ насъ; только не видимо
вамъ.

М. Дмитріевъ.

X.

К Л Ю Ч Ъ.

1.

Хочешь узнать ты себя? — смотри на людей и учися!
Хочешь людей ты узнать? — въ сердце свое
загляни.

Ө. Миллеръ.

2.

Хочешь себя изучить? — другихъ изучай непрестанно!
Хочешь другихъ понимать? — въ сердце свое
загляни.

А. Струговщиковъ.

XI.

П О Р И Ц А Т Е Л Ъ.

1.

Строго, какъ совѣсть моя, замѣчаешь во мнѣ ты
ошибки;
Я вѣдь за то и люблю, также, какъ совѣсть,
тебя!

М. Дмитріевъ.

2.

Строго, какъ совѣсти гласъ, ты судишь мои начинанья:
Вотъ почему, я тебя, друга, какъ совѣсть,
люблю.

А. Струговщиковъ.

ХІІ.

УМЪ И МУДРОСТЬ.

Хочешь ли ты переплыть мудрости море далекое? —
На посмѣянье ума смѣло себя обреки:
Онъ, близорукій, видитъ лишь берегъ, тобою оста-
вленный,
Онъ же не видитъ того, гдѣ тебя встрѣтитъ
успѣхъ.

А. Струговщиковъ.

ХІІІ.

СОГЛАСІЕ.

1.

Истины ищемъ мы оба: ты — въ жизни, я — въ
сердцѣ.

Оба найдемъ мы её:
Здравое око увидитъ Создателя въ мірѣ,
Здравое сердце въ себѣ
Міръ отразитъ.

М. Михайловъ.

2.

Истины оба мы ищемъ: ты ее ищешь въ природѣ,
Я ее въ сердцѣ ищу. Къ цѣли одной мы придемъ:
Если здоровы глаза, Бога въ природѣ ты встрѣтишь;
Ежели сердцемъ здоровъ, въ сердцѣ его обрѣтешь.

А. Струговщиковъ.

3.

Оба мы истины ищемъ — ты въ жизни, я въ сердцѣ.
Оба её мы найдемъ, и найдемъ непременно:
Здоровое око Создателя всюду увидитъ,
Здоровое сердце въ себѣ Божій міръ отразитъ.

Л. Мей.

XIV.

ИСПРАВИТЕЛЮ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

«Жертвовалъ всѣмъ я», ты говоришь, »человѣчества
благу!

«Тщетенъ и горекъ былъ плодъ: ненависть мздой
мнѣ была!»

Другъ! сказать ли мнѣ, какъ съ человѣчествомъ я
поступаю?

Этому правилу вѣрь: не былъ обманутъ я имъ!
Мысль «человѣчество», эту высокую мысль, беско-
мнѣнья,

Какъ сохраняешь въ груди, такъ выражай и въ
дѣлахъ!

И человѣку, котораго встрѣтишь въ ущеліяхъ жизни,

Дружески, если нужна, помощи руку подай!
Но о дождѣ и росѣ, и о благѣ всѣхъ человѣковъ —
Небу пещись предоставь, нынѣшій день, какъ
вчера!

М. Дмитріевъ.

XV.

ВНУТРЕННЕЕ И ВНѢШНЕЕ.

1.

«Богъ только видитъ въ насъ сердце!» Одинъ только
Онъ его видитъ, —
Такъ покажи же ты что нибудь сносное также и намъ.

Л. Мей.

2.

«Сердце видитъ лишь Богъ!» — За тѣмъ-то, что
сердце Богъ видитъ,
Ты и старайся, чтобъ быть сноснымъ хоть
сколько нибудь.

М. Дмитріевъ.

XVI.

ДРУГЪ И ВРАГЪ.

Дорогъ мнѣ другъ; но и врагъ мнѣ полезенъ: одинъ
подаетъ мнѣ
Добрый совѣтъ, а другой мнѣ указываетъ мой
долгъ.

Ф. Миллеръ.

2.

Часто полезенъ и врагъ: чего въ себѣ сами не видимъ,
Онъ подмѣчаетъ и тѣмъ насъ же наводитъ на
слѣдъ.

А. Струговщиковъ.

XVII.

СВѢТЪ И ЦВѢТЬ.

Вѣчно-единый, останься при вѣчно-единомъ!
Ты, переменчивый цвѣтъ, къ бѣднымъ людямъ
сойди.

Л. Мей.

XVIII.

ТРИ ВОЗРАСТА ПРИРОДЫ.

Басня ей жизнь придала, наука въ душѣ отказала;
Творчество снова ей душу и жизнь отдаетъ.

Л. Мей.

XIX.

РѢДКОЕ СОЧЕТАНІЕ.

Что за причина, что геній сходится рѣдко со вку-
сомъ? —
Этотъ не любить вожжей, силы боится другой.

А. Струговщиковъ.

XX.

БЕЗУКОРИЗНЕННОСТЬ.

Самый низкій удѣлъ и высокій — внѣ порицанья:
Внѣ его могутъ ничтожество, или величіе стать.

Я. Полонскій.

XXI.

ТАЙНА.

Чѣмъ отличается мастеръ? въ чемъ его тайна и сила?
Молча онъ иногда долженъ высказывать мысль.

А. Струговщиковъ.

XXII.

МИЛОСТЬ МУЗЪ.

Вмѣстѣ съ филистромъ умереть его слава; небесная
муза
Въ сѣнь Мнемозины вселить вѣрныхъ любимцевъ
своихъ.

М. Михайловъ.

XXIII.

ПЕЧАТЬ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ГОЛОВЫ ГОМЕРА.

1.

Вѣрный, старый Гомеръ! тебѣ я ввѣряю нѣжную тайну:
Пусть о счастливыхъ любви знаетъ пѣвецъ лишь
одинъ.

М. Михайловъ.

2.

Тебѣ только, добрый Гомеръ, ввѣрю я нѣжную тайну:
О счастіи любящихъ знать можетъ лишь скром-
ный поэтъ.

К. Петерсонъ.

XXIV.

ГЕНІЙ СМЕРТИ СЪ ОПРОКИНУТЫМЪ ФАКЕЛОМЪ.

Милъ и прекрасенъ съ своимъ угасающимъ факеломъ
геній;

Смерть же сама, господа, право не такъ хороша.

Ф. Миллеръ.

XXV.

НѢМЕЦКІЙ ГЕНІЙ.

Римской силы и греческой прелести алчешь ты, Нѣмецъ:
Объ доступны тебѣ, — только не гальскій ска-
чекъ.

Ф. Миллеръ.

XXVI.

СРЕДСТВО СОЕДИНЕНІЯ.

Какъ поступа етъ природа, что бѣ въ людяхъ высокое
съ низкимъ

Соединить? — къ нимъ она въ долю тщеславье
даетъ.

Ф. Миллеръ.

13

Тот только, добрый, добрый, добрый,
О счастии людском, о счастье, о счастье,
Или о счастье, о счастье, о счастье,
Или о счастье, о счастье, о счастье.

XIV

Или о счастье, о счастье, о счастье,
Или о счастье, о счастье, о счастье,
Или о счастье, о счастье, о счастье,
Или о счастье, о счастье, о счастье.

XV

Или о счастье, о счастье, о счастье

Или о счастье, о счастье, о счастье,
Или о счастье, о счастье, о счастье,
Или о счастье, о счастье, о счастье,
Или о счастье, о счастье, о счастье.

XVI

СЧАСТЬЕ СОДЕРЖИТ

Или о счастье, о счастье, о счастье,
Или о счастье, о счастье, о счастье,
Или о счастье, о счастье, о счастье,
Или о счастье, о счастье, о счастье.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА

СЕМЕЛА

ВЪ ДВУХЪ СЦЕНАХЪ

ДѢЙСТВІЕ ПРОИСХОДИТЪ въ Горахъ въ Горахъ.
Полковникъ Паша; жандармъ;
На дозорѣхъ стоятъ Паша;
А, жандармъ, жандармъ;
Простая жандармъ, жандармъ;
И жандармъ жандармъ жандармъ;
Гдѣ жандармъ жандармъ жандармъ;
Безопасно жандармъ жандармъ;
Жандармъ жандармъ жандармъ;
Простая жандармъ жандармъ;
И жандармъ жандармъ жандармъ;
Гдѣ жандармъ жандармъ жандармъ;

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Юнона.

Семела, ѳивская царевна.

Юпитеръ.

Меркурій.

Дѣйствіе происходитъ въ Ѳивахъ, во дворцѣ Кадма.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Юнона.

(Сходитъ съ колесницы, окуженная облакомъ.)

Прочь съ вашей крылатой возницей,
Павлины Юноны; ждите меня
На заоблачныхъ высяхъ Цитеры.

(Колесница и облако исчезаютъ)

А, здравствуй, домъ моей несытой злобы,
Привѣтъ тебѣ, проклятыя вражій кровъ
И ненавистный дворъ! Такъ вотъ то мѣсто,
Гдѣ предъ лицомъ стыдливомъ дня Юпитеръ
Безчеститъ ложе гордое мое!
Здѣсь громовержца смѣетъ женщина —
Простая смертная, мгновенный прахъ,
Исхитивъ лаской изъ моихъ объятій,
Теперь къ своимъ приковывать устамъ.

Юнона, Юнона!
У горняго трона
Ты одна стоишь.

Храмы шлють тебѣ куренье,
Всюду чтители твои.
Безъ любви на что почтенье?
Что и небо безъ любви?
Нужно было мнѣ въ обиду,
Чтобы пѣна родила Киприду,
Вѣчныхъ и смертныхъ
Всѣхъ побѣдилъ ея взоръ огневой.
Горе! — въ гнѣвъ тебѣ Юнона
Родила и Герміона —
И на вѣкъ прости покой!

Иль не царица боговъ я?
Иль не сестра громовержца?
Иль мнѣ властитель Зевесъ не супругъ?
Развѣ не мнѣ повинуются оси
Грузнаго неба? Не я ли блистаю въ вѣнцѣ олимпійскомъ?

Га! Я чувствую
Въ жилахъ безсмертныхъ сатурнову кровь,
Сердце богини въ груди разрослось.
Мести! мести!
Унижать меня безнаказанно!
Безнаказанно сѣять раздоръ межъ богами,
И въ ясный чертогъ небожителей звать
Эриду? Какая безмѣрная дерзость!

Знай же, безумная!
Смерть у Коцита научить тебя
Божеское различать отъ праха земли!
Пусть задавить тебя твой гигантскій уборъ;
Прахомъ ты будешь
Вмѣсто богини.
Въ доспѣхахъ мести
Схожу съ Олимпа высокаго я,
И сладко-снотворныя
Льстивыя рѣчи
Изобрѣла;
Смерть и погибель
Скрываются въ нихъ.
Чу, шаги ея!
Вотъ ближе,
Ближе къ паденью и гибели вѣрной!
Увейся покровомъ земнымъ, божество!

(Уходитъ)

СЕМЕЛА *(кричитъ на сцену)*.

Ужь солнце къ западу!... Скорѣй, служанки,
Наполните чертогъ пріятной амброй,
Розъ и нарцизовъ набросать вокругъ;
Да не забудьте златотканый пологъ...
Ужь солнце къ западу, а онъ еще нейдетъ!

Юнона *(входитъ въ образъ
старухи)*.

Благодареніе безсмертнымъ! Дочь моя!

СЕМЕЛА.

О, боги! Бодрствую иль брежу я? Бероя!

Юнона.

Уже-ль свою кормилицу-старушку
Забыла ты?

СЕМЕЛА.

Бероя, видитъ Зевсъ!

Позволь, чтобъ дочь тебя прижала къ сердцу!

Здорова ль ты? Зачѣмъ изъ Эпидавра

Пришла ко мнѣ? Ну, какъ живешь? Не правда ль

По-прежнему еще ты мать мнѣ?

Юнона.

Мать!

Давно ты такъ звала меня.

СЕМЕЛА.

Зову,

И буду звать — пока изъ темной Леты

Я не напьюсь.

Юнона.

Бероѣ, можетъ-быть,

Не долго ждать до волнъ самозабвенья;

Но Кадма дочь изъ нихъ не будетъ пить.

СЕМЕЛА.

Какъ, милая? Загадками ты прежде

Не говорила; духъ сѣдыхъ волосъ

Теперь въ уста твои влагаетъ рѣчь;
Ты говоришь: я Леты не увижу?

Юнона.

Да, я сказала. Что жь сѣдинамъ ты
Смѣешься? Правда, что богамъ онѣ,
Какъ свѣтлые власы, сѣтей не ставятъ.

Семела.

Прости! Могла ль смѣяться я власамъ
Сѣдымъ, какъ-будто эти вѣчно будутъ
Златой волной катиться мнѣ на плечи?
Но что же ты сквозь зубы проворчала?
Богъ, говоришь ты?

Юнона.

Богъ, сказала я?
Ну, да, вѣдь боги всюду! Ихъ молить
Намъ слабымъ смертнымъ должно. Боги тамъ,
Гдѣ ты, Семела. — Какъ спросила ты?

Семела.

Какая злость! Однакожь говори,
Что привело тебя изъ Эпидавра?
Не то ли ужь, что боги окружаютъ
Твою Семелу?

Юнона.

Только то, клянусь!
Какимъ огнемъ твои покрылись щеки,
Когда «Юпитеръ» я произнесла!

Послушай, дочь моя: ужасный моръ
Свирѣпствуетъ въ несчастномъ Эпидаврѣ.
Тамъ каждое дыханье ядовито,
Женихъ невѣсту, мать сжигаетъ сына.
Костры горятъ и превращаютъ въ день
Полночный сумракъ. Вопли и рыданья
По воздуху разносятъ смертный ужасъ.
Прогнѣваннымъ Юпитеръ смотритъ окомъ
На бѣдный нашъ народъ. Вотще предъ нимъ
Струится жертвенная кровь. Вотще
У алтаря, измучась на колѣнахъ,
Взываетъ жрецъ — онъ на моленье глухъ.
И вотъ меня несчастная отчизна
Ко дочери Кадма шлетъ: не упрошу ль
Ее избавить насъ отъ смертной кары?
Кормилица Бероя, говорятъ,
Должно быть, много значить у Семелы,
Семела же у Зевса много значить;
А вотъ и все — не поняла я словъ:
«Семела много значить у Зевеса.»

СЕМЕЛА (*съ жаромъ и забывшись*).

Скажи, что завтра кончится зараза!
Меня Зевсъ любить — нынче жь стихнетъ моръ!

Юнона (*неожиданно пораженная*).

Такъ правда, что стоустая молва
Отъ Гемуса до Иды разглашаетъ?

Тебя Зевсъ любить? Зевсъ привѣтствуетъ
Тебя во всемъ величѣѣ, какъ Юнону
Средь изумленныхъ небожителей?
О, боги! пусть теперь сокроетъ Оркусъ
Мои сѣдины — я жила довольно...
Во всемъ величїи нисходитъ сынъ Сатурна
Къ ней, къ ней — она сосала грудь мою!
Къ ней!

СЕМЕЛА.

О, Бероя, онъ явился мнѣ
Красавцемъ краше всѣхъ аврориныхъ дѣтей.
Да, въ этотъ мигъ онъ былъ небеснѣй и свѣтлѣй,
Чѣмъ Гесперь, ароматомъ окруженный
И членами въ эфирѣ погруженный.
Онъ гордо шелъ, какъ-бы Гиперіонъ,
Когда за мощными плечами
Звенялъ колчанъ и лукъ. Зефиромъ окриленъ,
Блисталъ покровъ, вѣялъ за нимъ клубами.
Такъ океанъ серебристыми волнами
Блещетъ. Серебра прїятный звонъ —
Его слова; ихъ переливъ свѣтлѣе
Живой мелодїи на лирѣ у Орфея.

Юнона.

Ахъ, дочь моя! Какъ все въ тебѣ полно
Минувшаго небеснымъ наслажденьемъ;
Что жъ дѣлалось тогда съ твоими слухомъ, зрѣньемъ,
Когда воспоминаніе одно

Тѣснится въ грудь дельфійскимъ вдохновеньемъ!
Но что же ты не склонишь разговоръ
На зевсовъ драгоцѣннѣйшій уборъ?
Что жъ ты скуписься? Расскажи, какъ стрѣлы
Громовыя сверкаютъ предъ Семелой,
А имъ бы рвать густыя облака!
Девкаліонъ и Прометей красую
Могли снабжать — громить же лишь Зевесъ.
Одинъ лишь громъ, который онъ бросалъ
Къ твоимъ ногамъ, одинъ лишь громъ тебя
Такъ высоко возносить надъ землей.

СЕМЕЛА.

Что говоришь ты? Здѣсь о громѣ рѣчи
Не можетъ быть.

Юнона.

Тебѣ къ лицу и шутки!

СЕМЕЛА.

Небеснѣй моего Юпитера не можетъ
Быть сынъ земли; но громъ... какой же громъ!

Юнона.

И... ревность!

СЕМЕЛА.

Нѣтъ, Бероя! Видитъ Зевесъ.

Юнона.

Клянешься?

СЕМЕЛА.

Видить Зевсъ! мой Зевсъ!

Юнона.

Клянешься?

Несчастливая!

СЕМЕЛА (*въ испугъ*).

Бероя! что съ тобой?

Юнона.

Ну, повтори слова тѣ, по которымъ
Несчастнѣй нѣтъ тебя на всей землѣ,
Погибшая! То былъ не Зевсъ!

СЕМЕЛА.

Не Зевсъ?

Презрѣнная!

Юнона.

Коварный соблазнитель
Изъ Аттики, подъ маской божества,
Похитилъ честь твою, невинность, стыдъ!

(*Семела падаетъ безъ чувствъ*)

Да, упади! чтобъ вѣчно не вставать!
Пусть ночь навѣкъ потушитъ свѣточъ твой,
Пусть тишина скуетъ на вѣкъ твой слухъ!
Останься здѣсь на мѣстѣ хладнымъ камнемъ!
О, стыдъ, о срамъ! стыдливый день бѣжить

Опять назадъ въ объятія Гекаты!
О, боги! боги! Не-уже-ль Бороѣ
Шестнадцать лѣтъ въ разлукѣ протрадать
И встрѣтить такъ дочь Кадма суждено!
Я съ радостью пошла изъ Эпидавра,
И со стыдомъ должна идти домой.
Отчаянье я принесу... О, горе!
О, мой народъ! Скорѣе до втораго
Потопа моръ пробудеть, онъ скорѣй
Загромоздитъ тѣлами темя Эты,
Скорѣй вся Греція въ кладбище превратится,
Чѣмъ ты, Семела, гнѣвъ боговъ смягчишь:
Обмануты я, ты, и Греція, и все!

СЕМЕЛА.

Моя Бероя!

Юнона.

Другъ, очнись. Быть-можетъ,
То былъ Зевесъ! Но кажется, что нѣтъ!
А все жь, быть можетъ, онъ! Теперь узнать намъ
должно;
Пусть онъ откроется, не то на вѣкъ
Бѣги его; пусть Оивы за тебя
Презрѣнному отмстятъ кровавой местью.
Взгляни, о, дочь! взгляни своей Бороѣ
Въ лицо: уже по симпатіи я
Всегда твоя. — Не испытать ли намъ
Его, Семела?

СЕМЕЛА

Нѣтъ, клянусь богами,
Я въ немъ ошиблась бы.

Юнона.

Уже-ли бѣ ты
Была покойнѣй, вѣчно сомнѣваясь,
Хотя бы онъ и подлинно былъ Зевсъ?

СЕМЕЛА (*скрываетъ лицо на
колѣняхъ Юноны*).

Нѣтъ! онъ не Зевсъ!

Юнона.

И блескомъ окруженный,
Тебѣ бы такъ явился, какъ едва-ль
Являлся онъ Олимпу? Что тогда
Семела? Ты бы каялась, зачѣмъ
Его пытала.

СЕМЕЛА (*съ силой*).

Онъ открыться долженъ.

Юнона (*скоро*).

Дотолъ онъ не знай твоихъ объятій —
Откройся прежде! — Слушай, дочь моя,
Что вѣрная кормилица тебѣ

Съ любовью отъ души совѣтуешь.
Скажи, когда онъ явится? скажи!

СЕМЕЛА.

Онъ обѣщалъ, что прежде, чѣмъ къ Тетидѣ
Въ объятія сойдетъ Гесперіонъ.

Юнона (забывшись, съ жаромъ).

Какъ? Га! Сегодня снова пусть придетъ,
И только-что въ восторгѣ упоенья
Онъ распахнетъ объятія за тобой,
Ты отступи — припомни — будто громомъ
Поражена. Га! Какъ смутится онъ!
Не долго, дочь моя, ты для смущенья
И продолжай желѣзнымъ, хладнымъ взоромъ
Отталкивать его. Страстнѣй, сильнѣе
Онъ будетъ льнуть къ тебѣ; вѣдь спѣсь красавицъ
Плотина лишь, что дождевой потокъ
Запрѣтъ на мигъ, и съ яростію новой
Нахлынутъ волны... тутъ ты станешь плакать;
Противъ Гигантовъ онъ стоялъ спокойно,
Глядя какъ гнѣвъ сторукаго Тифея
Въ его престолъ кидалъ Олимпъ и Оссу,
Но слезы милой побѣдятъ его...
Ты улыбаешься? А, вижу, ученица
Здѣсь превзошла наставницу свою!
Вотъ и попросишь ты, чтобъ богъ исполнилъ
Одно твое невинное желанье:

Въ знакъ божества и пламенной любви
Онъ Стиксомъ поклянется — избѣжать
Ему нельзя — ужь Стиксъ его связалъ.
А ты скажи: «Не знай меня, доколѣ
«Во всей красѣ, какъ дочери Сатурна,
«Не явишься ты царской дочери Кадма.»
Семела, ты не бойся, если онъ
Начнетъ тебѣ присутствіе свое
Описывать ужаснымъ, въ пламени
Трескучемъ, при раскатахъ громовыхъ,
Чтобъ, запугавъ, лишитъ тебя желанья...
Семела, это всё пустые страхи.
И боги лишь скупаются для людей
Такой красой, такимъ величьемъ славы.
Не отступайся, и сама Юнона
Завистливо скосится на тебя...

СЕМЕЛА.

Дурная-то, съ воловьими глазами?
Въ жару любви онъ часто признавался,
Какъ черной желчью мучаетъ она
Его.

ЮНОНА.

Га! смерть червю за поношенье!

СЕМЕЛА.

Что? какъ, Бероя? Что ты тамъ ворчишь?

Юнона.

Такъ, ничего, Семела! Черной желчью
И я терзаюсь... Часто строгій взглядъ
Зовется у влюбленныхъ черной желчью;
Воловьи же глаза не такъ дурны.

Семела.

О! самые безпутные, Бероя,
Какіе могутъ въ головѣ свѣтить!
Къ-тому жъ примѣта ядовитой злобы
Желто-зеленый цвѣтъ ланить. Мнѣ жаль
Зевеса: отъ навязчивой любви
И вздорной ревности царицы нѣтъ ему
Одной покойной ночи. Это просто
Должна быть въ небѣ пытка Иксиона.

Юнона *(съ ужаснымъ смущеніемъ и злобою ходитъ
взадъ и впередъ)*.

Ну, полно же!

Семела.

Бероя! Что за горечь?

Иль я сказала болѣе, чѣмъ правда
И умъ велятъ?

Юнона.

Ты болѣе сказала,
Чѣмъ умъ и правда дѣвушкѣ велятъ.
Считай за счастье, если голубые

Глаза твои не рано въ чолнѣ Харона
Заглянуть. У Юноны тоже храмы...
Бродя между людьми, она не мститъ
Такъ ни за что, какъ за насмѣшки злыя.

СЕМЕЛА.

Что жь! пусть придетъ и слушаетъ! что мнѣ?
Юпитеръ каждый волосъ на главѣ
Моей хранить, такъ что же тутъ Юнона?
Однако же, Бероя, бросимъ это.
Еще сегодня я во всей красѣ
Увижу Зевса. Пусть себѣ Юнона
Хоть въ Оркусъ путь отыщетъ.

Юнона (*въ сторону*).

Этотъ путь

Найдетъ другая, можетъ-быть, но прежде:
Ужъ въ этомъ мнѣ порукой зевсовъ громъ!

(*Къ Семелѣ*)

Да, да! у ней займетъ дыханье зависть,
Когда дочь Кадма предъ лицомъ Эллады
Подыметъ съ тріумфомъ на Олимпъ.

СЕМЕЛА.

Уже-ль

Про Кадма дочь узнаетъ Греція?

Юнона.

А будто-бъ отъ Сидона до Аѳинъ
Про что другое говорятъ? Семела!

Боги, боги, станут предъ тобой
На колѣни, — боги предъ тобой!
Смертные съ покорной головою
Будутъ ждать за трепетной чертою,
Что невѣста громовержца...

СЕМЕЛА.

Ахъ!

Юнона.

И въ вѣка во всѣ предѣлы
То расскажетъ мраморъ бѣлый,
Что Семелу чтили здѣсь —
Ту красавицу Семелу
Чьи лобзанія свели
Въ прахъ владыку, громовержца
Съ олимпійской высоты.
Тысячезвучныя крылья молвы встрепенутся,
Звуки ихъ съ моря возстанутъ и съ горъ разольются.

СЕМЕЛА (*внѣ себя*).

О, Аполлонъ! О, Пифія! что жъ онъ
Не явится!

Юнона.

И сквозь облако куренья
Ты услышишь ихъ моленья.

СЕМЕЛА (*вдохновенная*).

И доступна буду всѣмъ,
Гнѣвъ его смягчу мольбами,
Молніи — залью слезами,
Счастье, счастье обѣщаю всѣмъ.

Юнона (*про себя*).

Бѣдная! зачѣмъ?

(*Погружаясь въ размышленіе*)

Чувствую!... но звать меня безпутной...
Нѣтъ же! въ Тартаръ состраданье. (*Къ Семелѣ*)
Ну, бѣги жь, мой другъ, бѣги же,
Чтобы Зевсъ не видѣлъ; чѣмъ онъ долѣ
Будеть ждать, тѣмъ пламеннѣй восхощетъ
Онъ къ тебѣ...

СЕМЕЛА.

Бероя, небеса

Въ твои уста вложили сами рѣчи!
О, блаженство! Боги предо мною
На колѣни станутъ, а вокругъ
Смертные съ покорной головою —
Нѣтъ же, нѣтъ, бѣгу, бѣгу, мой другъ!

(*Поспѣшно удаляется*)

Юнона (*съ восторгомъ смотритъ ей въ слѣдъ*).

Слабая, гордая женщина! жаль мнѣ тебя!
Огнь пожирающій — страстные взоры его;

Въ каждомъ лобзаніи смерть, въ каждомъ объятіи
Вихрь удушающій! Смертному тѣлу нельзя
Снести лицезрѣнье того, чья рука
Громы кидаетъ. Га! пусть

(въ изступленномъ восторгѣ)

Подъ молньеносной рукой
Воскъ ея смертнаго тѣла растаетъ,
Какъ предъ лампадою солнца
Утреній снѣгъ, — и невѣрный,
Вмѣсто нѣжняго стана невѣсты,
Собственный ужасъ обниметъ. Съ какимъ торжествомъ
я тогда,
Взоръ пресыщая съ вершины Цитеры къ нему воззову,
Такъ что въ рукѣ у него задрожитъ громовая стрѣла:
«Полно; что жъ ты, Сатурній,
Такъ обнимаешь жестоко!»

(Уходитъ)

(Симфонія)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Прожняя зала)

ВНЕЗАПНЫЙ СВѢТЪ.

ЗЕВЕСЪ *(въ образѣ юноши)*. Меркурій *(въ отдаленіи)*.

ЗЕВЕСЪ.

Сынъ мой!

МЕРКУРІЙ (*съ преклоненной
головой становится
на колѣни*).

Зевсѣ!

ЗЕВЕСЪ.

Скорѣй! спѣши! лети!

Направь полетъ на берега Скамандра:

Тамъ плачетъ надъ холмомъ своей пастушки

Пастухъ — никто не долженъ плакать,

Когда Сатурній любитъ.

Ступай и оживи умершую!

МЕРКУРІЙ (*вставая*).

Твоей главы могучей мановенье

Меня уноситъ вдаль въ одно мгновенье

И въ мигъ назадъ.

ЗЕВЕСЪ.

Летя черезъ Аргосъ,

Я встрѣтилъ дымъ, клубящійся отъ жертвы

На алтарѣ моемъ — пріятно было мнѣ,

Что мой народъ такъ чтитъ меня; слетай

Къ моей сестрѣ Церерѣ и скажи,

Чтобъ въ десять тысячъ разъ она посѣвъ

Умножила Аргійцамъ на полвѣка.

МЕРКУРІЙ.

Я съ быстротою трепетной всегда

Спѣшу исполнить гнѣвъ твой, вседержитель,
А милость — съ радостной; вѣдь счастьемъ надѣлать
Людей богамъ отрадно, а карать
Людей богамъ прискорбно. — Гдѣ велишь
Принести ихъ благодарность: на низу,
Въ пыли, иль наверху въ божественномъ чертогѣ?

ЗЕВЕСЪ.

Въ низу, въ божественномъ чертогѣ! Во дворцѣ
Моей Семелы! Ну, лети! (*Меркурій уходитъ*)

Она нейдетъ

Принять царя Олимпа, какъ всегда,
На грудь свою, взволнованную нѣгой.

О, что жъ нейдетъ ко мнѣ моя Семела
На встрѣчу? Мертвое, пустынное молчанье
Во всемъ дворцѣ, который прежде такъ
Вакхически неистово шумѣлъ.

Ни вѣтерка... я видѣлъ торжество
Въ очахъ Юноны — своему Зевесу
Не хочетъ въ срѣтенье Семела поспѣшить...

(*Молчаніе. Онъ продолжаетъ*)

Га! Не-уже-ль преступная войти
Въ святилище моей любви дерзнула?
Сатурнія — Цитера и тріумфъ
Ужасно... признаки... Семела, ты не бойся!
Не бойся, я твой Зевсъ. Дохну, и небеса,
Подвинувшись, покажутъ: я твой Зевсъ!
Гдѣ воздухъ тотъ, который смѣетъ сильно

Подуть на ту, что Зевсъ своей зоветъ?

А козни мнѣ смѣшны... Семела, гдѣ ты?

Давно я жду прильнуть къ твоей груди

Главою, отягченной цѣлымъ міромъ,

Отъ бурь правленья чувства убаюкать,

Забыть во снѣ кормило и бразды

И потонуть въ отрадѣ наслажденья.

О, счастье! О, вѣга опьянѣнья

Самимъ безсмертнымъ! Что Урана кровь,

Что нектаръ и амброзія, и что

Олимпа тронъ, златой вѣнецъ небесъ,

Могущество, безсмертье, вѣчность, Богъ

Безъ любви?

Пастухъ, что подъ журчаніемъ ручья

Въ объятыхъ милой забываетъ стадо,

Моимъ громамъ не позавидуетъ.

Она идетъ... О, перлъ моихъ созданій!

О, женщина! Передъ творцомъ твоимъ

Молиться должно. Я тебя создалъ —

Молися мнѣ. Зевсъ молится Зевесу,

Создавшему тебя. Га! Кто во всей вселенной

Мнѣ изрѣчетъ проклятье? Какъ презрѣнны,

Какъ незамѣтны всѣ мои міры,

Мои моря лучей, мои системы

И вся моя огромная цѣвница,

Какъ мудрецы твердятъ, какъ это все мертво

Въ сравненіи съ душой.

СЕМЕЛА (*приближается, не подымая глазъ*).

ЗЕВЕСЬ.

Моя краса! престоль мой — прахъ! Семела! Ты
(*Спѣшитъ ей на встрѣчу; она хочетъ уйти*)
Бѣжишь? Безмолвствуешь? Семела! Ты бѣжишь?

СЕМЕЛА (*отталкивая его*).

Прочь!

ЗЕВЕСЬ (*пораженный; послѣ
молчанія*).

Грезить Зевсъ? Или природа хочетъ
Разрушиться? — Такъ говоритъ Семела? —
Какъ, нѣтъ отвѣта? Жадно простираю
Къ тебѣ объятя — такъ не билось сердце
Мое предъ дочерью Агенора, такъ
Оно и къ Ледѣ не рвалось, уста
Мои такъ устъ Данаи не искали,
Какъ въ этотъ мигъ.

СЕМЕЛА.

Молчи! Ты лжецъ!

ЗЕВЕСЬ (*съ нѣжнымъ упре-
комъ*).

Семела!

СЕМЕЛА.

Прочь!

ЗЕВЕСЬ (*смотря на нее*).

Я Зевесъ!

СЕМЕЛА.

Ты Зевесъ?
Страшись, хвастунъ! онъ грозно у тебя
Потребуешь украденный уборъ,
Которымъ ты ругался — ты не Зевсъ!

ЗЕВЕСЪ (*величественно*).

Вселенная, вращаясь вокругъ меня,
Такъ назвала меня

СЕМЕЛА.

Га! Богохульство!

ЗЕВЕСЪ (*кротче*).

Какъ, милая? Откуда рѣчь такая?
Кто жь у меня похитилъ это сердце?

СЕМЕЛА.

Оно того, кого ты обезьянишь.
Чтобъ женщину увлечь приходить люди
Подъ маской божества. — Прочь! ты не Зевсъ!

ЗЕВЕСЪ.

Ты сомнѣваешься? уже-ль сомнительно
Семелѣ божество мое?

СЕМЕЛА (*печально*).

Когда бы ты

Былъ Зевсъ, никто изъ смертныхъ не коснулся бъ
До этихъ устъ... О, еслибъ ты былъ Зевсъ!

Зевесъ.

Ты плачешь? Здѣсь Зевесъ, а ты въ слезахъ, Семела?
Скажи, проси — и рабская природа
Падетъ, дрожа, къ твоимъ ногамъ. Скажи —
И рѣки бой начнутъ съ своимъ теченьемъ,
И горы: Геликонъ, Кавказъ и Цинтъ,
Аѳосъ, Микала, и Родопъ, и Пиндъ,
Въ-слѣдъ за моимъ могучимъ мановеньемъ,
Сорвавшись, на поля и доли налетятъ,
Завьются въ воздухъ и солнце затемнятъ.
Скажи — и вѣтры всѣ, въ одно мгновенье ока,
Помчатся съ сѣвера на море и съ востока,
Посидаона тронъ тяжелый покачнутъ;
Пучины вздуются и берега зальютъ;
Въ огняхъ предстанетъ ночь, изъ грома громъ родится,
И полюсь затрещитъ и небо задымится.
Волнами Океанъ начнетъ топить Олимпъ;
Передъ тобой Орканъ засвищетъ пѣснь побѣды...
Скажи!

Семела.

Я женщина, я смертная.
Какъ можно предъ горшкомъ горшечнику склоняться,
Или художнику передъ статуей пасть?

Зевесъ.

Пигмаліонъ палъ предъ своимъ созданьемъ, —
Своей Семелѣ молится Зевесъ.

СЕМЕЛА (*плачетъ*).

Ну, встань же, встань! О, горе мнѣ несчастной!
Я лишь боговъ могу любить, а боги
И самъ Зевесъ — смѣются надо мной!

ЗЕВЕСЬ.

Зевесъ у ногъ твоихъ.

СЕМЕЛА.

О, встань же! Высоко
Тамъ на громахъ въ объятіяхъ Юноны
Зевесъ смѣется слабости червя.

ЗЕВЕСЬ (*съ жаромъ*).

Семела и Юнона! Га! Кто червь?

СЕМЕЛА

О, необъятно — счастлива была-бы —
Дочь Кадма, если-бъ ты былъ Зевсъ, —
Но ты не Зевсъ!

ЗЕВЕСЬ (*встаетъ*).

Я Зевсъ!

(*Онъ протягиваетъ руку: въ заль появляется
радуга. Музыка сопровождаетъ явленіе*)

Что? видишь ли?

СЕМЕЛА.

И человѣкъ могучъ любовью вѣчныхъ.

Тебя Сатурній любить — я однихъ
Боговъ могу любить.

ЗЕВЕСЪ.

Еще сомнѣнья!

Какъ-будто власть свою я у боговъ
На время выпросилъ, а не родился съ ней.
Семела, боги людямъ сообщаютъ
Благотворенья силу, но не каръ,
А смерть и гибель — вотъ печать боговъ:
Караящимъ увидишь ты Зевеса.

*(Онъ протягиваетъ руку: ударъ, огонь, дымъ
и землетрясеніе. Музыка сопровождаетъ
эти явленія)*

СЕМЕЛА.

Довольно! Опусти десницу! О, помилуй!
Помилуй бѣдный свой народъ! Тебя
Родилъ Сатурнъ!

ЗЕВЕСЪ.

А, легковѣрная!

Уже ль Зевесу, женщинѣ въ угоду,
Планетъ и солнцъ теченье измѣнять?
Зевсѣ все исполнить! Часто сынъ боговъ
Скалъ огнечреватой рвалъ утробу,
Но онъ землей и связанъ: это можетъ
Одинъ Зевесъ!

*(Онъ протягиваетъ руку: солнце
исчезаетъ, внезапная ночь.)*

СЕМЕЛА (*пáдаетъ предъ нимъ*).

О! еслибъ, всемогущій,
Ты могъ любить!

(*Снова дѣтъ*)

ЗЕВЕСЪ.

Дочь Кадма вопрошаетъ
Кроніона, что любитъ ли Кроніонъ.
Одинъ намекъ — и, сбросивъ божество,
Онъ прійметъ плоть, чтобъ только быть любимымъ.

СЕМЕЛА.

И будто Зевсъ?...

ЗЕВЕСЪ.

Самъ Аполлонъ признался
Намъ, какъ отрадно человѣкомъ быть
Между людьми. Скажи — я человѣкъ!

СЕМЕЛА (*кидается къ нему
на шею*).

Зевсъ, въ Эпидаврѣ женщины зовутъ
Твою Семелу дѣвушкою глупой:
Любима Зевсомъ, говорятъ, а что жь
Не выпросить у Зевса ничего?

ЗЕВЕСЪ (*съ жаромъ*).

Пусть женщины краснѣютъ въ Эпидаврѣ!

Проси, проси — и видить Стиксъ — владыка
Самихъ боговъ... и если Зевсъ замедлитъ —
Пусть грозный богъ меня въ одно мгновенье
Въ бездонной мракъ небытія сразитъ!

СЕМЕЛА (*вскакиваетъ съ радостію*).

Теперь я вижу своего Зевеса!
Ты поклялся — и клятву слышалъ Стиксъ!
Такъ никогда не обнимай иначе
Меня, какъ ты...

ЗЕВЕСЪ (*кричитъ въ испугъ*).

Несчастливая! Постой!

СЕМЕЛА.

Сатурнію...

ЗЕВЕСЪ (*хочетъ ей зажать ротъ*).

Умолкни!

СЕМЕЛА.

Обнимаешь.

ЗЕВЕСЪ.

Ужъ поздно! Звукъ разлился! Стиксъ! Семела!
Ты выпросила смерть.

СЕМЕЛА.

А, такъ-то любить Зевсъ!

ЗЕВЕСЪ.

Я небо отдалъ бы за то, чтобъ меньше
Любилъ тебя!

(Съ холоднымъ ужасомъ смотритъ на нее)

Погибшая!

СЕМЕЛА.

Юпитеръ!

ЗЕВЕСЪ *(свирьпо уставивъ
глаза въ землю)*.

Теперь я понялъ твой триумфъ, Юнона!
Проклятье ревности! Увы, красотка-роза,
Ты слишкомъ хороша, ты слишкомъ драгоценна
Для Ахерона!

СЕМЕЛА.

Не скупись же славой!

ЗЕВЕСЪ.

Проклятье славѣ! ею ты ослѣплена!
Проклятье моему величью, — раздробило
Оно тебя! Проклятіе, проклятье
Мнѣ, — счастье я строилъ на пескѣ!

СЕМЕЛА.

Пустые страхи, Зевсъ! я не боюсь
Твоихъ громовъ.

ЗЕВЕСЪ.

Обманутый ребенокъ!

Ступай, простись въ-послѣдніе съ твоими
Подругами: ничто, ничто не въ силахъ
Теперь спасти тебя, Семела! Я твой Зевсъ.
И этого ужъ нѣтъ — ступай.

СЕМЕЛА.

Завистникъ!... Стиксъ! Ты не уйдешь теперь.

(Уходитъ)

ЗЕВЕСЪ.

Нѣтъ, не тріумфъ, а трепеть ждетъ ее!
И въ-силу власти, по которой мнѣ
Подножіемъ земля и небо служатъ,
Къ утесу самому крутому, во Оракіи,
Алмазной цѣпью прикую злодѣйку...
Да я, клянусь!

(Меркурій является въ отдаленіи)

Что значитъ твой полетъ?

МЕРКУРІЙ.

Горячія, признательныя слезы
Счастливыхъ.

ЗЕВЕСЬ.

Всѣхъ ихъ погуби опять!

МЕРКУРІЙ (*въ изумленіи*).

Зевесъ!

ЗЕВЕСЬ.

Никто не долженъ быть счастливымъ!
Она умереть...

(*Занавѣсъ опускается*)

А. Фетъ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

ЛЖЕВЪРОВАНІЯ (*).

Три мнѣнья запали въ людскіе умы
И спутали духъ нашъ тревожный;
Но какъ ни охотно ихъ приняли мы,
А все онѣ тщетны и ложны;
Не вызрѣетъ смертному знанія плодъ,
Пока онъ во тьмѣ заблужденій живетъ:

Покуда онъ вѣруетъ въ тѣ времена,
Когда ниспровергнется злоба, —
Со зломъ у добра безконечна война,
Могучи воители оба;
Но злое мужаешь на лонѣ земли,
А доброе черпаетъ силу въ дали.

Покуда онъ вѣритъ, что счастья вѣнецъ
Достойнымъ здѣсь будетъ наградой, —
Нѣтъ, счастье ищетъ порочныхъ сердецъ,
А чистымъ земнаго не надо;
Они на землѣ не на долго въ гостяхъ,
Жилище и родина ихъ — въ небесахъ.

(*) См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т. I. стр. 53.
(Гимны и Оды, XII).

Покуда онъ вѣрить, что бrenнымъ умамъ
Откроются тайнства Бога, —
Въ потемкахъ, при входѣ въ ихъ запертый храмъ
Мы, люди, стоимъ у порога;
Предчувствуемъ что-то, но это лишь бредъ:
Навѣки завѣшенъ намъ истины свѣтъ.

Смирися-же, разумъ, и набожно вѣрь,
Гдѣ умствовать грѣхъ и напрасно;
Ко многому въ жизни намъ замкнута дверь,
Что истинно, свято, прекрасно,
И это не внѣ насъ, какъ чаеъ глупецъ,
А въ нѣдрахъ проникнутыхъ вѣрой сердецъ.

А. Мейснеръ.

II.

ФОРТУНА И МУДРОСТЬ (*).

Съ Временщикомъ Фортуна въ спорѣ
Къ убогой Мудрости летить:
«Сестра, дай руку мнѣ — и горе
«Твоя мнѣ дружба облегчить!
«Дарами лучшими своими
«Его осыпала, какъ мать, —
«И что-жь? — ни чѣмъ не насытимый,
«Меня скупой онъ смѣлъ назвать!

(*) См. «Шиллеръ въ Переводѣ Русскихъ поэтовъ», т. I, стр. 247.
(Антологическія стихотворенія, XVIII).

«Софія, вѣрь мнѣ, — будемъ дружны...»

«Смотри — вотъ горы серебра;

«Кинь заступъ твой, теперь ненужный:

«Съ насъ будетъ, милая сестра.»

— Лети! — ей Мудрость отвѣчала:

— Не слышишь? — другъ твой жизнь клянетъ!

Спаси безумца отъ кинжала;

А мнѣ въ Фортунѣ нужды нѣтъ. —

Ф. Тютчевъ.

Или вы еще не знаете, что такое любовь? —
Скажите — вот это чувство, которое
вы чувствуете, когда вы любите, это и есть любовь.
Мы, люди, стоим перед вами, и вы должны
продумать, что вы хотите от жизни.
Итак, вы должны решить, что вы хотите от жизни.
Итак, вы должны решить, что вы хотите от жизни.
Итак, вы должны решить, что вы хотите от жизни.
Итак, вы должны решить, что вы хотите от жизни.
Итак, вы должны решить, что вы хотите от жизни.
Итак, вы должны решить, что вы хотите от жизни.
Итак, вы должны решить, что вы хотите от жизни.

ЖИЗНЬ ШИЛЛЕРА.

[The page contains faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side.]

ШИЛЛЕРУ.

Орель могучихъ, свѣтлыхъ пѣсенъ!
Съ зарей открылъ твой вѣщій взоръ,
Какъ блѣденъ, какъ тоскливо тѣсенъ
Земнаго ока кругозоръ!

Въ первѡй ширяясь, міръ ты мѣрилъ
Отважнымъ взмахомъ юныхъ крыль...
Никто такъ гордо въ свѣтъ не вѣрилъ,
Никто такъ страстно не любилъ.

И веселясь надъ темной бездной,
Сокрывшей свѣтлый идеаль,
Никто земной въ предѣлъ надзвѣздной
Парить такъ смѣло не дерзалъ.

Одинъ ты океанъ ээира
Крыломъ надежнымъ облетѣлъ
И въ сердце огненное міра
Очами свѣтлыми глядѣлъ.

Съ тѣхъ поръ у моря свѣта вѣчно
Твой голосъ все къ себѣ зоветъ,
Что въ человѣкѣ человѣчно
И что въ безсмертномъ не умретъ.

А. Фетъ.

Мы съ дѣтства привыкли соединять съ именемъ Шиллера понятіе обо всемъ благородномъ и возвышенномъ, и если въ чемъ не ошибались, такъ именно въ этомъ убѣжденіи. Какъ поэтъ — такъ и человѣкъ — онъ одинаково прекрасенъ. Это одно изъ тѣхъ литературныхъ именъ, которое любятъ, произносятъ съ особеннымъ участіемъ, съ любовью именно, когда другія возбуждаютъ чувство удивленія, благоговѣнія, если угодно, но не любви. Въ Германіи признаютъ достоинства многихъ великихъ писателей, но любятъ Шиллера: и не такое ли чувство возбуждаетъ онъ въ каждомъ изъ насъ, когда мы узнаемъ его. Да оно и не можетъ быть иначе! Вспомнимъ, чему мы научились у Шиллера; вспомнимъ о его вліяніи на всю нашу юность, на всѣ наши порывы къ высокому! Далъ ли онъ намъ хотя одинъ дурной урокъ, сказалъ ли онъ намъ хотя одно жесткое слово? Давалъ ли онъ когда-либо голосъ дурнымъ страстямъ нашимъ, поселялъ ли онъ въ насъ духъ сомнѣнія, злобы, зависти, гложащей сердце гордости. Развѣ съ его именемъ не соединены идеи славы, любви, братства между людьми, священныхъ стре-

мленій сердца и лазури небесной? Развѣ онъ не былъ для нѣсколькихъ просвѣщенныхъ поколѣній — тихимъ другомъ, при голосѣ котораго споры утихаютъ, лица проясняются, помыслы принимаютъ доброе настроеніе? Вотъ въ чемъ заключается причина неодолимаго вліянія на насъ произведеній Шиллера. Изслѣдованіе этого вопроса весьма любопытно и, вмѣстѣ, поучительно, тѣмъ болѣе, что для него надо разсмотрѣть поэта, его творенія и жизнь.

Іоаннъ-Христофоръ-Фридрихъ Шиллеръ родился въ Марбахѣ, въ Вюртембергѣ, 10 Ноября 1759 года. Нравы и образъ мыслей семейства, въ которомъ онъ провелъ годы своего дѣтства, не благопріятствовали раннему развитію его способностей; но они имѣли самое благотворное вліяніе на его душу. Отецъ его не получилъ многосторонняго образованія; но онъ былъ полонъ силы, смѣтливъ и дѣятеленъ въ практической жизни, честенъ и набоженъ. Что же касается матери Шиллера, то, судя по описанію людей, на слова которыхъ можно положиться, она была женщина весьма умная и добрая. Отъ ней-то получилъ онъ свой пылкій, восторженный характеръ, свои благочестивыя чувствованія, свою душу нѣжную и любящую, свой ранній вкусъ къ поэзіи. Физически они тоже были разительно похожи другъ на друга. Фрау фонъ-Шиллеръ повторилась въ длинной, тонкой фигурѣ своего сына, въ его фізіономіи, исполненной красоты и нѣкоторой меланхоліи. Набожное расположеніе духа юнаго Шиллера еще болѣе усиливалось подъ вліяніемъ его перваго на-

ставника, Мозера, котораго, впоследствии, онъ взялъ за образецъ, создавая характеръ пастора въ первой своей трагедіи. На осьмомъ году отъ рожденія, будущій поэтъ твердо рѣшился сдѣлаться современемъ проповѣдникомъ. Многія черты его дѣтства доказываютъ, что любимымъ его занятіемъ было становиться на стулъ, и оттуда говорить матери и сестрѣ духовныя рѣчи, если не слишкомъ блиставшія идеями и методою, тѣмъ не менѣе показывавшія въ юномъ проповѣдникѣ нѣжность мысли и мягкость выраженія.

Молодой Шиллеръ познакомился съ театромъ въ людвигсбургскомъ коллегіумѣ. Несмотря на весь свой мелодраматизмъ, эти представленія имѣли на его умъ такое сильное вліяніе, котораго, впоследствии, ни что не могло изгладить: онъ очень часто запирался въ своей комнаткѣ и вслухъ разыгрывалъ про себя цѣлыя драматическія сцены, которыхъ актерами были бумажныя куклы. Тутъ задумалъ онъ свои первыя кровавыя драмы. Страсть къ драматургіи не отвлекла его, впрочемъ, отъ намѣренія посвятить себя духовному званію: расположеніе его души было искренно-религіозное, и первое имъ написанное стихотвореніе — написано наканунѣ дня его конфирмаціи.

Въ 1772 году Шиллеръ кончилъ курсъ литературы въ людвигсбургскомъ коллегіумѣ, и рѣшительно приготовлялся посвятить девять лѣтъ своей жизни на изученіе богословія. Планы его были разрушены герцогомъ вюртембергскимъ, который покровительствовалъ его отцу. Герцогъ основалъ неподалеку отъ

Штутгарта, въ одномъ изъ своихъ загородныхъ домовъ, вѣчто въ родѣ академіи, въ которую старался набрать учениковъ, одаренныхъ хорошими способностями, и убѣдительно совѣтовалъ молодому Шиллеру оставить богословское поприще и заняться правами. Противиться было трудно, и въ 1773 году юный поэтъ вступилъ, не безъ глубокаго сожалѣнія, въ училище, основанное Герцогомъ.

Это учебное заведеніе было подчинено правиламъ самой строгой военной дисциплины. Всѣ воспитанники, безъ исключенія, чѣмъ бы они ни занимались, правами, математикой, естественными науками, архитектурой, музыкою, всегда находились подъ надзоромъ своихъ капитановъ и майоровъ; они были раздѣлены по ранжиру на отдѣленія, каждое въ пятьдесятъ воспитанниковъ; ходили къ обѣду и въ спальни по звуку барабана; всегда въ мундирахъ, завитые, напудренные, въ накрахмаленныхъ галстукахъ, съ огромными косами на затылкѣ, однимъ словомъ, вѣчно парадировали въ престранномъ нарядѣ, который давалъ длинной и тонкой фигурѣ бѣднаго Шиллера такую смѣшную наружность, что его товарищи не могли глядѣть на него, не помирая со смѣху.

Отвращеніе, которое и безъ того уже имѣлъ Шиллеръ къ изученію правъ, еще болѣе усилилось въ немъ по вступленіи въ это училище; юридическій факультетъ рѣшительно ему опротивѣлъ. Сначала онъ рѣшился было покориться, какъ говорилъ, своей участи; читалъ, писалъ, слушалъ лекціи, но машинально, безъ

вниманія: онъ не сдѣлалъ ни малѣйшихъ успѣховъ, и, наконецъ, осмѣлился представить своему высокому покровителю, что настоящее его призваніе богословіе. Герцогъ отвѣчалъ, чтобы онъ о богословіи и не думалъ; однакожь, черезъ нѣсколько времени, когда академія была переведена въ Штутгартъ, его свѣтлость, склонясь на желанія молодаго человѣка, позволилъ ему бросить права и заняться предметомъ не столь сухимъ — медициною.

Если успѣхи Шиллера на этомъ новомъ поприщѣ были и не совсѣмъ блистательны, покрайней мѣрѣ, предметы трудовъ его хотя сколько-нибудь согласовались съ созерцательнымъ направленіемъ его ума. Невзирая на строгую дисциплину училища, онъ тайкомъ прочиталъ многихъ поэтовъ. Чтеніе это сдѣлало изъ него мыслителя, и даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, скептика. Благочестивое направленіе его дѣтства исчезло: вліяніе Клопштока, господствовавшее такъ долго надъ его душою, уступило мѣсто вліянію Виланда и Лессинга. Мысль — написать эпическую поэму «Моисей» замѣнилась планомъ трагедіи, которой предметомъ должно было быть самоубійство одного студента изъ Нассау. Руссо и Вольтеръ возбуждали сомнѣніе въ душѣ молодаго студента, и бросили умъ его въ бездну глубокихъ изысканій. Изученіе строенія человѣческаго тѣла показалось ему единственною прямою дорогою къ познанію тайнствъ души, и онъ со всею пылкостью юности предался наукамъ новаго своего предназначенія. Если въ трудахъ его не доставало необходимой настой-

чивости, по крайней мѣрѣ, онъ работалъ съ искреннимъ жаромъ. Темою для своей диссертациі Шиллеръ взялъ связь между физическою и нравственною природою человека. Диссертация эта была написана въ духѣ матеріализма, темно, но оригинально, съ воображеніемъ и замѣчательною силою слога. Въ этомъ первомъ прозаическомъ произведеніи Шиллера легко отыскать зародыши многихъ мѣстъ изъ трагедіи «Разбойники».

Тогдашній образъ его жизни, исполненный принужденія, возбуждалъ въ душѣ его особенное пристрастіе къ бурнымъ движеніямъ сердца, которыми такъ живо характеризуются его первыя произведенія. Однако-жъ Шиллеру остался одинъ источникъ утѣшенія: то былъ поэтический міръ, созданный его воображеніемъ, который часто заставлялъ позабывать грустную сущность. Шиллеръ могъ передавать, рѣчами своихъ дѣйствующихъ лицъ, тѣ движенія души, тѣ глубокія чувства, которыя онъ долженъ былъ заключить въ своемъ сердцѣ; онъ осмѣливался рисовать въ гигантскихъ очеркахъ идеальные характеры, которые ему безпрестанно представляло его больное воображеніе, и предавался восторгамъ въ обществѣ этихъ лицъ, которыхъ типы существовали только въ его мечтахъ.

Первые опыты Шиллера въ поэзіи — были лирическіе. Затѣмъ онъ перешелъ къ драмѣ, которая заставила его пристальнѣе всматриваться въ общество, поставленное въ извѣстныя отношенія, преслѣдующее опредѣленную цѣль, и дѣйствующее, не подъ вліяніемъ выдуманныхъ и напыщенныхъ чувствъ, но побуждаемое

страстями сильными и дѣйствительными. Если Шиллеръ не совсѣмъ хорошо понималъ другихъ, по крайней мѣрѣ онъ изучилъ себя какъ-нельзя совѣстливѣе: онъ чувствовалъ, что можетъ передать идеальному характеру свои благородныя ощущенія, свое негодованіе противъ пороковъ и слабостей человѣчества, свои колоссальныя, но неосуществимыя идеи объ усовершенствованіи людей. Это состояніе ума и сердца Шиллера живо отразилось въ его первой драмѣ «Разбойники», большая часть которой была написана въ теченіе 1780 года. Она росла посреди тысячи препятствій, потому что Шиллеръ могъ посвящать ей только немногія минуты, похищенныя у сна и занятій академическими уроками. Не разъ онъ притворялся больнымъ, для того, чтобы достать свѣчу въ свою маленькую комнатку; но хитрость эта была вскорѣ открыта учителями: въ наказаніе они завалили его работою, которую онъ долженъ былъ кончать прежде чѣмъ идти въ классы. Однажды самъ Герцогъ едва не поймалъ его съ уликою въ рукахъ: его свѣтлость такъ неожиданно вошелъ въ комнатку Шиллера, что тотъ едва успѣлъ бросить подъ столъ исписанные листы бумаги, и на мѣсто ихъ положилъ медицинскія тетрадки.

Наконецъ онъ изъ Академіи вступилъ въ свѣтъ, и, въ декабрѣ 1780 года, былъ опредѣленъ врачомъ въ полкъ. Этотъ образъ жизни не соотвѣтствовалъ тогдашнему настроенію его души. Не смотря на то, онъ на всегда сохранилъ пристрастіе въ медицинѣ. Вѣрный взглядъ на человѣческую природу и тонкое разумѣніе

всякого индивидуальнаго положенія остались на всегда полезнымъ для него пріобрѣтеніемъ отъ изученія медицины въ молодости. Онъ часто опасался, что если сдѣлается врачомъ, любовь къ наукѣ завлечетъ его слишкомъ далеко въ изслѣдованіе природы. Но сердце и сочувствіе ко всѣмъ человѣческимъ страданіямъ, безъ сомнѣнія, охранили его отъ всякаго излишества.

Обязанности служебныя пріостановили на время его литературныя занятія: онъ самъ далъ себѣ слово оставаться твердымъ передъ всѣми соблазнами музыки. Современники его утверждаютъ, что онъ, какъ практикующій врачъ, болѣе отличался умомъ и смѣлостью, нежели счастьемъ.

Скоро онъ снова принялся за литературу и написалъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній «Къ Лаурѣ», и многія другія. Нѣкоторыя изъ нихъ остались неизвѣстными публикѣ. Стихотворенія «Къ Лаурѣ» обязаны своимъ существованіемъ знакомству съ одной сосѣдкой, болѣе замѣчательной умомъ, нежели красотою.

Обояніе чувствъ и юношеское безразсудство взяли, однако же, свое, и безденежье, ихъ естественное послѣдствіе, нерѣдко погружало Шиллера въ мрачное раздумье. Въ городѣ, гдѣ все располагаетъ къ чувственнымъ наслажденіямъ, молодому человѣку угрожали опасныя подводныя камни. Но близость шиллерова семейства, жившаго въ Солитюдѣ, къ которому онъ всегда былъ привязанъ со всею искренностью, желаніе не обмануть ожиданій родителей на свой счетъ и, особенно, кроткія увѣщанія нѣжной матери подавляли въ немъ

юношеское легкомысліе и возстановляли надлежащее равновѣсіе. Знакомство съ молодыми людьми благородныхъ стремленій, въ числѣ которыхъ были Гагръ и Петерсенъ, также способствовало къ тому, что его духъ всегда одерживалъ верхъ надъ чувственностью.

1780 и 1781 годы были самые рѣшительные въ жизни Шиллера; въ послѣднемъ были напечатаны «Разбойники», для которыхъ онъ не могъ найти издателя, и которыхъ онъ принужденъ былъ напечатать на собственный счетъ. Въ 1782 году, книгопродавецъ Шванъ, въ Мангеймѣ, предложилъ ему, не захочетъ ли онъ передѣлать свою трагедію для тамошней сцены.

Такое же предложеніе, касательно другихъ его драматическихъ сочиненій, получилъ онъ, въ послѣдствіи, отъ самого директора Мангеймскаго театра — барона Дальберга. Отвѣтъ Шиллера на это предложеніе сохранился, и изъ него видно, какъ строгъ былъ Шиллеръ къ самому себѣ, какъ легко было склонить его на всякое измѣненіе, если онъ убѣждался, что оно дѣйствительно нужно, но вмѣстѣ и то, какъ такая уступчивость была далека отъ слабости.

Письменные переговоры съ Дальбергомъ кончились къ обоюдному удовольствію. Въ январѣ 1782 года были поставлены на сцену «Разбойники» и Шиллеръ приглашенъ къ первому представленію.

Поѣздка Шиллера въ Мангеймъ должна была оставаться втайнѣ. Здѣсь онъ впервые увидѣлъ, какое глубокое впечатлѣніе производитъ его талантъ. Одинъ изъ

друзей его, впоследствии, съ душевнымъ умиленіемъ показывалъ мѣсто въ театрѣ, гдѣ Шиллеръ нѣкогда стоялъ инкогнито, оно было извѣстно только Дальбергу и Клейну.

Какой переворотъ эта поѣздка за границу, первая въ жизни, произвела въ умѣ и воззрѣніяхъ Шиллера, пойметъ всякой. Видъ красиваго города при чудной рѣкѣ, огромная равнина, усаженная селами и городами, и синіе Вогезы на краю горизонта восхитили его; въ обаятельной атмосферѣ поэзіи все представлялось ему вдвое прекраснѣе. Пріятная, беззаботная жизнь ума посреди столькихъ образованныхъ покровителей, превосходнѣйшій тогда во всей Германіи театръ подъ дирекціей умнаго Дальберга, все пробудило въ немъ новую жизнь. Идеальный блескъ окружалъ умъ молодого поэта; очарованіе славы влекло его въ необъятную даль; современный міръ и грядущія поколѣнія, казалось, съ любовью его обнимали.

Успѣхъ трагедіи былъ необыкновенный; восторгъ зрителей походилъ на изступленіе. Шиллеръ, какъ я сказалъ, присутствовалъ самъ при первомъ представленіи, и дотого увлекся игрою Иффланда въ роли Франца Моора, что хотѣлъ вступить въ труппу. Дальбергъ, Шванъ, самъ Иффландъ отговорили его. «Вы должны составить славу нѣмецкаго театра, но какъ авторъ, а не актеръ!» сказалъ ему актеръ Бейль. «Клянусь въ томъ!» отвѣчалъ восторженный поэтъ.

Краснорѣчивыя и пылкія выходки автора противъ общества имѣли въ то время всю прелесть новости.

Теперь онѣ намъ кажутся надутыми и смѣшными: мы стали болѣе опытны, и онѣ уже не трогаютъ насъ, потому что мы видимъ ихъ поверхностность и преувеличенность; но для людей 1782 года, которые, по разнымъ причинамъ, не понимали еще всей пустоты нѣкоторыхъ теорій, эффектъ, произведенный «Разбойниками», долженствовалъ быть чрезвычайный. Гигантская громадность идеи этой драмы; увлекательная сила страстей, которая чаруетъ наши сердца наперекоръ разуму; дикая энергія рѣчей; искусство въ составленіи плана этой трагедіи, исполненной движенія; очаровательный контрастъ прелестей тихой, спокойной природы съ характерами лицъ, дѣйствующихъ на первомъ планѣ; это заходящее солнце, освѣщающее живописные берега Дуная, въ то время, какъ атаманъ, терзаемый угрызеніями совѣсти, воспоминаетъ невинныя забавы своего дѣтства и цвѣтушія долины, окружавшія родительской домъ; наконецъ, эта поразительная, меланхолическая сцена въ лѣсу, при свѣтѣ луны, вблизи стараго подземелья, откуда вырываются вопли старика-отца, приведеннаго въ отчаяніе — все это, что еще и теперь поражаетъ душу и дѣлаетъ «Разбойниковъ» Шиллера замѣчательнымъ произведеніемъ, должно было произвести истинный энтузіазмъ въ сердцахъ первыхъ слушателей и обольстить ихъ свѣжія и пылкія души.

Но если трагедія «Разбойники» и пользовалась такою лестною народностію, тѣмъ не менѣе, въ то же время, она была предметомъ порицанія и безпокойствъ для другаго класса публики. Бомба, упавшая вдругъ

посреди мирнаго города, не произвела бы такого ужаса, какой произвела неистовая драма Шиллера въ спокойныхъ маленькихъ Герцогствахъ Германіи, привыкшихъ къ мирнымъ звукамъ Геллерта и Гегедорна, и смотрѣвшихъ на произведенія Бюргера и Виланда, какъ на *plus ultra* нововведеній. Въ наше время насъ болѣе трогаетъ бѣшеная восторженность Моора, нежели мнимое величіе его предпріятія: мы улыбаемся, смотря на его гигантскія мечты произвести переворотъ въ нравственномъ и политическомъ мірѣ посредствомъ разбоя на большихъ дорогахъ. Грубое величіе нѣкоторыхъ картинъ въ драмѣ внушаетъ намъ какое-то непріятное чувство; мы находимъ ребячествомъ мелодраматическую выходку мошенниковъ, которые за одинъ разъ выпиваютъ по цѣлой бутылкѣ водки, и, въ числѣ не болѣе восьмидесяти человѣкъ, обращаютъ въ бѣгство восемьсотъ солдатъ; мы не можемъ не видѣть совершеннаго незнанія свѣта, выказаннаго въ каждомъ словѣ этой драмы, незнанія, сознанаго самимъ поэтомъ, незнанія, которое, какъ онъ самъ говоритъ, было «слѣдствіемъ того, что онъ хотѣлъ нарисовать людей, за два года ранѣе, чѣмъ встрѣтилъ одного человѣка.»

Шиллеръ предугадывалъ глубокое впечатлѣніе, которое должна была произвести его драма. «Книга, которую я пишу», говорилъ онъ Шарфенштейну: «будетъ, можетъ быть, сожжена рукою палача.» И это предсказаніе частію оправдалось: на «Разбойниковъ» смотрѣли, какъ на дерзкую и непозволительную выходку противъ нравственности; нелѣпыя слухи, разсѣваемые вра-

гами поэта, породили беспокойство на счетъ эффекта, произведеннаго драмою Шиллера: говорили, будто молодой, богатый и образованный дворянинъ, увидавъ её на сценѣ, сдѣлался разбойникомъ и, въ послѣдствіи, погибъ на эшафотѣ.

Съ горящею, исполненною мечтаній и плановъ, головою возвратился Шиллеръ въ Штутгартъ. Здѣсь горячку его охолодилъ двухъ-недѣльный арестъ, потому что онъ ѣздилъ въ Мангеймъ, не взявши надлежащаго отпуска. Поэта могло утѣшить всеобщее вниманіе. Молодежь бредила его Карломъ; впечатлѣніе было столь сильно, что въ университетахъ и училищахъ составлялись даже братства освободителей чело-вѣчества, и клялись преслѣдовать злодѣйство и несправедливость.

Разумѣется такого направленія нельзя было ни одобрить, ни позволить. *Освободителей чело-вѣчества* запирали въ карцеры, и имя Шиллера съ негодованіемъ произносили люди благочестивые. Желчные критики послѣдовали за успѣхомъ автора и твореніе его представляли безнравственнымъ. Наконецъ послѣдовала и формальная жалоба отъ жителей Граубиндена, которыхъ въ «Разбойникахъ» называли «промышленниками большихъ дорогъ». Напрасно поэтъ оправдывался, что это говорятъ разбойники, и странно почитать его собственнымъ мнѣніемъ, что влагается въ уста сценическихъ злодѣевъ. Именнымъ повелѣніемъ Герцога запрещено было Шиллеру печатать что-либо другое, кромѣ медицинскихъ сочиненій.

Поэтъ не смѣлъ противорѣчить, хотя не могъ скрыть своего негодованія, и не думалъ слушаться приказа. Герцогъ вскорѣ узналъ, что, вопреки его запрещенію, Шиллеръ вступилъ въ участіе по изданію газеты, начатой профессоромъ Абелемъ и библіотекаремъ Петерсеномъ, подъ названіемъ: «Вюртембергскій Литературный Реперторій» (*Württembergisches Repertorium der Literatur*), гдѣ помѣщены были, безъ имени автора, Шиллеровы статьи: *Ueber das gegenwürdige deutsche Theater*; *Der Spaziergang unter den Linden*; *Eine grossmüthige Handlung der neuesten Geschichte* и нѣсколько рецензій. Тогда же издавалъ онъ съ Штейнлицомъ «Антологію», написавши къ ней предисловіе отъ «Тобольскаго жителя» и посвятивъ ее смерти. Всѣ эти шалости поэта произвели только то, что Герцогъ, не снимая запрещенія, велѣлъ Шиллеру, прежде печатанія, представлять стихи и прозу на его собственное разсмотрѣніе, потому что, говорилъ Герцогъ, онъ находитъ ихъ писанными въ дурномъ вкусѣ.

Это совершенно разсердило поэта, и онъ рѣшился навсегда оставить отечество, гдѣ не было свободы его гевію. Сначала вздумалъ было онъ просить увольненія, но получилъ отказъ. Герцогъ не хотѣлъ съ нимъ разстаться. Во время пребыванія Великаго Князя Павла Петровича въ Штутгартѣ, въ октябрѣ 1782 года, когда всѣ заняты были праздниками, Шиллеръ ушелъ ночью пѣшкомъ изъ столицы, съ нѣсколькими талерами въ карманѣ, и подъ чужимъ именемъ укрылся въ окрестностяхъ Мейнингена. Герцогъ не думалъ его

преслѣдовать; изъявилъ только искреннее сожалѣніе отцу Шиллера, что сынъ его, одаренный необыкновеннымъ талантомъ, увлекается юношескою пылкостью. Все, что было потомъ писано Шиллеромъ, Герцогъ всегда читалъ съ особеннымъ участіемъ, и продолжалъ покровительствовать отцу его, который напрасно звалъ своего сына, увѣряя, что все давно забыто. До самой кончины Герцога, въ 1793 году, Шиллеръ не смѣлъ явиться въ Штутгартъ, — и тогда только старикъ отецъ, со слезами радости, обнялъ своего сына, уже знаменитаго литератора въ Германіи, уже отца семейства, уже страдальца жизни по другимъ отношеніямъ, которыхъ не могъ понять добрый старикъ. Бурны и тревожны были эти десять лѣтъ, протекшіе современи бѣгства Шиллера изъ отчизны. Душа его перекипѣла въ страстяхъ, наслажденіяхъ, лишеніяхъ, торжествахъ, паденіяхъ, и когда имя его съ почтеніемъ произносили другіе, самъ поэтъ готовъ былъ предаться отчаянію отъ сознанія своего ничтожества.

Мы сказали, что Шиллеръ, укрылся въ Мейнингенѣ. Не желая требовать ни чьей помощи, онъ нанялся въ учителя дѣтей баронессы Вольцогенъ, съ старшимъ сыномъ которой былъ знакомъ въ Штутгартѣ. Беззаботно, съ мечтами и восторгами, прожилъ онъ цѣлый годъ въ Бауербахѣ, помѣстьѣ баронессы. Здѣсь написалъ «Заговоръ Фіеско», *республиканскую* трагедію и «Коварство и Любовь», *мѣщанскую* трагедію. Съ ними спѣшилъ онъ въ Мангеймъ — опять съ мечтами, которыя не могли осуществиться.

Таково было и на всегда осталось свойство души Шиллера: онъ не умѣлъ ничего ни чувствовать, ни любить въ половину. Всего себя отдавалъ онъ увлекающей его идеѣ, и съ дѣтскою довѣренностью къ людямъ и своимъ силамъ, принимался онъ за то, что поражало его, создавая цѣлый міръ идей, которыя мечталъ осуществить. Слѣдствіемъ такого безотчетнаго и безграничнаго стремленія всегда было разочарованіе, уныніе, упадокъ духа, даже отвращеніе отъ того, чему предавался онъ, не говоря о неровности характера и самыхъ дѣйствій. Иногда, изумивъ своею дѣятельностью, Шиллеръ вдругъ дѣлался безпечнымъ, невнимательнымъ. Изъ восторженной радости переходилъ онъ въ грусть, даже въ отчаяніе. То бросался къ людямъ, какъ къ братьямъ, видѣлъ въ знатныхъ и сильныхъ — благодѣтелей, покровителей, то, разочарованный людьми, смотрѣлъ на нихъ, какъ на чудовищъ эгоизма, рабовъ суеты, и въ прежнихъ покровителяхъ и благодѣтеляхъ находилъ притѣснителей ума, угнетателей всякаго свободного порыва. Но разлюбить людей никогда не могла пламенная душа Шиллера, и весь упрекъ, все бремя взыскательности за обманъ и разочарованіе падало на него самого. Онъ считалъ себя во всемъ виноватымъ, не довѣрялъ даже ни своей добродѣтели, ни своему гению. Такъ, съ восторгомъ принимаясь за трудъ, онъ терялъ силы на половинѣ пути, ужасался предлежавшаго подвига, готовъ былъ разрушить все уже созданное, и плакать на развалинахъ творенія, въ которое переливалъ всю свою душу, все бытіе свое.

Здѣсь разгадка Шиллера, его жизни, его твореній, переменны въ образѣ его мыслей. Такихъ людей мирить съ свѣтомъ и съ самимъ собою — только могла . . .

Съ двумя трагедіями своими, съ планами другихъ, съ мыслию преобразовать театръ нѣмецкій, составить общество драматурговъ, создать актеровъ, авторовъ и публику, явился Шиллеръ въ Мангеймъ.

Между тѣмъ Штрейхеръ, одинъ изъ лучшихъ друзей Шиллера, постарался предупредить Мейера, директора Мангеймскаго театра, что поэтъ привезъ съ собою драму, которая далеко превосходитъ «Разбойниковъ». Назначили день для чтенія «Фіеско», въ присутствіи отличнѣйшихъ артистовъ труппы: Иффланда, Бейля, Бека, и нѣкоторыхъ другихъ, которые всячески старались показать свое уваженіе къ автору «Разбойниковъ». Съ лестнымъ нетерпѣніемъ ожидали они чтенія новой драмы, и добрый Штрейхеръ впередъ уже радовался торжеству своего друга. Первый актъ былъ прослушанъ съ глубокимъ молчаніемъ, безъ малѣйшаго звука одобренія. Когда онъ кончился, Бейль вышелъ изъ залы на цыпочкахъ. Къ концу втораго акта разошлись всѣ, исключая Иффланда. Тогда Мейеръ, отведя всторону Штрейхера, серіозно спросилъ его: не ужели Шиллеръ дѣйствительно авторъ «Разбойниковъ»? и присовокупилъ что, вѣроятно, Шиллеръ истратилъ на первую свою трагедію весь свой талантъ, потому что вторая его драма насравненно ниже первой. Что касается бѣднаго Шиллера, то, видя дѣй-

ствіе, какое произвело на слушателей его чтеніе, онъ въ отчаяніи убѣждалъ домой, отдавъ манускриптъ своей драмы директору, который обѣщалъ ему пробѣжать ее еще разъ. Оставшись на единѣ съ Штрейхеромъ, Шиллеръ, послѣ долгаго грустнаго молчанія сказалъ ему, что если его драму не примутъ на театръ, то самъ онъ сдѣлается актеромъ, въ той увѣренности, что никто не умѣетъ такъ хорошо декламировать, какъ онъ. Шиллеръ, вѣроятно, забылъ хохотъ, съ которымъ, за нѣсколько лѣтъ дотога, онъ былъ встрѣченъ своими академическими товарищами, когда вздумалъ декламировать передъ ними свои первые опыты. Къ счастью Шиллеру не пришлось идти въ актеры: когда Штрейхеръ, съ трепетомъ въ сердцѣ, явился на другой день за рукописью, Мейеръ, увидя его, закричалъ: «Фіеско» — чудо! онъ гораздо лучше для сцены, чѣмъ «Разбойники»! Но, чортъ возьми, вашъ другъ декламируетъ такъ ужасно, его швабской акцентъ такъ несносенъ, что вчера никто немогъ дослушать пьесы до конца. Онъ поётъ всѣ роли на одинъ ладъ, и говоритъ — *затворите дверь* точно такимъ же тономъ, какъ-будто бы говорилъ — *спасите отечество!*»

Успокоенный на счетъ драмы, поэтъ долженъ былъ подумать о своей судьбѣ: извѣстія, получаемыя изъ Штутгарта, говорили, что жить въ Мангеймѣ ему не безопасно. Шиллеръ рѣшился отправиться во Франкфуртъ. Ему приходилось идти пѣшкомъ, потому что двадцать флориновъ, взятые имъ съ собою изъ Штутгарта, были почти истрачены, а онъ не могъ ожидать никакой

помощи отъ своего семейства. Вѣрный Штрейхеръ не оставилъ своего друга въ этой крайности: онъ написалъ къ своей матери, прося выслать ему тридцать флориновъ, и, въ надеждѣ на будущую помощь, наши изгнанники пустились въ дорогу. Путь былъ дологъ, а Шиллеръ вовсе непривыкъ къ ходьбѣ. Прибывъ въ Дармштатъ, послѣ двадцати-часоваго пути, друзья нѣсколько отдохнули, но сонъ ихъ былъ вскорѣ прерванъ боемъ барабана. Музыка, къ которой Шиллеръ имѣлъ особенное отвращеніе, напомнила ему строгую дисциплину вюртембергской академіи. Оба бѣглеца, говоритъ Гофмейстеръ, снова пустились въ дорогу рано утромъ. Утомленные ходьбою, они медленно подвигались впередъ и безпрестанно останавливались, чтобъ подкрѣплять силы киршвассеромъ. Около полудня, они зашли въ небольшой трактиръ, надѣясь найти необходимый для Шиллера отдыхъ; но трактиръ былъ наполненъ посѣтителями, и хозяйева такъ грубы, что, черезъ нѣсколько минутъ, наши странники принуждены были снова отправиться въ путь. Шиллеръ едва держался на ногахъ; лицо его съ каждой минутой становилось блѣднѣе. Дойдя до небольшого лѣса, Шиллеръ сказалъ своему другу, что хочетъ немного заснуть, потому что рѣшительно не имѣетъ силъ дойти къ вечеру до Франкфурта. Онъ легъ на землю и заснулъ подъ тѣнью дерева, между-тѣмъ какъ Штрейхеръ, сидя рядомъ, грустно глядѣлъ на истомленное лицо своего друга — бѣднаго, гонимаго судьбой, истощеннаго усталостью . . . А этотъ несчастный былъ

одинъ изъ величайшихъ поэтовъ, — будущая слава Германіи?

Отдыхъ въ Бауербахѣ укрѣпилъ его силы. Романическая привязанность къ дочери своей благодѣтельницы, Шарлоттѣ фонъ-Вольцогенъ, вскорѣ нарушила спокойствіе, которымъ онъ наслаждался, и грозила прервать дружескія отношенія его къ этому семейству. Къ счастью неожиданное предложеніе со стороны барона Дальберга заставило Шиллера воротиться въ Мангеймъ, гдѣ, въ сентябрѣ 1783 года, онъ заключилъ съ тамошнимъ театромъ условіе, по которому обязался, втеченіи года, представить дирекціи три піэсы: «Заговоръ Фіеско», «Коварство и Любовь» и «Донъ Карлоса», за сумму трехъ-сотъ нѣмецкихъ флориновъ и представленія по одному разу каждой изъ этихъ трехъ драмъ въ его пользу.

«Фіеско» и «Коварство и Любовь» были наконецъ отданы въ дирекцію. Не стану входить въ критическій разборъ этихъ драмъ: мнѣніе публики объ нихъ давно уже утвердилось. Публика увидѣла, какіе быстрые успѣхи сдѣлалъ авторъ въ познаніи человѣческаго сердца и сцены, и первое представленіе драмы «Коварство и Любовь» привело ее въ восторгъ.

Шиллеръ былъ въ театрѣ и не отводилъ глазъ отъ сцены. Второй актъ былъ сыгранъ съ такимъ жаромъ, такъ увлекательно, что, по опущеніи занавѣса, публика встала и привѣтствовала автора громомъ рукоплесканій. Глубоко тронутый Шиллеръ всталъ и, на это лестное привѣтствіе публики, отвѣчалъ покло-

номъ: его взглядъ, его осанка были проникнуты сознаниемъ своего таланта и глубокимъ чувствомъ признательности и удовольствія. Такое мгновеніе вознаграждало поэта за многіе годы испытаній и трудовъ. Онъ почувствовалъ тогда, что можетъ безъ стыда явиться къ своему семейству, но не хотѣлъ еще такъ скоро показаться въ Штутгартѣ. Бреттенъ, городокъ на границѣ Вюртемберга, былъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Шиллеръ, послѣ долгой разлуки, свидѣлся, на нѣсколько часовъ, съ своими родными.

Въ это время Германское Литературное Общество избрало Шиллера въ свои члены, а Герцогъ Веймарскій пожаловалъ ему титулъ *совѣтника*. Это званіе не приносило Шиллеру ни какихъ денежныхъ доходовъ, но давало извѣстное мѣсто въ обществѣ и, въ послѣдствіи, обѣщало повышеніе. Видя, что ему открывается лучшая будущность, и чувствуя, что здоровье его поправляется, Шиллеръ задумалъ жениться. Въ одномъ письмѣ къ госпожѣ фонъ-Вольцогенъ, онъ живо описываетъ свое положеніе и даетъ замѣтить, что желалъ бы назваться ея сыномъ. Фрау фонъ Вольцогенъ почла благоразумнѣе смотрѣть на это предложеніе, какъ на мечту поэта, и ничего не отвѣчала. Страсть Шиллера постепенно ослабѣла и замѣнилась любовью къ прекрасной и интересной дочери книгопродавца Швана, которая сдѣлалась Лаурою многихъ его стихотвореній. Эта вторая привязанность имѣла такія же неудачныя послѣдствія. Уважая поэта и удивляясь его талантамъ, Шванъ полагалъ однакожь, что человѣкъ,

обремененный долгами, не имѣющій прочнаго положенія въ обществѣ, негодится въ мужа его дочери. Онъ также отказалъ. Но Шиллеръ и Лаура навсегда остались искренними друзьями.

Шиллеръ окончилъ свою драму «Донъ-Карлосъ» въ Дрезденѣ, в теченіи 1786 года. Нѣкоторые изъ нея отрывки были помѣщены уже въ «Талии». Въ этомъ прекрасномъ произведеніи все показываетъ замѣчательныя усовершенствованія въ авторѣ. Здѣсь въ первый разъ насъ поражаетъ сосредоточенность въ чувствованіяхъ, которую внушило поэту изученіе свѣта, исторіи и философіи. Бѣдное сатирическое направленіе ума, подъ вліяніемъ котораго написаны были «Разбойники» и «Коварство и Любовь», смягчилось опытностію и великодушнымъ снисхожденіемъ къ слабостямъ людей. Но и въ этой драмѣ главное достоинство состоитъ также въ описаніи характеровъ, которые, исключая одного, не естественны. Сначала Шиллеръ хотѣлъ было представить вѣрное изображеніе испанскаго двора во времена короля Филиппа II, но вскорѣ измѣнилъ планъ: цѣль пьесы сдѣлалась космополитическою, и «Донъ-Карлосъ», первоначальный герой драмы, уступилъ мѣсто величественной и блистательно-освѣщенной фигурѣ маркиза Позы. Вмѣсто страстей и придворныхъ интригъ, авторъ вывелъ на сцену борьбу деспотизма съ духомъ независимости. Когда подобнаго рода отвлеченности вмѣшиваются въ дѣло композиціи, характеры всегда теряютъ свою особенность, потому что становятся олицетвореніемъ выраженныхъ ими мнѣній. Поза

очаровываетъ насъ своимъ краснорѣчіемъ, своимъ, исполненнымъ чувствительности, энтузіазмомъ, величіемъ и благородствомъ своихъ чувствованій; но разумъ говоритъ намъ, что такія души не могутъ и не должны рождаться въ подобную эпоху. Точно такъ же, какъ въ Карлѣ Моорѣ, Фіеско и Фердинандѣ, видѣнъ Шиллеръ юноша — и въ маркизѣ Поза. Шиллеръ является человѣкомъ важнымъ, спокойнымъ, философомъ, но человѣкомъ, сохранившимъ свою глубокую чувствительность, теплоту души, пламень воображенія, свою симпатію ко всѣмъ идеямъ, которыя стремятся къ утопіи.

Во всей этой драмѣ, только одинъ характеръ очерченъ сильнѣе и вѣрнѣе прочихъ: это характеръ Филиппа. Согласно съ исторіей, Шиллеръ далъ Филиппу нравъ меланхолическій, сердце холодное, фанатическую набожность, гордость, не знающую предѣловъ и непомерное властолюбіе. Филиппъ не лишенъ совершенно чувства совѣсти, твердо держится понятій, которыя составилъ себѣ о добрѣ и злѣ; онъ жестокъ по природѣ и считаетъ позволительными всѣ средства, когда дѣло идетъ о распространеніи собственнаго величія и могущества инквизиціи. Свѣтъ и характеръ отчуждаютъ отъ него жену и сына; привычка наблюдать людей научила его не довѣрять эгоистамъ, льстецамъ. Ясно, что такой человѣкъ очень легко можетъ быть тронутъ, на мгновеніе, пылкимъ краснорѣчіемъ маркиза Позы: онъ можетъ увлечься надеждою найти въ этомъ молодомъ энтузіастѣ подпору, которая ему не измѣнитъ, на-

перстника, которому иногда можно повѣрить свои тревоги, свои подозрѣнія и глубокую горестъ сердца. Но, впрочемъ, Поза льститъ самолюбію монарха, дѣлая его повѣреннымъ своихъ великодушныхъ мечтаній. Мгновенная власть, которую беретъ Поза надъ Филиппомъ, весьма естественна, и Шиллеръ схватилъ ее чрезвычайно вѣрно.

Не стану исчислять въ подробности всѣхъ красотъ этой трагедіи. Скажу только, что ни одно изъ драматическихъ произведеній прошедшаго столѣтія, исключая «Валенштейна», трагедіи того же автора, не представляетъ намъ сценъ болѣе трогательныхъ, болѣе поразительныхъ, какъ сцена свиданія Позы съ Филиппомъ и сцены, въ пятомъ актѣ, гдѣ великій инквизиторъ, слѣпецъ, согбенный годами, вдругъ, подобно привидѣнію, является по среди лицъ полныхъ жизни, среди толпы придворныхъ, трепещущихъ отъ страха, и монархъ, властитель судебъ почти цѣлой Европы, преклоняетъ свою вѣнчанную голову передъ этимъ представителемъ судьбы.

«Донъ Карлосъ» составляетъ эпоху въ литературномъ поприщѣ Шиллера. Въ это время, онъ исключительно предался изученію исторіи философіи, и пылкость воображенія, которою отличаются первыя его произведенія, уступила мѣсто сочиненіямъ болѣе правильнымъ, болѣе согласнымъ съ законами искусства, болѣе классическимъ и болѣе созерцательнымъ. Окончивъ «Донъ Карлоса» Шиллеръ пересталъ на нѣкоторое время заниматься поэзіею. Въ промежуткѣ време-

ни между изданіемъ «Донъ Карлоса» въ 1786 и первою идеею «Валенштейна» въ 1791 году, труды Шиллера были преимущественно критическіе, философическіе и историческіе. Единственное произведеніе, написанное Шиллеромъ втеченіи этого періода времени, сочиненное, въ которомъ видно философическое направленіе, соединенное съ прелестью вымысла — «Духовидѣцъ». Это только отрывокъ, но отрывокъ, исполненный занимательности, который, можетъ быть, потерялъ бы много, еслибъ былъ полнѣе. Прежде нежели разбирать «Духовидца», вспомнимъ, что онъ былъ первый и лучшій опытъ въ сочиненіяхъ этого рода, единственное произведеніе, которое можно читать съ удовольствіемъ, одно, въ которомъ суевѣрное направленіе ума человѣческаго обработано такъ, что удовлетворяетъ и воображенію и философическимъ изысканіямъ. Слогъ этого отрывка — мастерское произведеніе пера; простота, столь противоположная съ мрачнымъ и фаталистическимъ характеромъ событій, простодушіе, небрежность, соединенныя съ рассказомъ, исполненнымъ движенія, заставляютъ сожалѣть, что Шиллеръ не занялся прилежнѣе сочиненіемъ романовъ.

Скептическое расположеніе ума Шиллера, его отвращеніе отъ нѣкоторыхъ вѣрованій, замѣтное уже въ «Духовидцѣ», становятся еще очевиднѣе въ «Философскихъ Письмахъ» — самомъ тягостномъ для сердца изъ всѣхъ его произведеній. Но это чувство выражается еще сильнѣе въ поэтическомъ сѣтованіи объ утраченной славѣ древней мифологіи. Піэса, наз-

ванная «Боги Греції», — одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній втораго періода жизни Шиллера.

Изъ Дрездена Шиллеръ переѣхалъ въ Веймаръ. Дружескій пріемъ Гердера и Виланда, благосклонность Герцога и герцогини Амаліи, незабвенной тѣмъ покровительствомъ наукъ и просвѣщенію, которое доставило Веймару названіе германскихъ Аѳинъ, всеобщее уваженіе, съ какимъ встрѣтили Шиллера, очаровали его. Онъ потерялъ даже тогда свою всегдашнюю робость и неловкость при сближеніи съ незнакомыми, особливо знатными людьми. Его изумляла простота обращенія при герцогскомъ дворѣ. Гёте жилъ уже въ Ваймарѣ съ 1776 года, и въ 1779 году получилъ чинъ тайнаго совѣтника. Гердеръ переселился въ Веймаръ въ 1775 году, и имѣлъ званія придворнаго проповѣдника, генераль-суперъ-интендента и консисторіальнаго совѣтника. Виландъ, бывшій воспитателемъ двухъ саксенъ-веймарскихъ принцевъ, переселился въ Веймаръ съ 1772 года. Шиллеръ не засталъ тогда Гёте въ Веймарѣ: онъ былъ въ Италіи. Гердеръ и Виландъ приняли Шиллера, какъ стараго друга. Благоговѣйно смотрѣлъ Шиллеръ на знаменитаго Гердера, но старикъ Виландъ, не смотря на лѣта, казался добрымъ ровесникомъ Шиллеру. «Wieland ist jung, wenn er liebt», говорилъ объ немъ Шиллеръ. Дѣятельное участіе принялъ Шиллеръ въ «Нѣмецкомъ Меркуріѣ», и напечаталъ въ немъ: «Боги Греції», «Художниковъ», отрывки изъ «Исторіи Освобожденія Нидерландовъ», «Письма о Донъ Карлосѣ», и проч. Изъ «Обе-

рона» Виланда принимался онъ тогда дѣлать оперу. Бесѣды съ Виландомъ увлекли Шиллера въ міръ Греціи. Онъ влюбился въ древнюю Элладу, перевелъ Эврипидову «Ифигенію въ Авлидѣ», часть его «Финикіянокъ», хотѣлъ потомъ переводить Эсхилова «Агамемнона». Съ особеннымъ удовольствіемъ принято было прошеніе его о мѣстѣ профессора въ Іенскомъ университетѣ. «Мнѣ кажется, что я переселенъ въ Аѳины», писалъ Шиллеръ: «Живу съ людьми, которыми гордится Германія!» Испросивъ себѣ годъ времени на приготовленіе къ должности, Шиллеръ поѣхалъ въ Бауербакъ и Рудольштадтъ. Здѣсь неожиданно встрѣтилъ онъ Гёте. Первое свиданіе не было вполнѣ благопріятно. Шиллеръ увидѣлъ господина тайнаго совѣтника Гёте въ большомъ обществѣ, гдѣ онъ явился блестящимъ, придворнымъ человѣкомъ, и испугалъ бѣднаго, робкаго Шиллера своею свѣтскою любезностью, своимъ живымъ разговоромъ, своими разсказами объ Италіи, откуда Гёте тогда возвращался. «Вообще идея о величіи Гёте, какую составилъ я себѣ, не измѣнилась отъ личнаго знакомства моего съ нимъ», писалъ Шиллеръ: «но сомнѣваюсь, чтобы когда-нибудь могли мы съ нимъ сблизиться. Многое, что еще занимаетъ меня, чего я желаю, чего я надѣюсь, уже кончилось для Гёте. Онъ не такъ созданъ, какъ я. Его свѣтъ не мой свѣтъ, и нашъ образъ воззрѣнія, кажется, существенно различенъ. Тутъ ничего не можетъ быть ни вѣрнаго ни основательнаго. Впрочемъ, время покажетъ, чего ожидать далѣе». Представленный своимъ другомъ Воль-

цогеномъ семейству Ленгефельдъ, Шиллеръ почувствовалъ искреннюю привязанность къ младшей дочери Ленгефельда, и эта привязанность составила, впоследствии, счастіе его жизни.

Шарлотта Ленгефельдъ была молода и очень хороша собой. Она казалась поэту его ангеломъ-хранителемъ, и была дѣйствительно такова, соединяя нѣжное сердце съ пламенной головою. Она видѣла въ Шиллерѣ идеалъ поэта и человѣка. Она требовала отъ него стиховъ. Поэзія, отвергнутая неблагодарнымъ поэтомъ, снова воспламенила Шиллера. Новыя, прелестныя, исполненныя жизни, созданія поэтическія рождались по волѣ Шарлотты. Но мечта быть положительнымъ человекомъ соединилась тогда у Шиллера съ новымъ желаніемъ — быть супругомъ Шарлотты. Семейная жизнь казалась ему идеаломъ земного счастья. Исканія Шиллера были одобрены съ самого начала, и для заключенія брака ожидали только опредѣленія его къ какому нибудь мѣсту. Весною 1789 года Шиллеръ занялъ свою профессорскую кафедру въ Іенѣ. Въ февралѣ 1790 года женился онъ на своей Шарлоттѣ. Это было самое счастливое время въ жизни Шиллера. Ему исполнилось тогда тридцать лѣтъ. Десять лѣтъ прожилъ онъ въ Іенѣ, и здѣсь любовь супруги, рожденіе двухъ сыновей и двухъ дочерей, спокойное занятіе, обеспеченное состояніе (такъ, что онъ могъ купить себѣ домикъ и садъ въ окрестностяхъ Іены) — все могло успокоить тревожную душу поэта. Кромѣ поѣздки въ Штутгартъ для свиданія съ отцомъ (который скончал-

ся уже въ 1796 году), и частыхъ поѣздокъ въ Веймаръ, Шиллеръ не оставлялъ Іены, гдѣ окружало его избранное общество друзей, и обожавшихъ его многочисленныхъ учениковъ. Паулусъ, Шютцъ, Гуфеландъ, Рейнгольдъ, братья Гумбольты — были всегдашними собесѣдниками Шиллера. Его умъ, знанія, характеръ — дѣлали дружескія связи съ нимъ столь крѣпкими, что, разставаясь, друзья продолжали бесѣдовать съ нимъ письменно, и потому переписка Шиллера составляетъ драгоцѣнную психологическую и литературную лѣтопись жизни многихъ замѣчательныхъ людей Германіи его времени.

Съ 1791 года онъ началъ чувствовать ослабленіе здоровья, часто бывалъ боленъ, и особливо страдалъ грудною болѣзнью. Не смотря на то, онъ трудился безпрерывно. Кромѣ лекцій, тщательно приготовляемыхъ, Шиллеръ участвовалъ во многихъ предпріятіяхъ литературныхъ: писалъ рецензіи въ «Іенскія Литературныя Вѣдомости», занимался изданіемъ «Записокъ», которыхъ напечатали двѣнадцать томовъ, съ 1790 по 1801 годъ, Паулусъ и Вольтманъ, и «Нѣмецкаго Плутарха». Журналъ, начатой имъ подъ именемъ «Рейнской Таліи», и продолжаемый подъ названіемъ просто «Таліи», прекратился въ 1791 году. Два слѣдующіе года выдавалъ онъ «Новую Талію», а въ 1795 году предложилъ Гёте, Гумбольту и всѣмъ современнымъ знаменитостямъ — издавать журналъ «лучшій, какой только можно составить». Подъ именемъ: «Часы» (Horen) журналъ этотъ выходилъ до 1797 года. Въ

1797 году Шиллеръ началъ «Альманахъ Музъ». Первая часть «Духовидца» выдана была въ 1789 году; ее перепечатывали нѣсколько разъ, но напрасно публика требовала продолженія романа, и книгопродавцы предлагали дорогую цѣну за его рукопись — Шиллеръ не могъ ни продолжать, ни кончить его. Такъ не оканчивалъ онъ своей «Исторіи Освобожденія Нидерландовъ», начало которой издано было въ 1788 году. Ревностно взялся онъ за предложеніе написать: «Исторію Тридцатилѣтней Войны», но написалъ также только начало, помѣщенное въ «Историческомъ Альманахѣ» 1791 года. Тщетно просили у него продолженія послѣ необыкновеннаго успѣха начала.

Все это не показываетъ ли, что перемѣна жизни и общественныхъ отношеній не укротила тревожнаго, бурнаго духа Шиллера? Да, онъ не укротился, былъ и остался прежнимъ — тревожнымъ, восторженнымъ, недовольнымъ собою, обвиняющимъ себя....

Трудъ не убиваетъ, какъ бы ни былъ онъ великъ, если онъ уравновѣшенъ съ силами, и если духъ человека доволенъ самимъ собою. У Шиллера не было ни того ни другаго условія.

Онъ убивалъ себя чрезвычайностью труда, несоизмѣрностью его съ тѣлесными силами, и еще болѣе — безпорядкомъ своихъ занятій. День Шиллера посвященъ былъ обществу друзей, прогулкѣ, семейству, чтенію, отдыху; съ наступленіемъ ночи онъ садился за работу, просиживалъ до утра, для подкрѣпленія бодрости силъ, пилъ шоколадъ, кофе, шампанское.

Голова его горѣла, мысли кипѣли и слабое тѣло сгарало въ огнѣ духа. Сосѣди видали иногда, какъ онъ одинъ, среди ночной тишины, ходилъ, бѣгалъ по комнатахъ, читалъ, декламировалъ, говорилъ и разсуждалъ громко самъ съ собою, принимался писать, и, бросая перо, сидѣлъ въ глубокой задумчивости...

Почувствовавъ, что силы возвратились, Шиллеръ снова принялся за свои литературныя занятія. Окончивъ «Исторію Тридцатилѣтней Войны», онъ, со всею пылкостью своего характера, предался трансцендентальной философіи, преимущественно той части этой науки, которая разсуждаетъ о подражательныхъ искусствахъ и ихъ нравственномъ вліяніи. Длинный рядъ критическихъ и философическихъ сочиненій: «О граціи и достоинствѣ», «О простодушномъ и чувствительномъ», «О трагическомъ искусствѣ», «О страстномъ» — вскорѣ показали публикѣ, что Шиллеръ не бесполезно изучалъ философію. Критическія статьи объ «Эгмонтѣ» Гёте и поэтическихъ произведеніяхъ Маттисона — доставили ему случай изложить свое мнѣніе о драматургіи, и опредѣлить, какое мѣсто должна занимать описательная поэзія. Эти труды были часто прерываемы физическими страданіями; но его непобѣдимая твердость торжествовала надъ всѣми препятствіями, и Шиллеръ съ одра болѣзни бросалъ еще въ міръ свои произведенія, полныя жизни и силы.

Въ это время онъ началъ своего «Валенштейна». Страсть къ поэзіи снова имъ овладѣла; но поэтъ чувствовалъ потребность занять свое воображеніе пред-

метами существенными и положительными, и, вмѣсто сантиментальныхъ лирическихъ произведеній, занялся балладою. Примѣръ подалъ ему Гёте, въ своей «Коринѣской Невѣстѣ». Въ это-то время написалъ Шиллеръ прекрасныя стихотворенія: «Торжество Побѣдителей», «Жалоба Цереры», «Поликратовъ Перстень», «Ивиковы Журавли», «Геро и Леандръ», «Кассандра», «Водолазъ», «Графъ Габсбургскій», «Сраженіе съ Дракономъ», «Фридолинъ», «Рыцарь Тогенбургъ» и другія, которыя обнаруживаютъ въ поэтѣ намѣреніе замѣнить идеальныя отвлеченности живописаніемъ дѣйствительности. Шиллеръ долго колебался между эпическою поэмою, которой героемъ былъ бы Густавъ-Адольфъ или Фридрихъ Прусскій, и драматическимъ сюжетомъ, въ которомъ онъ хотѣлъ изобразить воинскій и вмѣстѣ религіозный духъ мальтійскихъ рыцарей; наконецъ онъ остановился на «Валенштейнѣ», о которомъ первая идея пришла ему во время пребыванія въ Карлсбадѣ, и изъ котораго нѣкоторые отрывки были уже написаны. Однако прошло еще три года, прежде чѣмъ «Валенштейнъ» былъ конченъ. Шиллеръ нѣсколько разъ измѣнялъ планъ этой драмы. Сначала онъ написалъ-было ее прозой, потомъ переложилъ въ бѣлые стихи. Иногда, особенно въ темные зимніе вечера, онъ хотѣлъ совершенно отказаться отъ работы: такъ трудны и неблагоприятны казались ему матеріалы, которыми онъ долженъ былъ пользоваться; но вскорѣ природная гибкость ума восторжествовала; онъ съ жаромъ принялся за работу, особенно, когда возвратив-

шаяся весна дала ему возможность жить въ своемъ любимомъ павильонѣ, который онъ выстроилъ въ саду на дачѣ своей, близъ Іены.

Въ этомъ-то уединеніи Шиллеръ написалъ многія изъ своихъ превосходнѣйшихъ произведеній. Здѣсь родились: «Пѣснь о Колоколѣ», «Прогулка», и здѣсь же былъ конченъ «Валенштейнъ». Павильонъ Шиллера уже болѣе не существуетъ; но мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, есть мѣсто, освященное воспоминаніями, и его съ уваженіемъ показываютъ путешественнику.

Количество историческихъ матеріаловъ, собранныхъ поэтомъ для своей трагедіи, было такъ огромно, что, по совѣту Гёте, онъ призналъ за лучшее раздѣлить сюжетъ на три части, состояющія драматическую трилогію: «Лагерь», «Пикколомини», и «Смерть Валенштейна». Первая драма составляетъ нѣчто въ родѣ пролога къ двумъ слѣдующимъ: въ ней изображена военная жизнь толпы воиновъ, которые, послѣ пятнадцати лѣтъ, проведенныхъ въ сраженіяхъ и въ грабежахъ, собрались наконецъ на равнинахъ Пильсена. Нѣкоторыя обстоятельства, изложенныя въ этомъ прологѣ, обнаруживаютъ уже затруднительное положеніе Валенштейна, и интриги, которыя его окружаютъ; а между-тѣмъ предварительно внушаютъ зрителямъ довѣренность къ могущественному лицу, умѣвшему связать въ одно цѣлое элементы столь различные и столь не покорные. Произвести впечатлѣніе, возбуждаемое прологомъ, было необходимо: автору нужно было сохранить поэтическое превосходство своего героя вте-

ченіи всей драмы «Пикколомини» и въ первыхъ дѣйствіяхъ драмы «Смерть Валенштейна», гдѣ этотъ нерѣшительный вождь ждетъ отъ сочетанія звѣздъ того, къ чему должна бы его побудить природная энергія характера. Общій колоритъ драмы «Лагерь» исполненъ дикой веселости, перерываемой, по временамъ, грубыми остротами и насмѣшками надъ скитальческимъ образомъ жизни солдата. Смѣлая обрисовка характеровъ напоминаетъ портреты Шекспира, когда онъ изображаетъ чернь.

Геній Шиллера переноситъ насъ въ воинственную, полную приключеній атмосферу тридцатилѣтней войны. Въ «Пикколомини», напротивъ, все дышетъ спокойствіемъ и нѣгою: сцены любви Макса и Теклы напоминаютъ идилію. Разсматривая эту драму отдѣльно отъ двухъ другихъ, мы находимъ её чрезвычайно неполною, особенно въ настоящемъ ея видѣ. Первоначально авторъ помѣстилъ въ ней все, что теперь составляетъ два первые акта трагедіи «Смерть Валенштейна»; и кончилъ её въ самую рѣшительную минуту, когда Октавій Пикколомини оставляетъ лагерь Валенштейна, и навсегда расстаётся съ сыномъ. Напротивъ въ драмѣ «Смерть Валенштейна» дѣйствіе быстро подвигается къ неизбѣжной развязкѣ; трагической интересъ увеличивается съ каждою сценою; вліяніе мстительной Немезиды, передъ которою слабѣетъ и трепещетъ желѣзная душа Валенштейна, чувствуется отъ начала до конца драмы.

Въ 1789 году, Шиллеръ оставилъ Іену и посе-

лился въ Веймарѣ, котораго климатъ былъ полезенъ для его здоровья; но лѣтомъ онъ обыкновенно жилъ въ своемъ іенскомъ загородномъ домѣ. Въ Веймарѣ часто видали, какъ Шиллеръ одинъ, съ карандашемъ и бумагой въ рукѣ, прогуливался въ уединенныхъ аллеяхъ парка, или, задумчивый, сидѣлъ въ таинственномъ и мрачномъ гротѣ, не подалеку отъ герцогскаго дворца. Онъ обрабатывалъ тогда свою новую трагедію «Марія Стюартъ», которая вышла въ 1800 году. Эта драма вполне достойна автора «Валенштейна». Въ ней выказывается въ полномъ блескѣ его сценическій талантъ и искусство приводить въ движеніе страсти и волновать души зрителей.

Шесть лѣтъ, прожитыхъ Шиллеромъ въ Веймарѣ, были торжествомъ его. Неразлучный собесѣдникъ Гёте, онъ былъ принятъ въ домашній кругъ Герцога, въ 1802 году пожаловавшаго ему дворянское достоинство. Старикъ Виландъ, бодрый и свѣжій, смягчалъ своею бесѣдою тѣлесныя страданія и душевную грусть, терзавшія иногда Шиллера, при мыслѣ о близкой разлукѣ съ жизнью, съ милыми ему людьми, съ тѣмъ, чего не успѣлъ онъ высказать. Трудъ былъ также наслажденіемъ и развлеченіемъ поэта; и нельзя не изумляться обилію созданій его въ то время. Въ 1799 году данъ былъ на театрѣ веймарскомъ «Валенштейнъ», въ 1800 году — «Марія Стюартъ», въ 1801 году — «Орлеанская Дѣва», 1803 году — «Мессинская Невѣста», а въ 1804 году — «Вильгельмъ Телль». Они, какъ будто, не писались, но, подобно Минервѣ,

вышедшей изъ головы Зевеса, выходили изъ души поэта во всеоружіи.

Каждое изъ этихъ созданій было новымъ вѣнкомъ Шиллера. Но тѣмъ не ограничивались труды его. Переводъ Рассиновой «Федры», Шекспирова «Макбета», Гоцціева «Турандота» и двухъ комедій Пикара — дополнили рядъ его собственныхъ созданій. Онъ, какъ будто, спѣшилъ высказаться, спѣшилъ испытать всѣ разнообразныя роды драмы; и геній его свободно обнималъ классическую трагедію и драму Шекспира, итальянскій фарсъ и трагедію древнихъ.

Въ 1804 году, по случаю праздниковъ, которыми ознаменовано было прибытіе въ Веймаръ супруги наследнаго принца, великой княгини Маріи Павловны, Шиллеръ написалъ лирическую интермедію: «Благоговѣніе Искусствъ», представленную на веймарскомъ театрѣ 12-го ноября.

Нѣсколько плановъ и начатыхъ трагедій найдено было въ бумагахъ Шиллера. Отдавши на театръ «Вильгельма Телля», онъ неутомимо занимался «Димитріемъ Самозванцемъ». Двѣ другія драмы были: «Варбекъ», и «Die Kinder des Hauses», кромѣ «Мальтійскаго Рыцаря», начатаго имъ за нѣсколько лѣтъ прежде.

Но уже онъ былъ жилецъ не здѣшняго міра. Несчастная привычка заниматься по ночамъ, отъ которой не могъ онъ отстать, и усиленная душевная дѣятельность разрушили его. Поѣздка въ Берлинъ, гдѣ самъ онъ ставилъ на сцену «Вильгельма Телля», усилила болѣзнь. Весна 1805 года была послѣднею весною для

Шиллера. Злокачественная лихорадка быстро вела его къ гробу и превратилась наконецъ въ горячку. Шиллеръ лишился памяти, бредилъ, говорилъ о своей новой трагедіи, но въ послѣдніе часы жизни память возвратилась къ нему, онъ узналъ всѣхъ окружавшихъ его, былъ тихъ, спокоенъ, говорилъ о жизни за гробомъ, просилъ похоронить его просто. «Какъ ты себя чувствуешь?» спросили его за нѣсколько минутъ до кончины. «Съ каждой минутою становлюсь спокойнѣе!» отвѣчалъ онъ, — и заснулъ на всегда, утромъ апрѣля двадцать-седьмаго (старого стиля) 1805 года, черезъ два года послѣ Клопштока и Гердера, скончавшихся въ 1803 году. Ему не исполнилось еще сорока шести лѣтъ отъ роду.

Общая печаль сопровождала кончину Шиллера. Плакивали поэта и человѣка. Театръ веймарскій былъ закрытъ. Ночью на тридцатое апрѣля происходило погребеніе Шиллера. Множество народа шло за его гробомъ. Ночь была бурная; облака закрывали мѣсяцъ, но когда надобно было опускать гробъ въ могилу, мѣсяцъ освѣтилъ его сквозь разорванныя облака и снова скрылся въ тучахъ. Такія ночи любилъ Шиллеръ, и не рѣдко выходилъ изъ дому гулять по берегу рѣки, слушать шумъ и гулъ бури. Смерть Шиллера, какъ и нужно было ожидать, произвела сильное впечатлѣніе во всей Германіи. Каждый почувствовалъ всю великость потери. Только теперь стало ясно, какъ его любила Германія, для которой онъ жилъ и трудился. Прекрасное и утѣшительное явленіе, когда нація, за ока-

занное ей довѣріе, отвѣчаетъ такими высокими чувствами!

Благородные труды Шиллера получили заслуженную награду: онъ сдѣлался любимымъ поэтомъ своихъ соотечественниковъ, и навсегда останется любимцемъ всѣхъ благородныхъ и чистыхъ душъ.

СПИСОКЪ

РУССКИХЪ ПЕРЕВОДОВЪ ЛИРИЧЕСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ШИЛЛЕРА.

ГИМНЫ И ОДЫ.

I.

КЪ РАДОСТИ.

1. Н. КАРАМЗИНА (Пѣснь Мира, безъ означенія, что подражаніе Шиллеру). «Мои Бездѣлки» (1794), ч. II, стр. 159; перепечатана въ «Сочиненіяхъ Карамзина» (изд. Смирдина, 1848), ч. I, стр. 29.
2. П. К — ко (Радость, ода г-на Шиллера). «Новости Русской Литературы», 1802, ч. I, стр. 44.
3. Нвизвѣстнаго (Пѣснь Радости. Переводъ изъ соч. Фр. Шиллера, съ сохраненіемъ размѣра подлинника. Спб. 1816).
4. А. МАНСУРОВА (Idem). «Вѣстникъ Европы», 1819, ч. CVI, стр. 246; перепечатана въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности», ч. XIV (1819), отд. II, стр. 72, и въ

«Новомъ Собраніи Образцовыхъ Русскихъ Стихотвореній» (1821), ч. I, стр. 134.

5. **Θ. Рын — скаго** (Idem, съ означеніемъ, что «переведена не съ нѣмецкаго подлинника, написаннаго извѣстнымъ германскимъ литераторомъ Шиллеромъ, а съ латинскаго рукописнаго текста»). «Благонамѣренный», 1819, ч. VIII, стр. 129.

6. **Θ. Тютчева** (Idem). «Сѣверная Лира», 1827, стр. 30; перепечатана въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», 1835, ч. XVIII, № 9, стр. 69. *Переводъ этотъ не вошелъ въ собраніе «Стихотвореній Θ. Тютчева».*

7. **И. Петрова** (Idem, безъ означенія, что переводъ). «Славянинъ», 1828, ч. V, стр. 209; перепечатана въ «Стихотвореніяхъ И. Петрова» (1833), стр. 20.

8. **П. Алексѣева** (Радость, изъ Шиллера). «Лирическія Стихотворенія П. Алексѣева» (1840), стр. 34.

9. **К. Аксакова** (Къ Радости, изъ Шиллера). «Отечественныя Записки», 1840, т. X, отд. III, стр. 129.

10. **М. Дмитріева** (Idem). «Москвитянинъ», 1843, № VI, стр. 329. Также издано отдѣльной брошюрой: «Къ Радости. Соч. Шиллера. Пер. съ нѣмецкаго Мих. Дмитріевъ. Москва. 1843».

Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.

11. А. Струговщикова (Пѣснь о Радости, изъ Шиллера). «Отечественныя Записки», 1845, т. XXXVIII, отд. I, стр. 1; перепечатана въ исправленномъ видѣ, подъ заглавіемъ: «Къ Радости», въ «Стихотвореніяхъ А. Струговщикова (1845), стр. 42.

12. В. Бенѣдиктова (Къ Радости, изъ Шиллера. *Переводъ этотъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

КЪ РАДОСТИ.

ГОЛОСЪ.

Радость, дщерь благаго неба,
Радость, искра Божества!
Ангель, мы тебя встрѣчаемъ
Съ лирой, съ чашей торжества!

Мы летимъ въ твои объятія,
Въ твой радушный, свѣтлый домъ;
Люди тамъ — друзья и братья,
Гдѣ коснешься ты крыломъ!

ХОРЪ.

Обнимитесь люди-братья,
Ангель радости зоветъ:
Тамъ любовь! въ ея объятіяхъ
Добрый нашъ Отецъ живетъ!

ГОЛОСЪ.

Кто предъ Богомъ, не краснѣя,
Брата братомъ можетъ звать,
Кто хотя одну свою
Можетъ душу здѣсь назвать —

Тотъ приди, къ кружку примкнися,
Мы тому — любви вѣнокъ!
Кто не можетъ — удалися
И очисти нашъ кружокъ...

ХОРЪ.

Все, что имя друга носить,
Пусть ее своей зоветъ,
Насъ она туда уноситъ,
Гдѣ нашъ общій Другъ живетъ!

ГОЛОСЪ.

Всѣ живущія созданья
Радости источникъ пьютъ,
Отъ начала мірозданья
Всѣ для радости живутъ!

Въ небѣ и въ шатрѣ убогомъ
Жизни нить она прядетъ:
Херувимъ стоитъ предъ Богомъ,
Сладострастьемъ червь живетъ!

ХОРЪ.

Гибнутъ царства, гибнутъ братья!
Узнаешь-ли Божій перстъ?
Тамъ любовь! въ ея объятяхъ
И для нихъ шатеръ отверзтъ.

ГОЛОСЪ.

Радость сердце освѣжаетъ,
Радость расширяетъ грудь,
И надеждой озаряетъ
Горькій труженика путь!

У креста святыхъ вѣры
Знамя Радости шумитъ,
Добродѣтель, торжествуя,
Въ сонмѣ ангеловъ стоитъ!

ХОРЪ.

Труженикъ, ты скажешь братьямъ,
Что твоя звѣзда взойдетъ,

Что святой любви въ объятяхъ
Добрый нашъ Отецъ живетъ!

голосъ.

Радость въ чашѣ бьетъ струею
Каждому изъ насъ, но тотъ
Трижды чти ее своею,
Кто съ ней въ Господѣ живётъ!

Въ честь Его! друзья, вставайте!
Раздавайся лиры гласъ!
Чаши къ небу подымайте,
Въ честь Того, Кто любитъ насъ!

хоръ.

Въ честь Того, къ Кому взываетъ
Златокрылый серафимъ,
И Кого стопу лобзаетъ
Сердцемъ чистый херувимъ!

голосъ.

Твердость — въ искушеньяхъ свѣта,
Воздаяніе — добру,
Вѣрность вѣчная — обѣту,
Правда — другу и врагу,

Мужество — предъ царскимъ трономъ,
Злобѣ и враждѣ — конецъ,
Съ кликомъ и бокаловъ звономъ,
Добродѣтели вѣнецъ!

хоръ.

Братья, Богъ владѣетъ смѣлымъ,
Совершайте сей обѣтъ!
Тамъ, за облачнымъ предѣломъ,
Тамъ вражды и злобы нѣтъ!

голосъ.

Ну терерь, друзья, сомкнитесь,
И обѣта своего

Долгъ исполнить поклянитесь
Грознымъ именемъ Того,

Въ чьихъ рукахъ святая воля,
Кто вселенную блюдетъ,
Кто любви на вѣчномъ тронѣ
Для дѣтей своихъ живетъ!

ХОРЪ.

Ну друзья, теперь въ объятья,
Поцѣлуй — изъ рода въ родъ!
Тамъ Отецъ нашъ добрый, братья!
Тамъ Богъ Радости живетъ!

А. Струговщиковъ.

II.

ФАНТАЗІЯ — ЛАУРЪ.

1. Невизвѣстнаго (Фантазія къ Лоръ, изъ Шиллера).
«Московскій Вѣстникъ», 1831, ч. VI, стр. 17.

2. Н. Гербеля (Фантазія — Лауръ, изъ Шиллера).
Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.

Кромѣ того мы имѣемъ еще два отрывка изъ этого стихотворенія:

3. В. Курочкина (Лауръ, отрывокъ, изъ Шиллера).
Отрывокъ этотъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ. (Куплеты 4, 5, 6, 7 и 8).

4. Н. Маркевича (Idem, подражаніе Шиллеру).
Этотъ отрывокъ также напечатанъ здѣсь въ первый разъ. (Подражаніе двумъ заключительнымъ куплетамъ стихотворенія Шиллера).

I.

Л А У Р Ъ.

(Отрывокъ).

Атомовъ тончайшихъ мириады
Устремляетъ въ цѣлое любовь;
Ею сферъ сдвигаются громады
И системы движутся мировъ.

Но любовь исторгни — все строенье
Распадется, — и во всѣ концы
Вторгнется хаосъ и разрушенье...
Сокрушайтесь міра мудрецы!

Безъ всесильной — духъ окаменѣетъ
И погибнетъ смертью естества;
Безъ любви весна не зеленѣетъ,
Человѣкъ не знаетъ Божества!

И когда меня цѣлуетъ Лора,
Отчего вся кровь во мнѣ кипитъ,
Отчего такъ сердце бьется скоро
И огонь лицо мое палитъ?

И съ могучей, напряженной силой
Въ моихъ жилахъ кровь бѣжитъ ключѣмъ,
Плоть моя стремится къ плоти милой,
Души въ насъ горятъ однимъ огнемъ?..

В. Курочкинъ.

II.

Л А У Р Ъ.

(Отрывокъ).

Я не съ тобой, — но будетъ часъ!...
Пророчества я слышу гласъ:
Земля въ ничтожность превратится;
Въ объятыхъ вѣчности Сатурнъ остановится!...

Тогда любви препоны нѣтъ;
Тогда погаснетъ солнца свѣтъ,

Сводъ неба упадетъ прозрачный, —
И міръ во пламени намъ будетъ факель брачный!

И время прекратитъ полетъ;
И вѣчная заря взойдетъ —
Съ неугасимою зорёю!
Лаура, радуйся! — ты будешь тамъ со мною.

И. Маркевичъ.

III.

ТОРЖЕСТВО ЛЮБВИ.

С. ШЕВЫРЕВА (Торжество Любви, гимнъ Шиллера).
«Сѣверная Лира», 1827, стр. 123.

IV.

ЛАУРА ЗА ФОРТЕПЬЯНО.

1. А. МЕРЗЛЯКОВА (Къ Лаурѣ за Клависиномъ, изъ Шиллера). «Вѣстникъ Европы», 1806, ч. XXV, стр. 112; перепечатано въ «Собраніи Русскихъ Стихотвореній» (1815), ч. VI, стр. 186.
2. Г. ДЕРЖАВИНА (Дѣва за Клависиномъ, безъ означенія, что подражаніе). «Вѣстникъ Европы», 1806, ч. XXVI, стр. 175; перепечатано, подъ заглавіемъ: «Дѣва за Арфою», во всѣхъ изданіяхъ «Сочиненій Державина».
3. В. БЕНЕДИКТОВА (Къ Лаурѣ, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

I.

ДѢВА ЗА АРФОЮ.

Владѣющимъ твоимъ перстамъ,
О, дѣва! арфы надъ струнами,
Обезтѣлесенъ, обездушенъ,
Я будто истуканъ стою.
Царица жизни ты и смерти,
Силъ правишь тысячами, какъ магъ!

Благоговѣя, чуть шумить
Вкругъ воздухъ, на тебя приникши;
Ко пѣнью твоему прикованъ
Стоитъ, кружася въ вихрь, вѣкъ,
И тьмы веселія въ безмолвьи
Природы всей къ тебѣ влечетъ.
Волшебница! одно твое воззрѣнье,
Одинъ твой звукъ — плѣнить всю тварь.

И звоны, полные души,
Со струнъ роскошно устремленны,
Какъ Серафимы вновь рождаясь,
Изъ неба порхаютъ, блестятъ;
И какъ истекши изъ хаоса,
И вихремъ зиждущимъ взнесясь,
Изъ мрака солнца возсіяли:
Твоихъ такъ гласовъ токъ златой.

Пріятно, какъ серебристый ключъ,
Журча, по камышкамъ катится;
Великолѣпно, важно — вдругъ,
Какъ грома съ облаковъ органы;
Стремительно вдали съ утеса,
Какъ шумный, пѣнистый потокъ;
Отрадно — какъ межъ липъ
Тѣнистыхъ, благовонныхъ,
И шепчущихъ осинъ
Влюбленны вѣтерки дышаютъ;
Уныло, мрачно, тяжело, —
По мертвымъ дебрямъ какъ ужасный шорохъ ночи;

И вой, протяжно исчезая,
Влечется слёзною коцитовой волной.

Но — стой и мнѣ повѣдай, дѣва:
Въ связи ль ты съ духами небесъ?
И тотъ ли ихъ языкъ въ Эдемѣ,
Музыка коимъ говорить?

Завѣса отъ очесъ упала!
Затворы слуха отперлись!
О, дѣва! — я дышу живѣе:
Иль огонь эфирный, очищая,
Ужъ вихремъ выспрь меня несетъ?

Мелькаютъ сквозь небесъ розданныхъ
Младыхъ духовъ мнѣ въ солнцахъ троны:
За гробомъ утрення заря.
Прочь, прочь, съ понятъемъ насѣкомыхъ,
Кошуты, прочь! — есть Богъ!

Г. Державинъ.

II.

КЪ ЛАУРѢ ЗА КЛАВЕСИНОМЪ.

Когда твоя рука летаетъ по струнамъ,
Лаура, — иступленъ, встревоженъ къ небесамъ
Одной душой живу и наслаждаюсь,
И, обездушенъ вдругъ, я въ камень превращаюсь:
Ты жизнь даешь, отъемлешь вновь...
Такъ сильно общее сердецъ соединенье, —
Въ безчисленныхъ путяхъ взаимное влеченье;
Всесильна такъ одна любовь!

Благоговѣніемъ священнымъ упоенный,
Прохладный вѣтерокъ чуть дышетъ надъ тобой;
Но, бурей пѣсни пробужденный,
Крутится въ вихрь самъ собой.

Природа, алчная къ твоимъ восторгамъ, страстно
Приникла и молчить. Волшебница! — воззришь —
И я весь твой на вѣкъ! Струнами загремишь —
И все тебѣ подвластно!

Какъ море разлилась гармонія живая,
Всеусладительный въ согласіи раздоръ:
Такъ, въ искрахъ пламенныхъ отъ свѣта изникая,
Родился Ангеловъ соборъ.

Такъ въ нѣдрахъ хаоса изъ бурь животворящихъ
Раскрылись, понеслись полки міровъ блестящихъ,
И ночь зардѣлася отъ утреннихъ лучей:
Таковъ волшебный токъ гармоніи твоей!

Умолкни все!.. онъ тихъ, онъ сладокъ, какъ ручей,
По свѣтлому песку струи свои катящій,
И робкимъ шопотомъ съ цвѣтами говорящій
О нѣжности своей.
Убойтесь тираны!

Въ величествѣ святомъ и грозномъ онъ течётъ,
Какъ горніе громовъ органы.

Внемлите — водопадъ реветъ,
Кипящей пѣною граниты омываетъ

И въ брызгахъ тучи составляетъ!..
Но се — манитъ меня, какъ легкій вѣтерокъ,
Когда онъ крадется сквозь липовой лѣсокъ,

По вѣтвямъ тихо пробираясь,
И, самой нѣгой утомляясь,

Еще шумить... еще дохнулъ —
И въ розовомъ кустѣ заснулъ...

Премѣна чудная!.. что сдѣлалось со мною?
Такъ тяжело, такъ темно!.. не область ли тѣней,

Не орковы ль поля я вижу предъ собою?

Вездѣ уныніе — и блѣдный видъ скорбей! —

Печальная сова ночь сонну пробуждаетъ;

Влачась слезною волной,

Кацить едва мелькаетъ...

Всему конецъ!.. всему покой!..

Остановись, скажи: не съ горними ль Духами
Бесѣдуетъ мой духъ? — не съ горними ль Пѣвцами
Въ союзѣ ты святомъ?

Открой мнѣ таинство: не симъ ли языкомъ

Въ Эдемѣ праведныхъ веселіе вѣщаетъ,

Когда Егову прославляетъ?..

А. Мерзляковъ.

V.

БОГИ ГРЕЦІИ.

1. **ЛИХАЧЕВА** — (Мечты Греціи, изъ Шиллера).
«Памятникъ Отечественныхъ Музъ», 1828, стр. 65; перепечатаны въ «Славянинъ», 1828, ч. V, стр. 251, съ отмѣткою редактора, что переводъ принадлежитъ молодому поэту, котораго «дарованія и искусство творить живые, сильные стихи, обѣщаютъ поставить на ряду съ извѣстными нашими писателями», и въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», 1831, № 19, стр. 149. Въ послѣднемъ изданіи съ значительными перемѣнами, подъ заглавіемъ: «Вѣкъ Баснословія». *Подражаніе это напечатано здѣсь въ исправленномъ видѣ.*
2. **В. БЕНЕДИКТОВА** (Боги Греціи, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*
3. **К. К.....А** (Idem). *Переводъ этотъ также напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

ВѢКЪ БАСНОСЛОВІЯ.

Все тогда иначе было —
Въ баснословныхъ тѣхъ вѣкахъ,
Въ кои длань боговъ водила
Жизнь на легкихъ помочахъ.
Жизнь на радость разцвѣтала
Первобытнымъ племенамъ;
И гирлянда окружала
Идаины свѣтлый храмъ.

И поэзія съ цвѣтами
Возлѣ истины вилась,
Населяла міръ мечтами
И божественной звалась.
И предъ взоромъ восхищеннымъ
Раскрывался новый свѣтъ:
Все являло посвященнымъ
Божества прекрасный слѣдъ.

Гдѣ вертѣтся непримѣтно
Огневой, бездушный шаръ —
Геліосъ великолѣпно
Разливалъ лучистый жаръ;
Холмъ украшенъ Ореадой;
Лѣсъ — убѣжище Дріадъ;
И изъ урны билъ прохладой
Серебристый ключъ Наядъ.

Дафна дышетъ подъ корою
Лавра злачнаго: предъ ней
Юный богъ съ своей тоскою...
Стонетъ въ сумракѣ вѣтвей
Филомела молодая;
У сафирнаго ручья —
Съ Флорою Зефиръ играя —
Разбросалъ цвѣты ея.

И мелькали привидѣнья,
Не страшившія людей,
Лишь будили вдохновенье
Въ сердцахъ фебовыхъ друзей.
Не грустилъ ваятель страстный:
Мраморъ чувствомъ воспалѣнъ...
И богиней ночи ясной
Овладелъ Эндиміонъ.

Богъ Пафосскій небылъ злобенъ,
Лишь лукавъ бывалъ порой:
И Алкидъ женоподобенъ —
Близъ Омфалы дорогой.
Устремля на прелесть взоры,
Хоть горами угнетѣнъ,

Близъ молодыхъ красотъ Авроры
Не старѣется Титонъ.

Предъ алтарь Харитъ являлась
Дѣва храма . . . имъ цвѣты
Принося, уподоблялась
Блеску радужной мечты ;
Иль, въ святилищѣ томъ кроясь ,
Гдѣ Тіисскій старецъ жилъ ,
Стерегла тотъ дивный поясъ ,
Что Юпитера смирилъ.

Смертный, на боговъ надежный ,
Ихъ вокругъ себя встрѣчалъ ;
Подъ дугой Ирисы нѣжной
Зеленѣе лугъ блисталъ ,
И съ богинею денница
Разливалась живѣй ;
Бога-пастыря цѣвница
Пѣла слаще и звучнѣй.

Краше юность улыбалась
Въ Ганимедовыхъ чертахъ ;
Смѣлость пламеннѣй являлась
Подъ эгидою въ бояхъ ;
Гдѣ Гимена призывали —
Быль сердецъ союзъ милѣй ;
Гдѣ дни жизни Парки пряли —
Шли дни жизни веселѣй.

Вотъ — «эвое» раздается :
Вакха возвѣщаетъ ходъ ;
Вотъ — менадъ его несется
Иступленный хороводъ . . .
И Силенъ, старикъ румяный ,
Милъ вакханкѣ молодой . . .
И ланиты бога рдяны
Манять къ чашѣ круговой.

Вмѣстѣ съ смертными пируя ,
Богъ вкушалъ свои дары ;

Благодарность знаменуя —
Въ посвященные пиры,
Колесницы ихъ летали
На Истмическихъ играхъ;
И вѣнцы побѣдъ блистали
На душистыхъ ихъ кудряхъ.

Оставъ страшный и огромный
Къ ложу вдругъ не приступалъ:
Геній грустный и безмолвный
Тихо факель опускалъ.
Земнородный тѣни судить
Среди Орковыхъ полей . . .
Жалость лирою возбудить
И въ Эрминіяхъ Орфей.

Первыхъ розъ весны свѣжѣе
И чиста, какъ снѣгъ холмовъ,
На Олимпъ летитъ Психея
Отъ таинственныхъ садовъ.
Волны кораблемъ играютъ:
Не страшитесь, пловцы! —
Боги-кормщики сверкаютъ
Вамъ съ Олимпа Близнецы.

Міръ прекрасный! — о, какъ тѣсенъ
Тотъ, которымъ ты смѣненъ!
Лишь въ странѣ волшебной пѣсенъ
Слѣдъ къ тебѣ намъ сохранѣнъ.
Не встрѣчать существъ чудесныхъ
Ни въ дубравахъ, ни въ струяхъ —
И отъ образовъ прелестныхъ
Лишь одинъ скелетъ въ глазахъ.

На униженномъ престолѣ —
Не страстна красой своей,
Не чувствительная болѣ
Къ благодарности дѣтей —
Что натура? — Въ онѣмѣньѣ
Вѣчный маятникъ часовъ.
Подъ закономъ тяготѣнья
Унываетъ безъ боговъ

Лихачевъ.

VI.

ДОСТОИНСТВО ЖЕНЩИНЫ.

1. * * * (Достоинство Женщины, изъ Шиллера). «Телескопъ», 1831, т. II, стр. 351.
2. А. Струговщикова (Женщину Чтите, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 12.

ЖЕНЩИНУ ЧТИТЕ!

Женщину чтите! она озаряетъ
Свѣтомъ отраднымъ земные пути;
Граціи дщерь, она розой любви
Насъ на земное блаженство вѣнчаетъ:
Нѣжить и холитъ румяной рукой
Чувства прекраснаго даръ золотой.

Любитъ она добродѣтель святую,
Въ славу невѣрную вѣры нейметъ, —
Сердцемъ она въ настоящемъ живетъ,
Сердцемъ питаетъ надежду благую:
Надъ колыбелью младенца она
Теплыхъ молитвъ и любви полна.

Неодолимо чарующимъ словомъ
Женщина мужа наводитъ на слѣдъ
Болѣе вѣрный, и кроетъ отъ бѣдъ
Уединенья надѣжнымъ покровомъ:
Къ жизни смиренной, къ труду безъ потерь,
Мать приучила любимую дщерь.

Въ домѣ святыню она водворяетъ,
И золотой бережливости плодъ
Въ жертву случайной бѣдѣ отдаётъ;
Грянетъ несчастье — она собираетъ
Крохи, и бремя житейскихъ заботъ,
Въ долѣ убогой, покорно несётъ.

И какъ весной, дуновеньемъ зефира,
Арфа Эолова въ звукахъ дрожитъ,
Такъ въ упоеньяхъ любви звучитъ
Женскаго сердца согласная лира:
Грудь поднялась и, какъ ландышъ росой,
Очи одѣлись жемчужной слезой.

А. Струговщиковъ.

VII.

ПОЭЗІЯ ЖИЗНИ.

А. Струговщикова (Поэзія Жизни, изъ Шиллера).
«Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 4.

VIII.

ХУДОЖНИКИ.

1. Д. Мина (Художники, изъ Шиллера). *Переводъ
этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

Кромѣ того мы имѣемъ еще отрывокъ изъ
этого стихотворенія, помѣщенный въ статьѣ:
«Разговоръ о возможности найти единый законъ
для изящнаго»:

2. С. Шевырева (Безъ заглавія, но съ означеніемъ,
что переводъ). «Московскій Вѣстникъ», 1827,
ч. I, стр. 49.

Блаженны вы, которыхъ посвятила
Она въ жрецы — къ служенью избрала!
Не въ вашу ль грудь она сойти благоволила?
Устами вашими могучая рекла!
Хранители ея огня святого,
Служители небесныхъ алтарей!
Предъ вами свѣтлая нисходитъ безъ покрова,
И вашъ согласный ликъ поетъ на встрѣчу ей.

Вы, обреченные на тлѣнье ,
Ликуйте о своемъ великомъ назначеньѣ:
Незримыхъ ангеловъ въ возвышенную сѣнь
Отъ человѣчества вы первая ступень.

С. Шевыревъ.

ПѢСНИ И РОМАНСЫ.

I.

БОРЬБА.

А. Майкова (Борьба, изъ Шиллера). *Переводъ
этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

II.

ГРАФЪ ЭБЕРГАРДЪ ГРЕЙНЕРЪ.

Л. Мвя (Графъ Эбергардъ Грейнеръ. Военная пѣсня,
изъ Шиллера). «Сынъ Отечества», 1857, т. II,
№ 16, стр. 362. *Стихотвореніе это пере-
ведено для моего изданія и напечатано здѣсь
въ исправленномъ видѣ.*

III.

ВСТРѢЧА.

К. Аксакова (Встрѣча, изъ Шиллера). «Московскій
Наблюдатель», 1838, т. XVIII, стр. 304.

IV.

МИННЪ.

В. Бенедиктова (Къ Миннѣ, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія В. Бенедиктова» (1856), т. II, стр. 214.

V.

ПѢСНЯ.

А. Мейснера (Пѣсня, безъ означенія, что переводъ). «Метеоръ», 1845, стр. 165. *Переводъ этотъ напечатанъ здѣсь въ исправленномъ видѣ.*

VI.

ТАЙНА.

К. Аксакова (Тайна, изъ Шиллера). «Московскій Наблюдатель», 1838, т. XVIII, стр. 19.

VII.

ВЪ АЛЬБОМѢ ДѢВУШКИ.

М. Достоевскаго (Дѣвушкѣ, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

VIII.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

1. Неизвѣстнаго (Пуншевая Пѣсня, изъ Шиллера). «Астраханская Флора», 1827, стр. 87.

2. А. Струговщикова (Idem). «Литературная Газета», 1846, № 5, стр. 41. *Подражаніе это напечатано здѣсь въ исправленномъ видѣ.*

3. Л. Мей (Idem). *Переводъ этотъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

Дружнымъ союзомъ
Бренныхъ веществъ
Держится стройное
Зданье существъ.

Сокъ изъ лимона
Жмите на дно . . .
Зелено юное
Жизни зерно.

Сахару бросьте
Щедрой рукой —
Радостямъ — спутницамъ
Жизни молодой.

Влага рѣчная
Все согласить:
Горе и радости
Время умчить.

Лишь заклокочетъ
Въ чашѣ вода —
Рому душистаго
Лейте туда:

Онъ только жизни
Жизнь придаетъ,
Вѣщій лишь съ опытомъ
Разумъ придетъ.

Чаша готова,
Чаша полна —

Двойственнымъ полнится
Жаромъ она.

Пейте жь, покуда
Токъ не простылъ,
Съ жизненной влагою
Внутренній пылъ.

А. Струговщиковъ.

IX.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ ДЛЯ СѢВЕРА.

Л. Мей (Пуншевая Пѣсня для Сѣвера, изъ Шиллера).

«Сынъ Отечества», 1857, № 23, стр. 537.

Переводъ этотъ сдѣланъ для моего изданія

—

БАЛЛАДЫ И РАЗСКАЗЫ.

I.

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

1. А. Мансурова (Торжество Побѣдителей, изъ Шиллера). «Вѣстникъ Европы», 1822, № VIII, стр. 283; перепечатано, но уже безъ означенія, что переводъ, въ «Новыхъ Аонидахъ», 1823, стр. 22, и въ «Собраніи Новыхъ Русскихъ Стихотвореній», т. I, стр. 62.

2. А. Писарева (Пиршество Побѣды, изъ Шиллера). «Труды Вольнаго Общества Соревнователей Просвѣщенія», 1822, ч. XVII, стр. 72;

перепечатано, подъ заглавіемъ: «Пиршество Грековъ Побѣдителей», въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности», 1822, ч. I, стр. 119. *Здѣсь переводъ этотъ помѣщенъ въ исправленномъ видѣ — по списку, доставленному мнѣ М. А. Дмитриевымъ.*

3. В. Жуковскаго (Торжество Побѣдителей, изъ Шиллера). «Сѣверные Цвѣты», 1829, отд. II, стр. 3; перепечатано въ «Балладахъ и Повѣстяхъ В. Жуковскаго» (1831), ч. II, стр. 1; во всѣхъ шести изданіяхъ «Полной Русской Христоматіи А. Галахова», и въ IV и V изданіяхъ «Стихотвореній Жуковскаго», изъ которыхъ въ послѣднемъ съ означеніемъ, что баллада переведена изъ Шиллера.

4. О. Тютчева (Поминки, изъ Шиллера). «Раутъ», 1851, стр. 75; перепечатаны въ «Современникѣ», 1854, т. XLIV, приложение, стр. 50, и въ «Стихотвореніяхъ О. Тютчева» (1854), стр. 103.

II.

КАССАНДРА.

В. Жуковскаго (Кассандра, безъ означенія, что переводъ). «Вѣстникъ Европы», 1809, ч. XLVII, № XX, стр. 258; перепечатана въ «Собраніи Образцовыхъ Русскихъ Сочиненій» (1821), ч. III, стр. 99; въ «Балладахъ и Повѣстяхъ В. Жуковска-

го» (1831), ч. I, стр. 77, и въ четырехъ послѣдующихъ изданіяхъ «Стихотвореній Жуковскаго», изъ которыхъ въ III и V съ означеніемъ, что баллада переведена изъ Шиллера.

III.

ПОКРЫТЫЙ ИСТУКАНЪ ВЪ САИСЪ.

1. П * * * (Закрытый Истуканъ, изъ Шиллера). «Московскій Телеграфъ», 1826, ч. X, стр. 102.
2. Э. ГУБЕРА (Закрытый Истуканъ въ Саисѣ, изъ Шиллера). «Библіотека для Чтенія», 1844, т. LXIII, отд. V, стр. 26.
3. М. МИХАЙЛОВА (Истуканъ въ Саисѣ, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*
4. А. ЯХОНТОВА (Статуя подъ покрываломъ въ Саисѣ, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ также напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

IV.

ПОЛИКРАТОВЪ ПЕРСТЕНЬ.

1. М. ДМИТРІЕВА (Кольцо Поликрата, изъ Шиллера). «Атеней», 1829, т. I, стр. 154. *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*
2. В. ЖУКОВСКАГО (Поликратовъ Перстень, безъ означенія, что переводъ). «Баллады и Повѣсти

В. Жуковского» (1834), ч. II, стр. 17; перепечатанъ въ IV и V изданіяхъ «Стихотвореній Жуковского», изъ которыхъ въ послѣднемъ съ означеніемъ, что баллада переведена изъ Шиллера.

V.

ПОРУКА.

1. Θ. Миллера (Порука, изъ Шиллера). «Стихотворенія Θ. Миллера» (1849), стр. 23. *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*
2. Н. Гербеля (Idem). *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ первый разъ.*
3. А. Струговщикова (Отрывокъ изъ баллады Шиллера «Порука»). *Здѣсь отрывокъ этотъ напечатанъ въ первый разъ.*

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ БАЛЛАДЫ ШИЛЛЕРА «ПОРУКА».

Предъ грознымъ царемъ Сиракузы
Глицерій съ кинжаломъ предсталъ,
Былъ схваченъ — и такъ отвѣчалъ:
«Хотѣлъ я, себя не жалѣя,
«Отчизну спасти отъ злодѣя:
«То былъ мой давнишній обѣтъ!»
— Распните! — былъ царскій отвѣтъ.

«Мнѣ смерть не избѣжная — знаю, —
«Но три дня остrockи прошу,
«Покуда свой долгъ совершу,
«Покуда сестрѣ дамъ супруга;
«Тебѣ-же оставляю я друга,
«Чтобъ, вслучаѣ я измѣнилъ,
«Ты вѣрнаго друга казнилъ.»

Ему Діонисій съ коварной
Усмѣшкою такъ отвѣчалъ:
— Я бѣ три дня тебѣ даровалъ! . .
Но если хоть часомъ измѣнишь —
Ты друга собой не замѣнишь:
Тебѣ отпустивши вину,
Его, какъ злодѣя, распну . . .

А. Струговщиковъ.

VI.

СРАЖЕНІЕ СЪ ДРАКОНОМЪ.

1. В. Жуковскаго (Сраженіе съ Змѣемъ, безъ означенія, что переводъ). «Сѣверные Цвѣты», 1832, отд. II, стр. 187; перепечатано въ «Журналъ Военно-Учебныхъ Заведеній», 1839, т. XIV, кн. 53, стр. 3; во всѣхъ шести изданіяхъ «Полной Русской Христоматіи А. Галахова», и въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ «Стихотвореній Жуковскаго», изъ которыхъ въ послѣднемъ (V) съ означеніемъ, что переводъ сдѣланъ изъ Шиллера.
2. А. Глинки (Сраженіе съ Дракономъ, изъ Шиллера). «Москвитянинъ», 1852, ч. III, № XI, отд. I, стр. 128.

VII.

ПЕГАСЪ ВЪ ЯРМѢ.

1. А. Мейснера (Пегасъ въ Ярмѣ, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Мейснера» (1836), стр. 118.
2. А. Глинки (Idem). «Москвитянинъ», 1841, № I, стр. 62.

3. А. Струговщикова (Пегасъ, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 97.

П Е Г А С Ъ.

На конной, въ Ньюмаркетѣ старомъ,
Поэтъ Пегаса продавалъ;
Голодный, онъ почти за даромъ,
Любимца Музы отдавалъ.

Чудесный звѣрь, въ нѣмой отрадѣ,
Хвостомъ и гривой прядетъ,
Топочетъ, мечется и ржетъ,
Рисуясь будто на парадѣ.

И всякій чествуетъ его,
Всякъ молвить: «То-то конь красивый!
Да жаль, что выросли, на диво,
Большія крылья у него.

«Нѣтъ спору, знатная порода;
Да какъ же на конѣ летать?
Не равенъ часъ! — и что за мода
Верхомъ по воздуху скакать?»

Но вотъ къ Пегасу Гансъ подходитъ:
«Купи лошадку, молодецъ!
Въ корню и на пристяжкѣ ходить»:
Прибавилъ тощій продавецъ.

Гансъ молвить: — Конь другихъ не хуже;
Конечно, крылья ни къ чему,
Но если ихъ связать потуже,
Такъ онъ годится подъ соху. —

Сошлись. Поэтъ не унываетъ,
Что сбылъ Пегаса своего,
А Ганса всякій поздравляетъ,
Что дешево купилъ его.

— Теперь, кричитъ онъ, поскорѣе
Объѣздить надобно тебя! —
И выбравъ парня посмѣлѣе,
Онъ съ нимъ удалаго коня

Въ телѣгу корнемъ запрягаетъ,
Сажаетъ дюжихъ сѣдоковъ,
И, на дорогу выѣзжая,
Кричитъ — держи! — и былъ таковъ.

Неблагородный грузъ почуя,
Лишенъ парящей воли крылъ,
И на насилье негодуя,
Пегасъ, въ избыткѣ свѣжихъ силъ,

Несется по полю стрѣлою,
Бушуетъ въ немъ лихая кровь, —
И Ганса съ причтомъ, головою,
Онъ опрокинулъ въ первый ровъ.

Мужикъ выходитъ изъ терпѣнья:
— Пстой, кричитъ, секретъ наполь!
Пстой негодное творенье, —
Тебѣ подъ пару будетъ волъ! —

Сказалъ и сдѣлалъ. Онъ впрягаетъ
Вола въ товарищи ему,
Съ сохой на пашню выѣзжаетъ,
И радъ за выдумку свою.

И Феговъ гордый конь униженъ;
Но онъ обиды не снесетъ:
То мечется, то неподвиженъ,
То передомъ и задомъ бьетъ.

Напрасно силы истощая,
Полетъ онъ напрягаетъ свой,
Въ тоскѣ душевной изнывая,
Храпитъ и мечетъ головой.

Отвага силъ уступаетъ:
Поникла долу голова,

И конь парнасскій издыхаетъ
У ногъ презрѣннаго вола.

Но вотъ, случись неподалёку,
Нивѣсть откуда и куда,
Дорогой — парень свѣтлоокій,
Аполла доброе дитя.

Одна гитара подъ полою,
Да весь уборъ души простой —
Повязанъ лентой голубою
Повѣсы локонъ золотой.

«Смотри пожалуй, что за диво!
Кого нелегкая взяла —
Въ одну упряжку не красиво
Запрячь Пегаса и вола?»

«Послушай другъ, изволь покуда
Мнѣ клячу одолжить свою:
Подъ плеть шелковую мою,
Ручаюсь, конь пойдетъ не худо.

«Скорѣй хомутъ съ него долой!»
Онъ Гиппогрифа распрягаетъ,
И холить правою рукой,
А лѣвой холку подбираетъ.

Измученъ пыткой и сохой,
Пегасъ приподнялся лѣнливо;
Но лишь почувалъ конь ретивый
Питомца Музы надъ собой —

Онъ ожилъ, землю прѣть ногами
И сыплеть искры изъ очей,
Взвился — и зашумѣлъ крылами
Въ сіяньи солнечныхъ лучей:

О, диво! взоръ не успѣваетъ...
Крутимый ловкимъ ѣздокомъ,
Пегасъ въ пространствѣ исчезаетъ
И тонетъ въ небѣ голубомъ...

А. Струговицковъ.

VIII.

ПРОГУЛКА.

И. КРѢШЕВА (Прогулка, изъ Шиллера). «Библіотека для Чтенія», 1855, т. СХХХІІ, отд. І, стр. 201.
Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.

IX.

ДѢТОУБІЙЦА.

1. М. Милонова (Мать-убійца, съ нѣмецкаго, изъ Шиллера). «Вѣстникъ Европы», 1813, ч. LXX, стр. 3; перепечатана въ «Сатирахъ М. Милонова» (1819), стр. 85; «Собраніи Образцовыхъ Русскихъ Сочиненій» (1821), ч. III, стр. 104, и въ «Сочиненіяхъ Милонова» (1849), стр. 70.
2. И. Покровскаго (Idem). «Благонамѣренный», 1822, ч. XVII, стр. 270.
3. А. Мейснера (Чадобійца, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Мейснера» (1836), стр. 214.
Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.

МАТЬ - УБІЙЦА.

Слышишь? бѣѣтъ ужасный часъ!

Укрѣпитесь силы!

Вмѣстѣ къ смерти: ищутъ насъ

Бросить въ ровъ могилы.

Все исчезло: — Божій свѣтъ,

И небесъ отрада,

Для меня васъ болѣ нѣтъ —

Я добыча Ада!

Ахъ, прости и свѣтлый день —
Взоровъ услажденье,
Сладострастна ночи тѣнь —
Чувствъ обвороженье!

Блескъ отрадный вашъ погасъ,
О, мечты златыя!
Быстро скрылись вы отъ глазъ,
Радости земныя!

Я, въ убранствѣ юныхъ лѣтъ,
Веселясь красою,
Улыбалась здѣсь, какъ цвѣтъ
На зарѣ весною:
Днесъ во гробъ осуждена —
И покровъ кончины
Блѣдный ликъ, гдѣ смерть видна,
Скрылъ до половины.

Лейте слёзы надо мной,
О, подруги милы!
Вы, кому даны съ красой
И душевны силы!
У жестокаго въ рукахъ,
Въ радости безпечной,
Въ милыхъ ядѣ пила устахъ —
И погибла вѣчно.

Можетъ быть, теперь съ другой,
(О, измѣнникъ лютый!)
Какъ встрѣчаю я съ тоской
Смертныя минуты, —
Пьётъ онъ радость и любовь,
Скорбь забывъ и страхи ...
А моя здѣсь брызнетъ кровь
Высоко отъ плахи ...

Эдвинъ, Эдвинъ! за тобой
Пусть сей гласъ печальный —
Всюду слѣдуетъ сей вой
Страшный, погребальный!
Пусть всегда въ твоёмъ умѣ
Смерть Луизы бѣдной,

И призракъ ея во тьмѣ
— Предъ тобою блѣдный! . .

Вѣроломный! — страсти жаръ,
Ни цвѣтуща младость,
Ни залогъ любви — сей даръ,
Львовъ и тигровъ радость . . .
Все отвергнулъ! — на земли
Скорбь со мной оставивъ,
Ты летишь одинъ вдали,
Паруса расправивъ.

А младенецъ? горькій плодъ!
Ахъ, почто явился?
Въ полномъ образѣ красотъ
Ликъ твой обновился:
Сердце матери мечтой
Сладкой оживилось;
Вдругъ отчаянье съ тоской
Въ немъ соединилось.

Гдѣ отецъ мой? — спросилъ
Онъ ужаснымъ взоромъ:
Гдѣ супругъ твой? — онъ грозилъ
Мнѣ нѣмымъ укоромъ . .
О, невинность! . . горе намъ! . .
Онъ на вѣкъ съ другою,
Глухъ къ стенаньямъ и мольбамъ:
Вѣчный стыдъ съ тобою.

Ахъ, и мать? . . . грозный Адъ! —
Тамъ ея обитель!
Страшенъ мнѣ твой милый взглядъ —
Муки возвѣститель;
Каждый смѣхъ твой на устахъ
Есть мое страданье,
Каждый вопль твой — сердца страхъ
И души терзанье!

Адъ навѣкъ уже со мной! . .
Прочь твои лобзанья!
Вопли Фурій — голосъ твой:
Слышу ихъ воззванье;

Здѣсь, спѣшите! — вотъ онѣ!

Адскій сонмъ явился, —

Ихъ огонь вспылалъ во мнѣ...

И кинжалъ вонзился...

Эдвинъ, Эдвинъ! за тобой

Тѣнь сія летаетъ...

Хладной пусть своей рукой

Грудь твою ласкаетъ!

Пусть ея послѣдній взглядъ

Ты повсюду встрѣтишь!

Взоры страшны... съ ними въ рядъ

Тѣнь мою примѣтишь.

Здѣсь, смотри, у ногъ упалъ,

Весь облитый кровью...

Будто къ матери припалъ

Съ дѣтскою любовью.

Слышу грозный гласъ судей:

Въ сердцѣ гласъ боязни...

Здѣсь, готова! смерть — скорѣй! —

Муки лютой казни!...

Эдвинъ! милостивъ Творецъ! —

И небесна сила

Казнь смягчаетъ злыхъ сердецъ:

Я тебя простила.

Все исчезнетъ! клятвъ обѣтъ,

Поцѣлуевъ сладость —

Лютый пламень все пожретъ:

Ужъ горитъ... о, радость!...

Ахъ, не льстите красотой

Дѣвы непорочны!

Красота — губитель мой,

И удѣлъ непрочный!

Путь ко плахѣ мнѣ скорѣй!...

Часъ ударилъ, мститель!...

Мать-убійца: не блѣднѣй

Казни исполнитель.

М. Милоновъ.

Х.

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГЪ.

В. Жуковского (Рыцарь Тогенбургъ, изъ Шиллера).
«Для Немногихъ» (1818), № I, стр. 4; перепечатанъ, но уже безъ означенія, что стихотвореніе переводное, въ «Сынѣ Отечества», 1818, № IX, стр. 111; «Новомъ Собраніи Образцовыхъ Русскихъ Сочиненій» (1821), ч. II, стр. 11; «Балладахъ и Повѣстяхъ В. Жуковского» (1831), ч. I, стр. 45, и въ четырехъ послѣднихъ изданіяхъ «Стихотвореній Жуковского», изъ которыхъ въ III и V съ означеніемъ, что баллада переведена изъ Шиллера.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ОРЛЕАНСКОЙ ДѢВѢ.

1. — * * * (Орлеанской Дѣвѣ, изъ Шиллера. «Московскій Телеграфъ», 1827, ч. XIII, отд. II, стр. 131.
2. А. Струговщикова (Idem). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 22.

3. А. Мейснера (Іоаннѣ Даркъ, безъ означенія, что подрожаніе). «Метеоръ», 1845, стр. 112. *Подражаніе это помѣщено здѣсь въ исправленномъ видѣ.*

4. Н. Гербеля (Idem). «Современникъ», 1856, т. LX, отд. I, стр. 168.

I.

ОРЛЕАНСКОЙ ДѢВѢ.

Твой благородный ликъ насмѣшка исказила!
Для цѣлей площадныхъ ругаясь надъ тобой,
Она прекрасное во прахѣ ногъ влачила
И образъ ангельскій пятнала клеветой:
Послѣдній уголокъ у сердца отнимала,
Ругаясь истинѣ — и Бога искушала.

Утѣшься! — вотъ она, поэзія святая,
Какъ ты, Аркадіи сердечное дитя,
Воспѣла подвигъ твой, и, славою вѣнчая,
Въ ряду своихъ свѣтилъ поставила тебя:
Любовью взыскано и въ словѣ воплощено —
Преданье о тебѣ для памяти священо.

Мы любимъ въ грязь топтать высокія дѣянья,
И святозарныя явленія Творца
Позоромъ омрачать; но есть и воздаянье,
Есть благородныя сочувствіемъ сердца:
Вражду съ пошлостью враждой непримиримой,
Онѣ невидимой десницею хранимы.

Насмѣшка Момуса прекрасное безславить,
И лучезарное онѣ по ланитѣ бьетъ;
Умъ благороднѣйшій людей сердцами править —
И въ немъ прекрасное защитника найдетъ:
Онѣ снялъ уже тебя съ позорной колесницы,
И въ славѣ выставилъ передъ лицо денницы.

А. Струговицковъ.

II.

ІОАННЪ Д'АРКЪ.

Отечества и пола украшенъе,
Терпѣла ты насмѣшки и презрѣнъе;
Таковъ земной прекраснаго удѣлъ:
Всѣмъ дерзкій умъ, безчинствуя, играетъ,
Что смертнаго достойно отличаетъ,
Всѣмъ, чѣмъ Творецъ возвыситъ насъ хотѣлъ.
Но не скорби! — поэзіей священной,
Какъ ты сама, въ величїи смиренной,
Сохранены заслугъ твоихъ права:
Наперекоръ судьбѣ твоей суровой,
Она свила тебѣ вѣнокъ лавровый, —
И будешь вѣчно ты жива.

Свѣтъ гордъ и золъ; всегда ему прїятно
Блескъ помрачить, высокое низвести;
Но межъ людей, въ семьѣ ихъ необъятной,
Еще сердца чувствительныя есть;
Къ прекрасному горятъ онѣ любовью,
Высокое ихъ пламенно живить,
И тамъ, гдѣ чернь хохочетъ празднословью —
Ихъ мучить грусть и горе тяготить.
На площадяхъ и торжищахъ народныхъ
Вокругъ шутовъ собирается толпа,
Но горсть людей — по чувствамъ благородныхъ —
Для шутовства бездушна и слѣпа;
Имъ нуженъ міръ и образы иные, —
Къ великому могучій рвется духъ;
Лишь истины глашатаи святыя
Манятъ ихъ взоръ и улаждаютъ слухъ.

А. Мейснеръ.

II.

РЫЦАРИ ОРДЕНА СВ. ІОАННА.

1. А. Глинки (Рыцари Св. Іоанна, изъ Шиллера).
«Кіевлянинъ», 1840, стр. 166.

2. А. Струговщикова (Крестоносцы, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 29.

III.

АНТИКИ — СЪВЕРНОМУ СТРАННИКУ.

Ө. Миллера (Антики — Съверному Страннику, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

IV.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЛЬ.

А. Струговщикова (Вильгельмъ Телль, безъ означенія, что переводъ). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 77.

V.

ПРИТЧИ И ЗАГАДКИ.

I.

А. Мейснера (Загадка, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

II

А. Мейснера (Idem). *Переводъ этотъ также напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

III.

А. Мейснера (Idem). «Стихотворенія А. Мейснера» (1836), стр. 189. *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ исправленномъ видѣ.*

IV.

А. МЕЙСНЕРА (Idem). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

V.

А. МЕЙСНЕРА (Idem). *Переводъ этотъ также помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

VI.

1. И. П. (Idem). «Благонамѣренный», 1819, т. VII, стр. 273.

2. А. МЕЙСНЕРА (Idem). «Стихотворенія А. Мейснера» (1836), стр. 205. *Переводъ этотъ напечатанъ здѣсь въ исправленномъ видѣ.*

VII.

А. МЕЙСНЕРА (Idem). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

VIII.

А. МЕЙСНЕРА (Idem). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

IX.

А. МЕЙСНЕРА (Idem). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

X.

А. МЕЙСНЕРА (Idem). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

XI.

А. Мейснера. (Idem). «Стихотворенія А. Мейснера» (1836), стр. 43. *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*

XII.

А. Мейснера (Idem). *Переводъ этотъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

XIII.

А. Мейснера (Idem). «Стихотворенія А. Мейснера» (1836), стр. 83. *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ исправленномъ видѣ.*

VI.

ДВА ПУТИ ДОБРОДѢТЕЛИ.

Ө. Миллера (Двѣ Дороги Жизни, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

VII.

МОЛОДОМУ ДРУГУ, ПРИСТУПАЮЩЕМУ КЪ ФИЛОСОФІИ.

М. Достоевскаго (Молодому Другу, Приступающему къ Философіи, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

VIII.

ПОЧЕСТИ.

1. К. Масальскаго (Почести, безъ означенія, что переводъ). «Сочиненія К. Масальскаго» (1844), т. V, стр. 50.
2. Н. Гербеля (Почести, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

IX.

НѢМЕЦКОЙ МУЗЪ.

- М. Достоевскаго (Нѣмецкой Музъ, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

X.

ШИРИНА И ГЛУБИНА.

- А. Струговщикова (Ширина и Глубина, изъ Шиллера). *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ первый разъ.*

XI.

МОГУЩЕСТВО ЖЕНЩИНЪ.

- М. Достоевскаго (Могущество Женщинъ, изъ Шиллера). *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ первый разъ.*

XII.

ЗАМѢТКИ.

I.

КЪ *

Л. Мвѣя (Къ *, изъ Шиллера). *Здѣсь переводъ этотъ помѣщенъ въ первый разъ.*

II.

КЪ ***

Н. Гербеля (Къ ***, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

III.

НЫНѢШНЕЕ ПОКОЛѢНІЕ.

1. О. Миллера (Нынѣшнее Поколѣніе, изъ Шиллера). «Москвитянинъ», 1842, N^о VII, отд. I, стр. 3; перепечатано въ «Стихотвореніяхъ О. Миллера» (1849), стр. 17.
2. М. Михайлова (Idem). «Литературна Газета», 1847, т. II, N^о 33, стр. 518.
3. М. Дмитріева (Idem). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

IV.

КЪ МУЗѢ.

1. М. Михайлова (Къ Музѣ, изъ Шиллера). «Иллюстрація», 1848, т. VII, N^о 42, стр. 275.

Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.

2. М. ДМИТРІЕВА (Idem). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

3. Л. МЕНЯ (Idem). *Переводъ этотъ также помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

V.

УЧЕНЫЙ РАБОТНИКЪ.

М. МИХАЙЛОВА (Ученый Работникъ, изъ Шиллера).
«Иллюстрація», 1848, т. VII. N° 42, стр. 275.

VI.

ДОЛГЪ КАЖДАГО.

М. МИХАЙЛОВА (Долгъ Каждаго, изъ Шиллера).
Здѣсь переводъ этотъ помѣщенъ въ первый разъ.

VII.

ЗАДАЧА.

1. А. СТРУГОВЩИКОВА (Задача, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 174.

2. М. ДМИТРІЕВА (Задача, изъ Шиллера). *Здѣсь переводъ этотъ помѣщенъ въ первый разъ.*

VIII.

СВОЙ ИДЕАЛЬ.

1. Л. Мвѣ (Свой Идеаль, изъ Шиллера). «Раутъ», 1854, стр. 51, *Переводъ этотъ напечатанъ здѣсь въ исправленномъ видѣ.*
2. М. ДМИТРІЕВА (Идеаль, изъ Шиллера). *Здѣсь переводъ этотъ помѣщенъ въ первый разъ.*

IX.

МИСТИКАМЪ.

1. М. ДМИТРІЕВА (Мистикамъ, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*
2. Л. Мвѣ (Idem). *Переводъ этотъ также помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

X.

КЛЮЧЪ.

1. Θ. МИЛЛЕРА (Ключъ, изъ Шиллера). «Москвитянинъ», 1842, N^o V, отд. I, стр. 21; перепечатанъ въ «Журналъ Военно-Учебныхъ Заведеній», 1842, т. XXXVIII, N° 150, стр. 160, и въ «Стихотвореніяхъ Θ. Миллера» (1849), стр. 16.
2. А. СТРУГОВЩИКОВА (Изученіе, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 180.
3. М. МИХАЙЛОВА (Ключъ, изъ Шиллера). «Литературная Газета», 1847, т. II, стр. N° 33, 518.
4. К. ПЕТЕРСОНА (Idem). «Раутъ», 1854, стр. 52.

ХІ.

ПОРИЦАТЕЛЬ.

1. А. Струговщикова (Другу, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 167.
2. М. Дмитріева (Порицатель, изъ Шиллера). *Здѣсь переводъ этотъ помѣщенъ въ первый разъ.*

ХІІ.

УМЪ И МУДРОСТЬ.

- А. Струговщикова (Умъ и Мудрость, безъ означенія, что переводъ изъ Шилера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 172.

ХІІІ.

СОГЛАСІЕ.

1. А. Струговщикова (Встрѣча, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 171.
2. Л. Мея (Безъ заглавія, но съ означеніемъ, что переводъ изъ Шиллера). «Раутъ», 1854, стр. 51.
3. М. Михайлова (Согласіе, изъ Шиллера). *Здѣсь переводъ этотъ помѣщенъ въ первый разъ.*

ХІV.

ИСПРАВИТЕЛЮ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

- М. Дмитріева (Исправителю Человѣчества, изъ Шил-

лера). *Здѣсь переводъ этотъ помѣщенъ въ первый разъ.*

XV.

ВНУТРЕННЕЕ И ВНѢШНЕЕ.

1. М. ДМИТРІЕВА (Внутреннее и Внѣшнее, изъ Шиллера). *Здѣсь переводъ этотъ помѣщенъ въ первый разъ.*
2. Л. МЕНЯ (Idem). *Здѣсь переводъ этотъ также помѣщенъ въ первый разъ.*

XVI.

ДРУГЪ И ВРАГЪ.

1. О. МИЛЛЕРА (Другъ и Врагъ, изъ Шиллера). «Москвитянинъ», 1842, N^о III, отд. I, стр. 11; перепечатано въ «Стихотвореніяхъ О. Миллера» (1849), стр. 13.
2. А. СТРУГОВЩИКОВА (Врагъ, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 176.
3. М. МИХАЙЛОВА (Другъ и Врагъ, изъ Шиллера). «Иллюстрація», 1848, т. VII, N^о 42, стр. 275.

XVII.

СВѢТЪ И ЦВѢТЪ.

- Л. МЕНЯ (Свѣтъ и Цвѣтъ, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

XVIII

ТРИ ВОЗРАСТА ПРИРОДЫ.

Л. Мвѣ (Три Возраста Природы, изъ Шиллера).

Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ первый разъ.

XIX.

РѢДКОЕ СОЧЕТАНІЕ.

А. Струговщикова (Рѣдкое Сочетаніе, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 169.

XX.

БЕЗУКОРИЗНЕННОСТЬ.

Я. Полонскаго (Безукоризненность, изъ Шиллера).

Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ первый разъ.

XXI.

ХУДОЖНИКЪ.

А. Струговщикова (Тайна, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 172.

XXII.

МИЛОСТЬ МУЗЪ.

М. Михайлова (Милость Музъ, изъ Шиллера).

«Иллюстрація», 1848, т. VII, N^о 42, стр. 275.

XXIII.

ПЕЧАТЬ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ГОЛОВЫ ГОМЕРА.

1. М. Михайлова (Печать съ Головою Гомера, изъ Шиллера). «Литературная Газета», 1847, т. II, № 33, стр. 518.
2. К. Петерсона (Печать съ Изображеніемъ Головы Гомера, изъ Шиллера). «Раутъ», 1854, стр. 53.

XXIV.

ГЕНІЙ СЪ ОПРОКИНУТЫМЪ ФАКЕЛОМЪ.

- Θ. Миллера (Геній Смерти съ Опрокинутымъ Факеломъ, изъ Шиллера). *Здѣсь переводъ этотъ помѣщенъ въ первый разъ.*

XXV.

НѢМЕЦКІЙ ГЕНІЙ.

- Θ. Миллера (Нѣмецкій Геній, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

XXVI.

СРЕДСТВО СОЕДИНЕНІЯ.

- Θ. Миллера (Средство Соединенія, изъ Шиллера). *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ первый разъ.*

СЕМЕЛА.

1. А. Жандра (Семела, мифологическое представле-

ніе. Подражаніе Шиллеру. Спб. 1820. Представлена въ первый разъ въ бенефисъ Семеновой въ 1817 году).

2. А. Фета (Семела. Въ двухъ сценахъ. Соч. Ф. Шиллера) «Отечественныя Записки», 1844, т. XXXV, отд. I, стр. 1.
-

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

КЪ I ТОМУ МОЕГО ИЗДАНІЯ.

I.

СЛОВА ЗАБЛУЖДЕНІЯ.

А. Мейснера (Лжевѣрованія, изъ Шиллера). См. Шиллера въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ», т. I, стр. 285. *Переводъ этотъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

II.

ФОРТУНА И МУДРОСТЬ.

Ө. Тютчева (Фортуна и Мудрость, изъ Шиллера). См. «Шиллера въ Переводѣ Русскихъ Поэтовъ, т. I, стр. 323. *Переводъ этотъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

1857 г.

Н. Гербель.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ВТОРОЙ ЧАСТИ (*).

	Стр.
Предисловіе издателя.....	V

Г И М Н Ы И О Д Ы.

1. Къ Радости** — В. Бенедиктова.....	3
Пѣснь Радости — Ѳ. Тютчева.....	8
Къ Радости* — М. Дмитриева.....	12
Къ Радости — К. Аксакова.....	17
Къ Радости — А. Струговщикова.....	292
2. Фантазія — Лаурѣ** — Н. Гербеля.....	21
Лаурѣ. (Отрывокъ)** — В. Курочкина....	296
Лаурѣ. (Отрывокъ)** — Н. Маркевича...	296
3. Торжество любви — С. Шевырева.....	24
4. Къ Лаурѣ** — В. Бенедиктова.....	31

(*) Стихотворенія, отмѣченныя двумя звѣздочкамъ, означаютъ, что онѣ помѣщены здѣсь въ первый разъ, и одною — что онѣ являются въ предлагаемомъ изданіи въ исправленномъ видѣ.

	Стр.
Дѣва за арфою — Г. Державина.....	298
Къ Лаурѣ за клавесиномъ — А. Мерзлякова.	299
5. Боги Греціи** — В. Бенедиктова.....	33
Боги Греціи** — К. К.....а.....	40
Вѣкъ баснословія* — Лихачева.....	301
6. Достоинство женщины — ***.....	46
Женщину чтите — А. Струговщикова..	305
7. Поэзія жизни — А. Струговщикова.....	49
8. Художники** — Д. Мина.....	50
Отрывокъ изъ «Художниковъ» — С. Шевырева.....	306

ПѢСНИ И РОМАНСЫ.

1. Борьба** — А. Майкова.....	71
2. Графъ Эбергардъ Грейнеръ* — Л. Мейя...	72
3. Встрѣча — К. Аксакова.....	76
4. Къ Миннѣ — В. Бенедиктова.....	77
5. Пѣсня* — А. Мейснера.....	79
6. Тайна — К. Аксакова.....	80
7. Дѣвушка** — М. Достоевскаго.....	81
8. Пуншева пѣсня** — Л. Мейя.....	82
Пуншева пѣсня* — А. Струговщикова.	309
9. Пуншева пѣсня для Сѣвера — Л. Мейя...	84

БАЛЛАДЫ И РАЗСКАЗЫ.

1. Торжество побѣдителей — В. Жуковскаго.	89
Торжество Грековъ побѣдителей* — А. Писарева.....	95
Поминки — О. Тютчева.....	102

	Стр,
2. Кассандра — В. Жуковского.....	109
3. Истуканъ въ Саисѣ** — М. Михайлова ..	114
Закрытый истуканъ въ Саисѣ—Э. Губера.	119
Статуя подъ покрываломъ въ Саисѣ** — А.	
Яхонтова.....	123
4. Поликратовъ перстень — В. Жуковского.	127
Поликратовъ перстень* — М. Дмитриева.	131
5. Порука* — Э. Миллера.....	135
Порука** — Н. Гербеля.....	141
Отрывокъ изъ баллады «Порука»** — А.	
Струговщикова.....	313
6. Сраженіе съ змѣемъ — В. Жуковского..	146
7. Пегасъ въ Ярмѣ — А. Глинки.....	154
Пегасъ въ Ярмѣ* — А. Мейснера.....	158
Пегасъ — А. Струговщикова.....	315
8. Прогулка* — И. Крешева.....	163
9. Дѣтоубійца* — А. Мейснера.....	171
Мать-убійца — М. Милонова.....	318
10. Рыцарь Тогенбургъ — В. Жуковского...	176

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Орлеанской Дѣвѣ — Н. Гербеля.....	183
Орлеанской Дѣвѣ — ***.....	184
Орлеанской Дѣвѣ — А. Струговщикова.	323
Іоаннѣ Д'Аркъ* — Мейснера.....	324
2. Рыцари Св. Іоанна — А. Глинки.....	185
Крестоносцы — А. Струговщикова.....	186
3. Антики — Сѣверному страннику** — Э.	
Миллера.....	186
4. Вильгельмъ Телль — А. Струговщикова.	187

	Стр.
5. Притчи и загадки — А. Мейснера:	
I**.....	187
II**.....	188
III*.....	188
IV**.....	189
V**.....	190
VI*.....	190
VII**.....	191
VIII**.....	192
IX**.....	193
X**.....	194
XI*.....	195
XII**.....	195
XIII*.....	196
6. Двѣ дороги жизни** — О. Миллера.....	196
7. Молодому другу, приступающему къ философіи** — М. Достоевскаго.....	197
8. Почести — В. Масальскаго.....	198
Почести** — Н. Гербеля.....	198
9. Нѣмецкой Музѣ** — М. Достоевскаго...	199
10. Ширина и глубина** — А. Струговщикова.	200
11. Могущество женщинъ** — М. Достоевскаго.	200
12. Замѣтки:	
I. Къ* ** — Л. Мейснера.....	201
II. Къ*** ** — Н. Гербеля.....	201
III. Нынѣшнее поколѣніе** — М. Дмитриева	202
Нынѣшнее поколѣніе — О. Миллера..	202
IV. Къ Музѣ** — Л. Мейснера.....	202
Къ Музѣ** — М. Дмитриева.....	202
Къ Музѣ* — М. Михайлова.....	203
V. Ученый работникъ* — М. Михайлова.	203

	Стр.
VI. Долгъ каждого** — М. Михайлова..	203
VII. Задача** — М. Дмитриева.....	203
Задача — А. Струговщикова.....	204
VIII. Идеаль** — — М. Дмитриева.....	204
Свой идеаль* — Л. Мея.....	204
IX. Мистикамъ** — Л. Мея.....	204
Мистикамъ** — М. Дмитриева.....	205
X. Ключъ — Э. Миллера.....	205
Изученіе — А. Струговщикова....	205
XI. Порицатель** — М. Дмитриева.....	205
Другу — А. Струговщикова.....	206
XII. Умъ и мудрость — А. Струговщи-	
кова.....	206
XIII. Согласіе** — М. Михайлова.....	206
Встрѣча — А. Струговщикова.....	207
Согласіе** — Л. Мея.....	207
XIV. Исправителю челоѳчества** — М.	
Дмитріева.....	207
XV. Внутреннее и внѣшнее** — Л. Мея..	208
Внутреннее и внѣшнее** — М. Дми-	
тріева.....	208
XVI. Другъ и врагъ — Э. Миллера.....	208
Врагъ — А. Струговщикова.....	209
XVII. Свѣтъ и цвѣтъ** — Л. Мея.....	209
XVIII. Три возраста природы** — Л. Мея...	209
XIX. Рѣдкое Сочетаніе — А. Струговщи-	
кова.....	209
XX. Безукоризненность** — Я. Полонскаго	210
XXI. Тайна — А. Струговщикова.....	210
XXII. Милость музъ — М. Михайлова....	210

	Стр.
XXIII. Печать съ головою Гомера* — М. Михайлова.....	210
.... Печать съ изображеніемъ головы Гомера — К. Петерсона.....	211
XXIV. Геній смерти съ опрокинутымъ факеломъ** — Θ. Миллера.....	211
XXV. Нѣмецкій Геній** — Θ. Миллера....	211
XXVI. Средство соединенія** — Θ. Миллера.	211

Семела А. Фета.....	113
---------------------	-----

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Лжебѣрованія** — А. Мейснера.....	246
2. Фортуна и Мудрость** — Θ. Тютчева...	247
Шиллеру — А. Фета.....	251
Жизнь Шиллера**	252
Списокъ русскихъ переводовъ Лирическихъ Стихотвореній Шиллера** — Н. Гербеля....	290

1844. История съ рускою Печатою — М. Мун	
1845. История съ рускою Печатою — М. Мун	210
История съ рускою Печатою — М. Мун	211
1846. История съ рускою Печатою — М. Мун	211
1847. История съ рускою Печатою — М. Мун	211
1848. История съ рускою Печатою — М. Мун	211
1849. История съ рускою Печатою — М. Мун	211
1850. История съ рускою Печатою — М. Мун	211

1851. История съ рускою Печатою — М. Мун	211
--	-----

История съ рускою Печатою.

1. История съ рускою Печатою — А. Мун	210
2. История съ рускою Печатою — А. Мун	210

История съ рускою Печатою — А. Мун	210
История съ рускою Печатою — А. Мун	210
История съ рускою Печатою — А. Мун	210
История съ рускою Печатою — А. Мун	210

Schiller, Friedrich, 1759-1805

Lyrische, dramatische uund historische Werke Schillers in Übersetzungen
russischer Schriftsteller Liričeskije i dramatičeskije sočinenija

Bd.: 2

St. Petersburg 1857 - 59

P.o.germ. 1274-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10119172-4